

ревность, для других - счастья
и дети. А кто-то поочин
легкий флирт. Но эти женщины
готовы ради любимых на все.

Елена Анге

окрытой золотой Рудяевки и
золотой Рудяевки, в семье вчас
служавших в пусов
Всюду кипят одинаковые стра
неождеждуют бы и чести

Предсказание по таблетке

охран
зла
на
в

«От радости закружилась
голова. Счастье переполняло
меня до краев. Я готова была
любить всех: старуху-гадалку,
родных, Мориса, подарившего
мне сына».

Она жила в маленьком привычном мирке. Но встреча с гадалкой все изменила. Теперь ее жизнь — сплошной водоворот страстей и необыкновенных приключений. Головокружительный роман, неожиданное наследство, поездка в Париж — разве могла мечтать об этом скромная учительница?

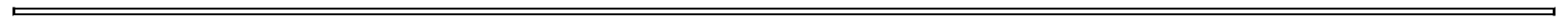
Но только что обретенное счастье готово лопнуть, как мыльный пузырь, когда она понимает, что ее избранник не тот, за кого себя выдает.

- [Елена Янге](#)
  - [Часть I](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
  - [Часть II](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
  - [Часть III](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)

○

○

Елена
Яние

Предсказание
по таблетке

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТРЕЛЬ
МОСКВА

Елена Янге

Предсказание по таблетке

Тамаре Галлямовой посвящаю

*Счастье не перестает быть счастьем, когда оно кратко,
а мысли и любовь не лишаются своей ценности из-за того, что
преходящи.*

Б. Рассел

Мысли — это господа мира. Каковы мысли, таков и мир.

Л. Фейербах

Никто не считает, что жизнь предсказуема, однако в мистическое начало мало кто верит. Не верила в него и я. Какая тут мистика, если схема — одна: родился, учился и так далее. К весне 1992-го мне было двадцать три, и мои анкетные данные умещались в три строчки: родилась в Москве, окончила французскую спецшколу, затем — филфак. До стадий под условным названием «так далее» я еще не дожила. И все-таки в моей схеме был сбой: в семнадцать лет я потеряла отца, а полгода назад — маму.

Я осталась одна, и в нашей когда-то уютной квартире стало тоскливо и пусто. В книжном шкафу стояли мамины альбомы, на фортепьяно лежали мамины ноты, в шкафу — мамины платья. Все напоминало о ней.

Тяжелее всего было вечером. Чтобы развеяться, я выходила в Лялин переулок, далее — по привычному маршруту: Подсосенский, Воронцово Поле, бульвар, Покровка, Малый Казенный, опять Лялин, знакомый каштан. Круг замыкался, я шла домой, и мне казалось: жизнь кончилась.

Однако случилось так, что судьба вывела меня на поворот и посадила около него старуху. Хотя не совсем так! Старуха сидела около моего подъезда. Маленькая, худая, в нелепой широкой юбке, пыльных ботинках, на голове — желтый вязаный шарф. Ни дать ни взять — нищенка! В тот вечер я возвращалась с прогулки и, остановившись у скамейки, стала искать ключи. Старуха встрепенулась и переместилась поближе. Почувствовав пронзительный взгляд, я оторвалась от сумки и посмотрела в ее сторону. Какое удивительное лицо! Узкий с горбинкой нос, широкие скулы, тубы, похожие на вывернутые лепестки, огромные миндалевидные глаза. Казалось, в ее чертах присутствуют признаки всех рас.

— Сядь! — приказала старуха.

Не попросила, не предложила, а именно приказала. Я опустилась на скамейку.

— Это хорошо, что поставила крест, хорошо!

Старуха скривила рот и добавила:

— Камень есть камень, слишком давит!

Я вздрогнула. На меня повеяло могильным холодом.

— А мать тебе надо отпустить! Она уже далеко, пути ей ни к чему!

Глаза наполнились слезами, и я всхлипнула. Старуха вздохнула и полезла в карман.

— Не одиночество хуже всего, а неопределенность. Все беды — от нее. Вот погадаю, и успокоишься.

Она вытащила лист бумаги и положила его на землю. Кроме небольшой таблицы, заполненной цифрами, на листе ничего не было.

— На, пожуй!

Не знаю откуда, но в моей руке оказался кусок хлеба. Безвольно засунув его в рот, я стала жевать.

— Старое гадание, издавека пришло! Поди уж, и забыли про него.

Она перехватила мой взгляд и забормотала:

— И понеслась, полетела, змеей зашуршала, а впереди — топь! Перескочила, закликала, крылами захлопала и поднялась!

Я почувствовала на себе цепкие пальцы и перестала жевать.

— Плюнь! — крикнула старуха.

Мякиш полетел на землю, и на него тут же опустился пыльный каблук.

— Вот и таблетка. Теперь кидай.

— Куда кидать?

— В квадраты, голубушка, куда же еще!

«Таблетка» подпрыгнула в моей руке и упала.

— Десять, — хрипло сказала старуха. — Это еще ничего.

Она широко расставила ноги и, устремив взгляд на таблицу, скороговоркой начала:

— Мужчина, книги, много книг. Вот и ты, глупая! Попалась ему, теперь служи! Тоска, годы идут, и нет ничего! Осталась с пустотой.

Старуха подняла «таблетку» и, протянув ее мне, приказала:

— Снова кидай!

«Таблетка» упала на второй квадрат, и голос старухи повеселел.

— Хорошо, очень хорошо! Все-таки его встретишь. Только накоротке, совсем накоротке. Полоса — узкая, небольшая, на ней — счастье. Счастье — и тебе, и ему. Однако болезнь, и все! Но ты не горюй, с тобой останется детство! Из него оно и придет.

Неожиданно старуха сникла и, горестно вздохнув, прошептала:

— Давай, еще раз — в последний!

Я высоко подбросила «таблетку», и она, сделав вираж, опустилась на квадрат сорок пять. Старуха разволновалась и, стащив с головы шарф, отбросила его на край скамейки.

— Приехали! И чего тебя туда понесло! Жила бы себе спокойно, аи нет! А он-то, гляди: вырядился, как павлин! А ведь сплошное гнилье!

Она погрозила кому-то неведомому палкой и уже спокойней продолжила:

— Однако тень рядом! Побережет тебя.

В моей голове царил хаос.

«Осталась с пустотой. Все-таки встретишь! Сплошное гнилье! Тень рядом!» Обрывочные фразы пронзали мозг и несли с собой множество загадок. Я смотрела на таблицу и пыталась сосредоточиться.

«Мужчины, загадочная она, и все это как-то со мной связано».

Размышления прервала старуха.

— А ты много не думай! Послушала и забудь!

Она встала и, тщательно отряхнув юбку, добавила:

— Вот и освободилась!

«Освободилась? От чего?»

Однако спрашивать не хотелось, хотелось одного — спать. Я словно впала в сомнамбулическое состояние, и в тот момент своей воли у меня не было.

— Теперь проводи!

Тяжело опираясь на палку, старуха пошла к арке, я — за ней. Около арки она остановилась.

— Прощай, голубушка! Может, когда и свидимся.

Я прислонилась к стене. По переулку шли люди, ехали машины. Но все это — серое, безликое, туманное. Казалось, это другая жизнь. В той, в которой жила я сейчас, была только старуха. Хотя нет! Рядом — два ярких пятна. Одно из них — джип. Машина притормозила около арки, и я услышала музыку, женский глуховатый смех; почувствовала запах сигарет, дорогих духов. Другое пятно — пожилой мужчина. Он остановился около старухи и спросил

дорогу. На нем — коричневый замшевый пиджак, бежевые отутюженные брюки, в руках — большая трость. Трость была такой элегантной, что, несмотря на заторможенное состояние, я ее запомнила: отполированное дерево, ручка из слоновой кости с причудливой резьбой.

Не помню, о чем они говорили, в памяти зацепились последние фразы.

— В Москве я впервые, еще не освоился.

— Знаю, милоч! Знаю!

— Хочу в церковь зайти, Яковоапостольскую.

— Рядом уже: налево повернешь и увидишь.

— Спасибо!

— Иди с Богом!

Старуха проводила мужчину взглядом, затем завернула за арку и скрылась. Постояв пару минут, я поплелась домой. На скамейке висел шарф, рядом валялся листок с таблицей. Я подняла его и увидела: среди цифр, расположенных в девять столбцов и пять строчек, три — будто бы выжжены.

— Десять, два, сорок пять, — прошептала я и, засунув таблицу в карман, отправилась спать.

На следующий день на меня снизошел покой, а вместе с ним — несвойственная мне деловитость. Вспомнив мамино желание, я решила поступать в аспирантуру и стала готовиться к экзаменам. Книги, научные статьи, словари — они были моими учителями, советчиками, друзьями. Каждый день я ездила в Ленинку; и библиотечная тишина, шелест страниц, лампы под зелеными абажурами оказались для меня лучшим лекарством.

Я наконец-то расслабилась, и, воспользовавшись моментом, Судьба свела меня с Олегом Александровичем.

* * *

Наша первая встреча произошла в библиотеке около стола заказов. Я ждала лифт, поднимающий из хранилища книги. Высокий, атлетичный, лет тридцать пять — сорока мужчина стоял рядом и заполнял бланки. Взглянув на листки, я увидела незнакомые слова: «Асимптотика. Интегралы и ряды».

Я с интересом посмотрела на соседа. Мужчина протянул библиотекаря бланки и повернулся ко мне в профиль.

«Похож на римского сенатора, правда, несколько тяжеловат подбородок», — подумала я.

Почувствовав взгляд, он вопросительно посмотрел на меня близорукими глазами, и по лицу пробежала тень.

— Я нарушил очередь? — спросил он.

— Нет, нет! Свой заказ я уже сдала.

— У вас — проблемы?

— Нет! То есть, да, — ответила я и смутилась.

Мужчина пожал плечами и отвернулся.

— Девушка, ваши книги уже пришли. Забирайте!

Поспешно собрав книги, я направилась в читальный зал. В зале — два свободных места: одно — у двери, другое — в углу. Я подошла к угловому столу, вывалила на него книги и

посмотрела на соседний. Он был завален книгами и научными журналами. Хозяин, по всей вероятности, отправился на перекур или в столовую. Я стала просматривать нужные статьи и не заметила, как прошло три часа. Решив перекусить, я поднялась из-за стола. Мой сосед — тоже.

«Да это математик из очереди!»

Мужчина пошел за мной.

«Неужели решил познакомиться?»

Признаюсь, эта мысль не вызвала раздражения.

— Простите мою назойливость, но, как это ни банально, мне бы хотелось...

Я обернулась. В серых глазах — беззащитность и некоторая растерянность. По-видимому, мужчина был смущен.

— Не в моих правилах знакомиться на ходу, — опять заговорил он, — но...

— Рита, — коротко представилась я.

— Олег Александрович.

Казалось, он облегченно вздохнул. Войдя в столовую, мы направились к стойке с комплексными обедами.

— Позвольте задать вопрос, — я прервала затянувшуюся паузу и повернулась к новому знакомому.

— Слушаю.

— Совершенно случайно видела ваши бланки. Одно слово запало в память и не дает покоя.

— Готов помочь.

Олег Александрович достал из кармана белоснежный платок и аккуратно вытер узкие губы.

— Это слово — «асимптотика». Что оно означает?

— Извините, вы кто по специальности?

— Филолог.

— Ваш интерес очевиден. В переводе с греческого «асимптота» — это «несовпадающий». Если посмотреть на слово с точки зрения математика, это бесконечная кривая, стремящаяся к прямой.

— Кривая, стремящаяся к прямой, — повторила я.

— Вот именно!

Олег Александрович посмотрел на пустые тарелки и предложил:

— Не хотите ли прогуляться?

— Согласна!

Мы вышли к Александровскому саду.

— Вернемся к нашему разговору, — пытаюсь подстроиться под мой шаг, сказал Олег Александрович. — Асимптотическая формула связывает сложную функцию с более простой.

Увидев на моем лице растерянность, он улыбнулся.

— Мистеру Икс соответствует определенная мисс Игрек. Представили?

— Более или менее.

— Вот и хорошо.

Он остановился, поднял ветку и нарисовал на дорожке крест.

— Допустим, это — две оси. На каждой находится бесконечное множество точек. На горизонтальной — точки мистера Икс, на вертикальной — мисс Игрек. «Как бы нам

встретиться?» — думают они.

— Разве это возможно?

— Почему бы и нет?

Олег Александрович нагнулся и дополнил рисунок. Жирная косая линия пересекла крест и убежала в траву.

— Вот посмотрите. Точка мистера Икс решила попутешествовать. Она добежала до косой линии и остановилась. В этот момент мисс Игрек дает команду.

— Кому?

— Некой определенной точке.

— А почему определенной? — удивилась я.

Мне было непонятно.

— Может быть, «прогуляться» решила какая-нибудь другая точка.

— Зачем устраивать бардак? — возмутился Олег Александрович. — К косой линии будет стремиться только та, которая соответствует точке мистера Икс.

— И что дальше?

Объяснение Олега Александровича завораживало. В его словах я чувствовала не математический, а житейский смысл, можно даже сказать — определенную философию.

— А дальше все просто. Точка Игрек «добежит» до линии и «соплется» с точкой Икс. Они станут одним целым. То же самое произойдет и с другими. Все они найдут пару и займут свои места на графике.

— И будут вместе, — заметила я.

— Да, вместе, — согласился Олег Александрович.

Искоса взглянув на меня, он добавил:

— Надо только учесть, что каждой мисс Игрек будет соответствовать строго определенный мистер Икс.

— Поняла. Не любой, а тот, который находится в зависимости.

— Совершенно верно! — обрадовался он. — Математика — это наука о строгом соответствии! Здесь не может быть хаоса. Одно соответствует другому, а между ними — строгие законы и логические связи.

* * *

Впоследствии этот крест я вспоминала не раз. Время от времени его пересекала жирная косая линия, и к ней устремлялись множество маленьких точек. Они сливались друг с другом и, расположившись на линии, повторяли одну и ту же фразу: «Одно соответствует другому, одно — другому». В этой фразе была настоящая, я бы даже сказала «сермяжная» правда, и в то же время... В то же время мне все чаще и чаще хотелось взять ветку и разворошить точечный порядок. Я даже представляла, как это будет — нет строгих осей, жирной косой линии и множества точек. На дорожке лежит песок, и каждая песчинка — сама по себе, свободна и независима.

Однако эти мысли возникли позже, а тогда... Тогда мне было двадцать три, и рядом со мной появился человек, который мог все объяснить.

Мы стали встречаться. Степенные разговоры, которые так любил Олег Александрович, успокаивали и возрождали интерес к жизни. Я училась мыслить логически и получала

ответы на многочисленные вопросы. Моя излишняя эмоциональность подавлялась спокойными рассуждениями; грезы, не успев поднять «голову», утопали под слоем четкой информации. Я вошла в запрограммированное русло и тихо по нему поплыла.

Поведение Олега Александровича было безукоризненным: любезен, внимателен, интеллигентен. Он был похож на ходячую энциклопедию. Что ни спроси — ответит; о чем ни заговори — знает. Его ненавязчивое ухаживание, неторопливая манера общения вылечили мои душевные раны, и вскоре я предложила ему жить вместе. Он не возражал, и в течение нескольких дней переехал с Фрунзенской набережной, где жил вдвоем с мамой, ко мне — в Лялин переулок.

Мама Олега Александровича, Татьяна Леонидовна, была театральным критиком и любила поговорить об актерах и драматургах. Будучи у нее в гостях, мы часто встречали чету Муровых, и порой казалось, что наша компания походит на участников небольшого литературного салона. Анна Семеновна и Валерий Алексеевич Муровы могли говорить долго и о чем угодно. Так, например, однажды разговор зашел о чае. Татьяна Леонидовна поставила на журнальный столик изящные чашки из китайского фарфора и, разливая зеленый чай, сказала:

— Зеленый чай сейчас в моде. Признаюсь, я не сразу к нему привыкла.

— Экзотика! — воскликнул Валерий Алексеевич и причмокнул толстыми губами.

— Олег говорит, зеленый чай — мягче, в нем много витаминов, но, знаете ли... многолетняя привычка пить черный чай дает о себе знать.

— Да, да! В нашем возрасте трудно менять привычки, — вступила в разговор Анна Семеновна. — Головой понимаешь: полезно, а нет! Рука тянется к маслу, сырокопченой колбасе и традиционной заварке.

— Все это так! Однако в нашем возрасте надо прислушиваться к мнению диетологов. С их легкой руки зеленый чай сейчас очень популярен! Я читала, что в нем нет калорий, а тонизирующий эффект — очень высок.

— Что вы говорите! Никаких калорий? — вскрикнул Валерий Алексеевич и повернулся к жене. — Не мешало бы и нам, Аннушка, перейти на зеленый.

— Право не знаю!

— А вы попробуйте «Зеленую жемчужину», — вступил в разговор Олег Александрович. — Я рекомендовал его и маме, и Маргарите.

Он тепло посмотрел сначала на мать, затем на меня и продолжил:

— Этот чай растет в Китае, и порой его называют «Жемчужиной дракона».

— Как романтично! — закатил глаза Валерий Алексеевич. — Люблю, когда обеденная церемония сопровождается легендами.

— В данном случае, Лерочка, не обеденная, а чайная, — заметила Анна Семеновна.

— Не спорю, не спорю!

Валерий Алексеевич повернулся к жене и поцеловал ей ручку.

— Но почему же «Жемчужина»?

— Наверное, потому, что молодые побеги скручивают в маленькие шарики, — ответил Олег Александрович.

— Ты говорил, что внутри этих шариков находятся распутившиеся почки, — добавила Татьяна Леонидовна.

— Да, так мне рассказывал продавец.

— Олег покупает чай только в спецмагазинах. Он не любит подделок.

— Кто же их любит, любезная Татьяна Леонидовна! Другое дело, не все могут отделить зерна от плевел.

Валерий Алексеевич взял очередное пирожное и продолжил:

— Вы уж извините меня, Олег Александрович, а я скажу. Такого светлого ума, как у вас, не встречал! Нет, не встречал!

— Помилуйте, так и захвалить можно! — воскликнула Татьяна Леонидовна. — Начали

с чая, а закончили умом.

— Что есть, то есть, Татьяна Леонидовна! Не Постесняюсь милой барышни, которая, к слову сказать, украшает наше чаепитие, и выскажу свое мнение: Олег Александрович — выдающийся ученый!

— Давайте поговорим лучше о чае, — улыбнулся Олег и положил в тарелку Валерия Алексеевича три пирожных.

— Спасибо, друг мой. Слаб я на сладкое, ох как слаб! Анна Семеновна не даст соврать.

— Будем считать, что это — твой единственный недостаток, — заметила Анна Семеновна, поправив салфетку на коленях мужа.

— Я вам не рассказывала, кто Риточкины родители? — поменяла тему Татьяна Леонидовна.

— Интересно, интересно!

Валерий Алексеевич стряхнул крошки и умиленно посмотрел на хозяйку.

— Ритин папа — знаменитый летчик-испытатель, мама — искусствовед.

— Что вы говорите!?! А как имя-отчество вашего батюшки? — обратившись ко мне, спросил Валерий Алексеевич.

— Владимир Максимович Белых, — ответила я.

— С удовольствием познакомился бы.

— Он погиб, когда мне было семнадцать.

— Как это ужасно! — Анна Семеновна в волнении вскинула пухлые ручки.

— Маргарита имела славных родителей, — продолжил разговор Олег Александрович. Он сделал ударение на слове «славных» и посмотрел в мою сторону. — К сожалению, они мало пожили!

— Милая вы моя! Как вам, наверное, одиноко!

Валерий Алексеевич потянулся через стол и сочувственно пожал мою руку.

Я вздохнула. Острая боль уже отпустила, однако чувство утраты еще не прошло.

— Мама Маргариты, Елена Павловна, имела благородное происхождение, — продолжил Олег Александрович и обнял меня за плечи.

Он сидел рядом и прижимался ко мне своим большим телом.

— Она — из рода Лопухиных.

— Боже ты мой! В это трудно поверить!

— Лерочка, то, что ты сказал, — бестактно! — воскликнула Анна Семеновна и строго посмотрела на мужа. — Что значит, трудно поверить?

— Язык — враг! Право, я не думал сомневаться.

— Покойная бабушка Маргариты — урожденная княжна Лопухина, — между тем заметил Олег Александрович.

— Это не имеет никакого значения, — вмешалась я. — О своих корнях я узнала недавно. Мама рассказала бабушкину историю только перед смертью.

— Какая скромность! — Анна Степановна сладко посмотрела на меня.

— Думаю, в своем молчании Елена Павловна была абсолютно права, — проговорила Татьяна Леонидовна. — Разве забыли, в какое время мы жили?

— Как же, как же! Меня, например, при поступлении в институт просили заполнить анкету... — Валерий Алексеевич округлил глаза и сделал паузу. — В одном из пунктов был вопрос: «Ваше социальное происхождение?» «Что это такое?» — в свою очередь спросил я. — «Вы должны написать, кто по социальному статусу ваши родители, — ответила

девушка-секретарь. — Например, крестьяне, рабочие или служащие». — «А если мама — служащая, а отец — рабочий?» — «Пишите — рабочий». — «Почему?» — «Тогда у вас, молодой человек, будет больше шансов!»

Валерий Алексеевич доел последнее пирожное и воскликнул:

— Представляете, что творилось!

— Тоже мне, вспомнил! В каком году ты поступал в институт?

Анна Семеновна перевела взгляд с тарелки на мужа.

— Сразу после войны.

— После войны от дворян даже памяти не осталось! Те, кто был вынужден жить здесь, сменили фамилии и постарались забыть о своем происхождении.

— А те, кто не забыл, очутились в ГУЛАГе, — добавила Татьяна Леонидовна.

— Слава Богу, сейчас — другие времена! — Валерий Алексеевич выпрямил спину и обвел присутствующих блестящими глазами. — В наше время благородное происхождение в моде. Я читал, что появились Российское Дворянское собрание и Геральдический Совет.

— Да, да! — перебила Татьяна Леонидовна. — Некоторые мои знакомые даже заказали себе составление генеалогического древа.

— Интересно! Вы тоже изучаете свою генеалогию? — вкрадчиво спросила Анна Семеновна.

— Я? Нет, у меня и других дел много!

Татьяна Леонидовна бросила на Анну Степановну взгляд кобры и обиженно замолкла.

— Что и говорить, проблема есть, — не замечая пикировки дам, заявил Олег Александрович. — Однако если ею заняться, Маргаритиных родственников можно найти.

— К сожалению, у меня здесь никого нет!

— Откуда ты знаешь? Может быть, кто-то и остался, — возразил Олег Александрович. — Не здесь, так за границей.

Не скрою, внимание к моим корням было приятно. Я с симпатией взглянула на людей, сидящих вокруг изящного столика, и благодарно улыбнулась.

— Отыскать родственников — ваш долг, Риточка! — сказала Татьяна Леонидовна. — Долг перед предками!

Она встала с кресла и заходила по комнате. Ее полная фигура излучала такую решительность, что я подумала:

«Несмотря на рыхлость, она очень энергична».

— Надо пораскинуть мозгами, — продолжила Татьяна Леонидовна. — Если постараться, можно найти тех, кто имеет отношение к поиску родственников.

— Вот это правильно! — вскочил со своего места Валерий Алексеевич. — Тогда Маргарита Владимировна будет не так одинока!

— По-моему, она и сейчас не одинока, — одернула мужа Анна Степановна. — У нее есть Олег Александрович.

Я смутилась и покрылась румянцем.

— Очаровательно! Очаровательно! — засмеялся Валерий Алексеевич. — Как тургеневская барышня!

Он внимательно посмотрел на меня и добавил: — Какие у вас тонкие черты лица! Сразу видно благородное происхождение.

Олег Александрович прижался ко мне еще ближе, а Татьяна Леонидовна с гордостью посмотрела сначала на меня, затем на сына.

С тех пор прошло тринадцать лет. Мои родственники не нашлись, Олег Александрович по-прежнему жил у меня, а я, забросив учебу в аспирантуре, стала работать в лицее преподавателем литературы.

За это же время Олег защитил докторскую диссертацию, написал множество научных статей и возглавил отдел в институте теоретической и прикладной математики. Казалось, все хорошо. Однако на подсознательном уровне я понимала: в моей жизни что-то не так.

Я жила устоявшейся и размеренной жизнью. Дом, лицей, подруги — Лялька и Нюта, ежедневное общение с Олегом Александровичем. Я чувствовала, что чего-то не хватает! Тысячу раз я задавала вопрос: «Чего?» Сначала думала: не хватает собственных детей и официального статуса жены. Затем с ужасом для себя поняла: эти проблемы — вторичны. Первична другая — нет любви, настоящей, мужской любви.

Как только я это поняла, моя восторженность куда-то улетела, подобострастие испарилось, а вместе с ними исчезло желание открывать душу и что-то объяснять.

Олег Александрович отреагировал мгновенно. Его взгляд стал напряженным, а критика, направленная в мой адрес, приобрела ядовитый оттенок. Между нами повисла напряженная тишина. Тягучие мысли обвилились вокруг моей шеи, и я почувствовала, что задыхаюсь в собственном доме.

— Взрослеешь! — выслушав мои откровения, сказала Нюта.

Лаконичный вывод подруги навел на мысль, что изменения, происходящие во мне, ведут к неизбежному семейному кризису. Я стала по-другому смотреть на собственную жизнь, видеть то, что не видела раньше. В голове появилось бесчисленное количество мыслей, они жужжали, как разбуженный улей, и давали многочисленные советы. Слушая их, я впадала в меланхолию и думала о своей пресной, одинокой жизни:

«Детей нет, с мужем — в гражданском браке, впереди старость».

Однако не говори «никогда»! Второе предсказание старухи уже стучалось в нашу дверь и было готово разворошить мою маленькую семью и привязанности.

Чудеса начались за неделю до Нового года.

* * *

Серый рассвет еще вставал над Москвой, за окном были видны только ветки каштана да контуры соседнего дома. Я проснулась в полном миноре и побрела на кухню. Настольная лампа освещала круглый стол, большой холодильник отсвечивал никелированной поверхностью, в кресле сидел Олег Александрович и просматривал утреннюю газету.

— Как настроение? — взглянув на меня из-за газеты, спросил он.

— Ничего, — вяло ответила я и поставила на плиту кофейник.

— Выглядишь ты, прямо скажу, неважно.

— Наступила зима.

— Давно пора! Теперь можно вздохнуть с облегчением: свежий морозный воздух, скрипящий снег под ногами...

— Грязь, перемешанная с солью; ветер, пронизывающий до костей, — продолжила я.

— По-моему, ты не выпалась.

— Зимой мне все время холодно и грустно. Наверное, я типичный метеопат.

— Хм, думаю, тебя надо отнести к другой категории.

Я застыла и вопросительно посмотрела на Олега.

— К категории психически неуравновешенных людей! — неожиданно сказал он и пружинисто встал.

«Ничего себе заявление! Впрочем, как ему угодно!»

Противная слабость разливалась по всему телу, и доказывать, что я психически уравновешенный человек, было лень. Грея руки о чашку, я задумчиво смотрела в окно.

«Вот и каштан замерз. Расставил обледеневшие ветки в разные стороны и просит о помощи».

— Сегодня у меня — напряженный день: заседание в Академии Наук, пара встреч. По всей вероятности, домой приду к семи.

— Поняла, — наливая вторую чашку кофе, отозвалась я.

— Приготовь какое-нибудь мясное блюдо.

— К ужину я собиралась сделать антрекоты.

— Вот и хорошо! Зимой надо лучше питаться. В нашей полосе, чтобы согреться, требуются большие энергозатраты. Думаю, не случайно варят щи на жирном бульоне.

— В твоём возрасте не следует злоупотреблять жирной пищей.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам понимаешь, сосуды.

— С сосудами у меня все в норме! — с раздражением сказал Олег Александрович. — Ты лучше со своими сосудами разберись! Посмотришь на тебя утром...

Он достал дубленку и без всякого перехода заметил:

— Хорошая дубленка!

— Да! В ней ты выглядишь респектабельно.

Я уже проглотила второй «комплимент» и была готова продолжить утренний разговор.

— Можно подумать, что без нее я выгляжу нереспектабельно! — обиженно заявил Олег Александрович, остановившись на пороге.

— Ты меня не так понял.

— Значит, надо точнее выражать свои мысли. Ты же словесник, в конце концов!

— Ладно, проехали, — миролюбиво сказала я и, привстав на цыпочки, подставила щеку для поцелуя.

— Что за школьно-студенческий сленг: «Проехали!» — брезгливо воскликнул Олег и закрыл за собой дверь.

— Осталась без утреннего поцелуя, — вздохнув, пробормотала я и отправилась на кухню за третьей чашкой кофе.

До выхода на работу еще было время, и, удобно устроившись в кресле, я предалась неторопливым размышлениям.

«Мрачный он все-таки человек! Совсем не умеет радоваться. И тем не менее, я прожила с ним тринадцать лет. Почему?»

Я вопросительно подняла бровь и посмотрела на каштан. Чаще всего именно он был моим бессловесным собеседником.

«С точки зрения простого обывателя Олег Александрович — мечта любой женщины! Доктор наук, перспективный ученый! Конечно, изъяны в нем есть... Взять, например,

историю с женой и сыном. Ушел от них, когда Никите было два месяца. Это нехорошо! Конечно же, он принимал участие в судьбе сына: звонил, передавал деньги, дарил подарки, водил мальчика гулять. Иногда даже приводил Никиту домой и оставлял ночевать».

Я встала с кресла и пошла одеваться. Мысль об официальной жене Олега по-прежнему крутилась в голове.

«Кажется, она в молодости работала лаборанткой. Скорее всего, в том же институте, что и он, — продолжая собираться на работу, думала я. — Сейчас Никита — взрослый парень, значит, Олег ушел двадцать два года назад».

Я закрыла дверь и вошла в лифт.

«А почему он тогда не развелся?»

Этот вопрос озадачил меня в очередной раз, и, размышляя на эту тему, я спустилась вниз.

— Какая встреча! Куда собралась?

Не успев выйти из лифта, я попала в душистые объятия Ляльки.

— Как тебе нравится? — спросила она.

— Что нравится?

Предыдущая мысль унеслась вверх вместе с лифтом, и теперь я принадлежала только себе и Ляльке.

— Ты что? Не чувствуешь?

— Новые духи?

— Точно! Решила себя порадовать.

— Какой загадочный запах!

На самом деле я еле-еле улавливала запах Лялькиных духов. Причина была проста и банальна: мой нос бастовал против холода и отказывал служить по прямому назначению.

— А то! — Лялька сделала круг перед почтовыми ящиками и томно закинула голову. — Какая хозяйка, таков и запах!

— Откуда идешь?

— С утра забежала в пару магазинов, прогулялась...

Лялька встала в позу манекена и застыла.

— Трудно понять, что ты изображаешь, однако разгадывать твои загадки — не с руки. Спешу!

— У тебя уроки?

Лялька перестала позировать и нажала кнопку вызова лифта.

— Да, красавица моя! С четвертого по седьмой.

Мое внимание привлекли Лялькины ногти, и я ахнула:

— Накладные?

— Не совсем так. Правильнее сказать, нарощенные.

Она задумалась и, посмотрев на розовые ноготки, с сомнением сказала:

— Или наращённые? Не знаю, как правильно.

— Тоже собственный подарок?

— Ритуль, ты меня удивляешь! Кто ж о нас будет заботиться?

— Только мы сами! — быстро ответила я и, посмотрев на часы, бросилась вниз по лестнице.

— Было бы хорошо, если бы почаще вспоминала эти слова! — услышала я вслед и в ту

же минуту выбежала из подъезда.

«Лялька права! Совершенно права! Надо научиться заботиться о себе».

Однако эта мысль не задержалась в моей голове. Она исчезла на отрезке подъезд — угол дома. Скорее всего, она была слишком мимолетной.

Направляясь к Покровскому бульвару, я вспомнила, что завтра родительское собрание, и нахмурилась. Дело в том, что я не любила собрания вообще, а родительские не любила в частности. Сколько себя помню, я проводила собрания оперативно и старалась общаться с родителями или в индивидуальных беседах, или по телефону.

Однако в этом году коротких собраний не получится. Класс, который я курирую, является выпускным, и вопросов для обсуждения — достаточно. Например, пора начинать разговор об экзаменах, последнем звонке, выпускном вечере... Вместе с тем мне давно хотелось выступить с так называемой «тронной» речью, однако я все откладывала.

«Все-таки надо выступить, — думала я, переходя Покровский бульвар. — В конце концов, учителя столько возятся с их детьми, что и о наших проблемах можно послушать. К тому же, многие из родителей — люди со связями. Глядишь, наш голос и до верхов долетит».

Я перебежала дорогу и начала внутренний монолог:

«Думаю, вы согласитесь: учить детей — это тяжелый труд! — сделала я небольшое вступление. — Однако у каждого из вас один или два ребенка, максимум — три. Теперь представьте, что их — тридцать. Тут уже возникают проблемы не первой степени, а, как говорит мой муж, — десятой и так далее. Наверное, именно поэтому очередей на наши должности не наблюдается».

Здесь я даже не обсуждаю вопрос зарплаты, хотя иногда хочется сказать: «А на Западе учителя получают...» Попробуй сказать так, и чиновник от образования тут же ответит, что мы живем не на Западе, а в России и что учителя — это часть передовой интеллигенции, а, следовательно, должны работать за идею. Не спорю! Однако все чаще и чаще мы, российские учителя, думаем, что нас «кинули». Другого слова не придумаешь. Все равно как лягушку из старой притчи. Однако лягушку кинули в сливки! А куда нас? Я отвечаю: нас бросили в джунгли! А там, как известно, выживает сильнейший. Не мудрейший, позволю заметить, а сильнейший.

Вот и приходится выживать: две ставки в школе, в свободное время — репетиторство, а вечером — домашние дела».

Я вошла в роль и, остановившись посреди дороги, оглядела ряды снующих машин. В этот момент я вся была там — на воображаемом родительском собрании.

«И в то же время есть что-то неуловимо притягательное в нашей профессии! Она — как запах хороших духов: есть первая нотка, вторая, а в памяти остается третья».

Я глубоко вдохнула воздух, пропитанный выхлопными газами, и ринулась на другую сторону дороги.

— Ненормальная! — послышался возмущенный голос.

Прошмыгнув перед бампером громадного джипа, я виновато махнула.

— Ты что? На кладбище торопишься?

— В школу!

— Училка, значит! Все вы — с прибабахом!

Джип взревел и умчался.

«Точно, с прибабахом!» — согласилась я и затрусилась дальше.

До лица оставалось пять минут ходьбы, и я поспешила закончить речь.

«Так вот. Те, кто чувствует эту «третью нотку», из школы не уходят.

Знаете почему? Они чувствуют другую энергетику и живут в молодой и здоровой среде».

В подтверждение этой мысли я кивнула головой, и шапка чуть не свалилась мне под ноги. Нахлобучив ее до бровей, я продолжила:

«Вы никогда не обращали внимания, насколько моложе выглядят учителя, которых дети любят или уважают? Я не придумываю, это факт!»

Я гордо подняла голову и перешла на медленный шаг.

«Выжить в нашей профессии без любви невозможно! Поэтому, по большому счету, в школах остаются лишь те, кто по настоящему предан детям. И тогда... Тогда появляется удивительная гармония, награда за которую — НЕЧТО неосязаемое. Это НЕЧТО не измеришь никакими деньгами, это трудно объяснить и невозможно показать. Но думаю, именно оно объединяет в себе то, что и дети, и мы, взрослые, недополучили дома».

Я остановилась у ворот лицея и посмотрела на высокую решетку.

«Хорошо сказано! Но не поймут. Еще подумают, как этот шофер на джипе: «А наша Маргарита Владимировна, оказывается, с прибабахом!» Лучше поговорю о возможном ЕГЭ».

Войдя в лицей, я встретила Нюту.

— Прикинь, Адамыч запретил новогоднюю дискотеку! — нервно заговорила она. — Ну, не козел? Видите ли, приказ Департамента образования!

— При чем тут Департамент?

— Эпидемия гриппа, милочка! Нельзя проводить массовые мероприятия!

— Значит, и новогодний концерт отменяется?

— Сказала бы я!

Нюта возмущенно махнула рукой и двинулась к своему кабинету. Ее крутые бедра угрожающе ходили из стороны в сторону, а высокие каблук, казалось, вбивали в пол гвозди.

Я посмотрела на дверь директорского кабинета и тяжело вздохнула.

«А как же быть с детьми? С теми, кто не болеет гриппом?»

Звонок на урок подстегнул меня, и я резво взяла старт. Нога неожиданно подвернулась, и быть бы мне на линолеуме, не окажись рядом толстенького мужчины. Он подхватил меня за талию и елейным тоном сказал:

— Опаздываете, Маргарита Владимировна! Нехорошо!

— Уже бегу, Александр Адамович! Бегу!

Я оттолкнулась от директора и затерялась в толпе детей, спешащих на урок.

«Надо же было нарваться на Адамыча! Сейчас напротив моей фамилии поставит изящную закорючку. Затем другую, третью... Через месяц вызовет к себе и сладким голосом скажет: «Маргарита Владимировна, надо принять участие в конкурсе «Учитель года»! Попробуй, откажись! Директор загадочно постучит толстым пальцем по списку... Тут ты и попалась! Считай, три месяца из жизни выкинуто. Уроки напоказ, куча бумажек, масса ненужных разговоров, улыбки дамам и господам из Департамента образования.

А результат? Для работы — ноль, а может быть, и минус! Для Адамыча — плюс: учителя принимают участие в престижных профессиональных конкурсах! Для чиновников из Департамента — тоже плюс: они провели мероприятие. А детям сорвали Новогодний праздник! И ничего, всем комфортно!»

С четвертого по шестой уроки я работала в девятых классах. На седьмом был объединенный семинар в 11 «Б». Сочинения мне проверять было лень, поэтому я решила разобрать тему: «Судьба человека в произведениях Шолохова и Солженицына» устно. Те, кто немного знаком с преподавательской деятельностью, должны понимать, что такие семинары с бухты-барахты не проводятся. Лицей у нас — гуманитарный, дети — подготовленные, поэтому уже за неделю до предполагаемого семинара я попросила ребят перечитать «Судьбу человека», «Матренин двор» и «Один день из жизни Ивана Денисовича» и составить краткий план-конспект.

Надо сказать, что 11 «Б» — это мой класс. В нем я преподаю литературу и выполняю кураторские обязанности. Кураторами у нас в лицее называют классных руководителей. В наши задачи входят поездки, выступления, трудовая практика, родительские собрания и прочие внеклассные мероприятия. Реально это означает, что денно и нощно мы отвечаем за своих учеников, помогаем им не только в учебе, но и во многих жизненных вопросах. Подобные обязанности приводят меня «в полный восторг»: то, что не делают родители для своего единственного ребенка, я должна сделать для тридцати человек за четыре года!

В результате такой работы многие учителя, вложившие в своих «зайчиков» часть собственной души, к концу учебного года чувствуют себя совершенно разбитыми. В настоящий момент я уже подходила к этому рубежу, но всякий раз, глядя на знакомые лица, мое сердце сжималось, а в голове пульсировала лихорадочная мысль: «Скоро уйдут, уйдут, уйдут...»

Эта пульсация походила на стук колес поезда: «Тук-тук, уйдут; тук-тук, уйдут». В такие минуты я закрывала глаза. Мне виделась одна и та же картинка. По блестящим рельсам несется поезд, в котором много-много красивых вагонов. В каждом из вагонов — около тридцати детей и один взрослый. Поезд мчится вперед. За окнами проносятся леса, поля, города, мосты. В вагонах кипит бурная и веселая жизнь, всем хорошо и комфортно. В какой-то момент поезд начинает замедлять движение, и его обитатели, чувствуя приближающуюся остановку, невольно настораживаются. Смех становится тише, разговоров — меньше. Наконец, поезд останавливается, и пара-тройка вагонов пустеет. Выпускники выходят на перрон, раздается гудок, оставшиеся вытирают слезы и долго смотрят вслед уходящему поезду. Они понимают: он увозит их детство.

«Тук-тук, вперед, — начинают выстукивать колеса поезда, — тук-тук, ушли!» Некоторое время в вагонах царит тишина, но вот уже новая остановка, и в поезд входят другие ребята. Начинаются иные разговоры. То там, то здесь вновь раздается смех, и жизнь в поезде налаживается. И так из года в год. Дети постоянно меняются, а мы, взрослые, остаемся. Кажется, что учителя — вечные пленники этого поезда. Кажется, что мы ему служим. У нас нет личной жизни, нет постоянного общения с взрослым миром. Наша задача — особая: мы сопровождаем детей в будущее.

Вот и сегодня, посмотрев на 11 «Б» класс, я услышала в ушах стук и крепко зажмурила глаза. Простояв так несколько минут, я почувствовала теплое дыхание возле своего уха.

— Маргарита Владимировна-а-а?

Я вздрогнула. Тридцать пар глаз смотрели на меня и ждали.

«Ждали? Чего же они ждали?» — спросите вы меня.

Когда я войду в реальную жизнь.

«Вы же учитель! Должны, голубушка, держать себя в руках!»

Верно. Со стороны все это выглядит ужасно нелепо. Учитель стоит перед классом с зажмуренными глазами и мелко вздрагивает.

«Да, зрелище еще то! Так и хочется пригласить в класс директора».

«А вот этого делать не надо! — быстро реагирую я. — Директор — это чиновник, поэтому ничего не поймет!»

«А кто же поймет?»

«Мои ребята, — шепотом отвечаю я и смотрю на обращенные ко мне лица. — Они знают, что время от времени я уношусь в свои фантазии и начинаю разговаривать сама с собой».

«Это не лицей, а дурдом какой-то!»

— Маргарита Владимировна-а-а? — слышу я опять густой баритон. — Все тип-топ?

— Тип-топ, — говорю я и улыбаюсь высокому парню, стоящему прямо предо мной. — Я уже с вами. Спасибо, Петя!

— «Мои мысли — мои скакуны!» — громко говорит Петя.

— Это цитата?

— Это строчка из песни Газманова, — кричит мне Пуся.

На ее пухлых щечках две маленькие ямочки весело подпрыгивают вверх.

— Хорошая строчка! «Мои мысли — мои скакуны». Это как раз про меня!

Ребята смеются и переводят внимание друг на друга. Они начинают вести разговорчики-междусобойчики и на время обо мне забывают.

— Пожалуй, начнем! — говорю я.

Ребята замолкают. Я делаю паузу и иду между рядами. Опытные учителя, как и хорошие актеры, умеют выдержать паузу, после которой, как правило, внимание детей собирается в нужный фокус.

— Начнем с того, что коротко вспомним о судьбе главных героев воображаемого сочинения.

Я останавливаюсь возле доски и, вытянувшись в струнку, становлюсь как бы выше ростом. Мои ноги в туфлях на высоком каблуке напрягаются, и я чувствую себя словно в ожидании старта.

— Пожалуй, я начну, — раздается голос Саши Гламурова.

— Поехали! — отвечаю я и отхожу к двери.

Стоять сейчас рядом с Шуриком — значит нарушить правила игры. Теперь центром внимания должен быть только он. Откинув назад длинные волосы, Шурик погасил улыбку, обычно не сходявшую с его лица, и начал:

— Надо сказать, что судьба героев рассматриваемых произведений, не вызывает у меня ни малейшего желания поерничать или пошутить. Более того, перечитывая Шолохова и Солженицына, я постоянно ловил себя на мысли, что жизни Соколова, Шухова и Матрены во многом очень похожи. Лишения, страдания, потери, борьба за выживание. Какие чувства могут возникнуть у нормального человека, следящего за их судьбой? По-моему, очевидно: щемящая грусть и жалость. Возьмем, например, судьбу Андрея Соколова. Хороший русский мужик, добрый, порядочный. Всю жизнь трудился, не покладая рук. И что дальше? А дальше война. Сначала погибает его семья, затем — плен, далее — гибель единственного оставшегося в живых сына. Кажется, после таких ударов уже и не встать, а если и встанешь, то или ожесточишься, или сопьешься.

— Это бывает чаще всего, — тихо заметила я.

— И их можно понять! — горячо продолжил Шурик. — Война войной, но ведь именно ТЫ потерял все! Как жить? Ради кого? Ведь, согласитесь, это не праздные вопросы. В жизни любого человека должен быть смысл!

Шурик обвел класс горящими глазами и замолчал. Все ждали продолжения. На лицах ребят я видела не равнодушие, не усмешки, а настоящее, человеческое понимание. Каждый примеривал ситуацию на себя.

«Молодец, зацепил!» — подумала я.

Шурик решительно подошел к доске и взял мел. Он нарисовал кружок, затем палочку, еще одну... Ребята напряженно следили за происходящим, и в их глазах появился знакомый мне блеск.

— Вот Андрей Соколов! — сказал Шурик, останавливаясь.

Он показал на кружок, нарисованный на доске.

— А вот — тысячи других людей. По их судьбам тоже проехала война. Кто-то из-за войны не вышел замуж: не хватило женихов; кто-то потерял дом; кто-то...

Шурик остановился и тряхнул волосами.

— Что говорить, у каждого — свое! Но мы сейчас не про всех, а конкретно про Андрея

Соколова. Он — как в фокусе. Вот он! И среди этих тысяч — ОН ОДИН. Со своими мыслями, проблемами, со своим одиночеством. Кому он нужен?

Шурик постучал по кружку.

— Щетина на небритых щеках, растерянная улыбка, грустные глаза. Он мог бы еще жениться, мог бы иметь собственных детей.

— То есть приспособиться к новой жизни, — заметила Пуся.

— А хоть бы и так! И никто бы не осудил. Мало того, именно это, с точки зрения обывателя, было бы самым правильным.

— А он себе хомут на шею, — продолжала Пуся.

— По-другому и не скажешь, — согласился Шурик. — Одно дело ты один, другое — пригреть около себя беспризорника. Сколько их, таких мальчишек? Попробуйте перекинуть мост в современную Россию. Я читал, у нас — миллион беспризорников! И что-то не слышно, чтобы их кто-то пригрел.

Шурик замолчал и провел рукой по лбу. Меловая полоса испачкала лоб, и его лицо стало растерянным и беспомощным.

— Какое же надо иметь сострадание, — тихо сказал он, — чтобы забыть про собственные беды ради желания доставить радость незнакомому мальчику. Я бы так не смог!

— Еще как смог бы! — воскликнула Пуся и вскочила со своего места.

Шурик благодарно посмотрел на маленькую пухлую девушку и пошел на свое место.

— Я продолжу! — решительно сказала Пуся. — Теперь поговорим о Матрене.

Она обвела ребят черными круглыми глазами и заговорила:

— Судьба героини Солженицына — тоже не сахар. Хотела выйти замуж по любви, но где там! Довоенная деревня, работа с рассвета до заката. Какая тут любовь!

— При чем тут деревня? Ты думаешь, в деревне не бывает любви? — язвительно спросила красавица Лера.

Пуся запнулась и посмотрела на третью парту около окна. Остальные последовали ее примеру. Лера повернулась на стуле и, выставив в проход длинные красивые ноги, заметила:

— Любовь, Пуся, может быть везде! И в деревне, между прочим, тоже.

— Я и не спорю!

— Любовь может возникнуть и среди каторжных, — продолжила первая красавица класса. — Было бы желание...

Она сделала паузу и многозначительно посмотрела на Петю.

— Немного отвлеклись, — вклинулась я. — Продолжай, Пуся.

«Лера как всегда! — подумала я. — Что называется, показала себя. Жаль только, под красивой прической мыслью маловато».

Я оторвалась от двери и переместилась в дальний угол класса.

«Смена декораций. Акт второй: Пуся и «Матренин двор».

— Короче! Матрена вышла замуж за нелюбимого человека, — продолжала Пуся. — Родила шесть детей. Похоронила шесть детей. Решила, что на ней порча лежит.

— Пуся, как всегда, лаконична, — заметил Миша Фигус.

— Стараюсь, что языком зря молоть!

Она посмотрела на Леру, затем на меня.

— Надеюсь, к присутствующим здесь твое замечание не относится? — спросила я.

— Что за вопрос? — Пуся распахнула черные глаза и взмахнула руками. — Вы,

Маргарита Владимировна, и все наши говорят только по делу!

— Очень рада! Продолжаем обсуждение, — сказала я. — Пуся пусть отдохнет, Миша продолжит.

Я дотронулась до Миши Фигуса, и он резко вскочил со стула.

— Расскажи, Фигус, про Шухова! — выкрикнул Петя.

— Про Шухова так про Шухова, — пробурчал Миша.

«Действительно похож на фикус. Высокий, тонкий, слегка растрепанный наверху».

— Иван Денисович Шухов — заключенный одного из лагерей сталинского периода, — слегка гнусавым голосом начал Миша. — Не скажу, что он храбрый человек, но и трусом его не назовешь. Не скажу, что он очень умен, но на уровне бытового сознания, безусловно, обладает мудростью. Словом, Шухов — это человек, который пытается выжить, как может. Он не относится к категории лагерных «шестерок», он борется и пытается подняться со «дна».

Фигус помолчал и решил закруглиться.

— С моей точки зрения, Иван Денисович — такой же жизнестойкий, как Соколов и Матрена.

Он удовлетворенно кивнул лохматой головой и посмотрел на меня.

— Хорошо! — понимая, что красноречие Фигуса иссякает, сказала я. — А скажи мне, Миша, что, помимо жизнестойкости, объединяет этих героев?

Фигус переступил с ноги на ногу и стал рассматривать свою гигантскую кроссовку.

— Наверное, оптимизм, — изрек он.

— Класс, Фигус! — воскликнул Шурик.

— Действительно хорошо подмечено. Жизнестойкость всех трех героев опирается на присущий им оптимизм. Выжить без него в тех условиях было бы невозможно.

Я перевела взгляд на Аню Соловьеву и обратилась к ней:

— Попробуй подытожить.

— Попробую, — ответила Аня и вышла к доске.

Фигус галантно уступил место и, высоко поднимая длинные ноги, направился к своей парте. Эта предосторожность была нелишней, так как в проходе валялись сумки и рюкзаки, брошенные как попало. Я уже давно смирилась с этим, хотя и страдала порой, спотыкаясь о какой-нибудь рюкзак. «Осторожно, Маргарита Владимировна, не упадите!» — в таких случаях кричали мне все ребята.

— Итак, Аня, мы тебя слушаем.

— Все очень просто. Во-первых, в этих произведениях во главу угла поставлена жизнь простого человека. Война, репрессии, тяжелый крестьянский труд — это те трудности, позволяющие раскрыть характер героев. Их судьбы объединяют суровые испытания. Им свойственно мужество, и, несмотря на внешнюю мягкость, это люди с сильной волей. Я бы даже сказала, это хребет нашего народа.

— Хребет — это хорошо! — обрадовался Петр.

Он собирался поступать на журналистику и любил образные сравнения.

— Действительно хорошо! — отозвалась я. — Благодаря таким людям, порой незаметным и неуклюжим, часто необразованным, и держалась страна. Аня подобрала неплохое сравнение.

«Поразительно! Как много дала природа этой девочке! У нее есть логика, а для женщины — это дар. Плюс к этому — она мыслит образами!»

Я прошла вдоль доски и остановилась около Ани.

— Во время выступлений здесь не раз говорилось слово «судьба». А ты можешь сказать нам, что это такое?

В больших голубых глазах мелькнула далеко спрятанная грусть.

— СУДЬБА — ЭТО РОК, — ответила девочка и вздохнула.

«Сколько у нее грусти! Здесь что-то не так. Благополучная интеллигентная семья, достаток в доме».

— Оказывается, ты фаталистка! — воскликнула я. — Типичная фаталистка! Совсем как я.

Аня благодарно посмотрела на меня и кивнула головой. Я дотронулась до ее худенького плеча и скорее почувствовала, чем услышала, еще один вздох.

«Что-то здесь не так. А какая девочка! Как умеет излагать свои мысли!»

Я вышла к доске и крупными буквами написала: «СУДЬБА».

— Аня сказала, судьба — это рок. Какие есть еще мнения?

— Стечение обстоятельств, участь, доля, жизненный путь, жребий... — понеслось со всех сторон.

Я записывала на доске ответы, пытаясь расположить их вокруг слова «СУДЬБА».

— Верно! Все верно, — сказала я, ставя точку. — Согласна со всем, что вы только что сказали. Думаю, математики дали бы этому слову такое определение: судьба — это множество факторов, влияющих на жизнь человека. Подчеркиваю слово «множество». Как известно, любое множество состоит из частей. В данном случае к ним можно отнести время, в которое родился человек, семью, образование, везение, уровень мышления. Нельзя обойти стороной и предопределенность событий, то есть то, что в народе называют рок. Во все времена люди верили, что судьба человека предопределена. Помните, как сказал Некрасов: «С детства судьба невзлюбила тебя».

— Или известное выражение: «От судьбы не уйдешь», — тихо добавила Аня.

— Может быть, и не уйдешь, — вмешался Петр. — Однако, Маргарита Владимировна, мы заговорились. Через пять минут звонок.

— Опять не успели! — всполошилась я и посмотрела на часы.

Действительно, до звонка оставались считанные минуты. Ребята примолкли и сосредоточили свое внимание на мне. Они ждали прощального напутствия, которое будет означать конец второй четверти, а потом... Потом — самое приятное: новогодний праздник, зимние каникулы, Рождество.

— Позвольте поздравить вас с наступающим Новым годом и пожелать удачи!

Я обвела ряды парт лучистым взглядом, в котором была не только моя любовь к моим ученикам, но и радость, что четверть закончилась.

— Думаю, не секрет, что для вас наступающий год — очень важный! — с душой продолжила я. — Скоро вы закончите лицей и будете поступать в вузы. Мне очень хочется, чтобы у вас было элементарное везенье.

Я посмотрела в окно. На верхушках голубых елей, растущих рядом с лицеем, лежали искрящиеся шапки снега. Вид елок, засыпанных снегом, развернул мои усталые мозги в другую сторону, и мне пришлось в голову закончить поздравительную речь такими словами:

— В последний год вашего детства хочу пожелать, чтобы чудо, которого ждет каждый ребенок, сопровождало вас по жизни всегда. С наступающим Новым годом! С наступающими каникулами!

Радостные возгласы взорвали тишину. Первое полугодие закончилось!

С последней парты встал Петя и направился к учительскому столу. Петя был высок, уверен в себе, говорил приятным баритоном и выполнял в классе представительские поручения. Я поняла: сейчас последует ответное поздравление.

— Дорогая Маргарита Владимировна! — сказал он. — Позвольте поздравить вас от всего класса с наступающими праздниками и тоже пожелать ЧУДА!

— Да, чуда мне определенно не хватает! — заметила я.

Ребята засмеялись. Петя призвал всех к вниманию и продолжил:

— Мы искренне вас любим и хотим, чтобы в вашей жизни все складывалось хорошо.

— За что же вы меня любите? — не удержалась я.

— Долго объяснять. Вы, Маргарита Владимировна, прикольная! — ответил Петя, и в подтверждение его слов все зааплодировали.

Я сделала загадочное лицо и улыбнулась.

— Мы надеемся, наш маленький подарок доставит вам радость и заставит поработать себе в удовольствие.

Он протянул мне красивый пакет и одарил официальным поцелуем, попавшим мне в висок.

— Надеюсь, я не нарушил приличий? — улыбаясь, спросил он.

Я бросила робкий взгляд на его красивую фигуру и подумала: «Вот что значит, современное поколение! Никаких комплексов!» Вслух же сказала следующее:

— Спасибо за поздравления и подарок. Вы меня заинтриговали.

Послав друг другу воздушные поцелуи, мы устремились по домам, желая как можно скорее окунуться в предновогоднюю суету. Новогодней дискотеки не будет, значит, каждый должен развлекаться как может.

«Через пять дней — Новый год! — по дороге домой думала я. — Загадочный, волнующий, таинственный! Елки, подарки, ожидание чуда. А есть ли оно — чудо? Может быть, подобные мысли — из области детских фантазий?»

Я подошла к подъезду и стала искать ключи. Мой взгляд погас, плечи опустились, а из потаенных недр души вырвался тяжелый вздох. Маска, предназначенная для общения с Олегом, прочно села на привычное место, и я вошла в квартиру с унылым и кислым выражением лица.

— Устала? — посмотрев на меня, удовлетворенно спросил Олег.

— Вымоталась ужасно!

— А что я говорил! Преподавательская работа — это колоссальные перегрузки!

— Ты, как всегда, прав! — вздохнула я и, шаркая тапками, направилась в кухню.

— Ничего! — услышала я его голос. — В каникулы немного отдохнешь.

Он поставил мои сумки на ближайший стул и добавил:

— Вот у меня сейчас наступят горячие деньки! Сначала — годовой отчет, затем — конференция.

Ожидая моей реакции, Олег Александрович сделал паузу, и я быстро заметила:

— Сочувствую! Представляю, какое напряжение!

— Тебе трудно представить, — высокомерно ответил он. — Интеллектуальная нагрузка преподавателей качественно ниже, чем нагрузки ученых.

— Да, конечно, — согласилась я, и тема была исчерпана.

Я разогревала мясо, наслаждалась тишиной и планировала предпраздничные дни.

«Первым делом выплусь, затем почитаю, а через пару дней схожу в центр за подарками».

— Тебе дети что-нибудь подарили? — спросил Олег Александрович.

— Традиционные конфеты, набор елочных украшений и нечто неизвестное от 11 «Б».

— По-моему, класс тебе симпатизирует.

— Да, у меня с ребятами нормальные отношения.

— Вот и хорошо, — пробормотал Олег.

Через пятнадцать минут стол был накрыт, и, одобритительно поглядывая на антрекоты, Олег Александрович уселся в кресло. За окном падал снег, на столе горела свеча, пахло хорошо прожаренным мясом. По телевизору началась новостная программа. Традиционная заставка, знакомая мелодия, диктор с каменно-трагичным лицом.

— Курорты Азии — под ударом стихии! — телеграфным стилем сообщил он. — У берегов Индонезии — сильнейшее землетрясение! Цунами накрыло побережье Юго-Восточной Азии. Сообщения о жертвах и разрушениях поступают не только из Индонезии, но и из Таиланда и Шри-Ланки.

— Какой ужас! — воскликнула я и отодвинула тарелку.

Олег Александрович оторвался от мяса, и в его очках замелькали блики свечи.

— По данным на этот час погибло одиннадцать тысяч человек. Мы пробуем связаться с островом Пхукет, где находится наш корреспондент.

На экране появился молодой парень. За его спиной гнулись пальмы, бурлящие валы обрушивались на берег.

— Что происходит на Пхукете? — с тревогой спросил диктор. — Какая у вас информация?

— Такого бедствия вы еще не видели! Цунами обрушилось на побережье и превратило этот райский уголок в груды развалин. У нас оказались кадры любительской видеосъемки, вы сможете увидеть, как все начиналось.

Тревожное лицо корреспондента сменилось красочной картинкой: сотни людей лежали на пляже, сидели за столиками кафе, плескались в море. И вдруг произошло нечто необычное: вода начала отступать, морское дно обнажилось, и на горизонте показался огромный серый вал. Он рос на глазах и через мгновение превратился в сплошную стену воды. Послышались душераздирающие крики, удар стихии с воем обрушился на берег, сметая все на своем пути. Гигантский водоворот захватывал с собой людей, лежаки, деревья, остатки домов и со страшной скоростью устремлялся дальше. Возникло ощущение: по острову несетя смерть. Да, да, смерть! Безжалостная и неотвратимая!

— Видели, что творится! — крикнул корреспондент. — Цунами уничтожило сотни гостиниц, тысячи людей пропали без вести! Страшно, очень страшно!!!»

— Что слышно о россиянах? — последовал вопрос из московской студии.

— Пока никаких официальных данных. Я слышал, что погибло много шведов и немцев.

— Все, больше не могу! — воскликнула я. — Какой ужас! Приехали отдыхать, радовались: море, солнце... а тут!

Я всхлипнула и закрыла руками глаза.

— Что за истерика?

Олег повернулся в мою сторону и посмотрел поверх очков.

— Представляешь, там же полно детей! Они так радовались: попали из зимы в лето! А вместо этого!..

Мое сердце тоскливо замерло, и я прошептала:

— А вместо этого их настигла...

Я не могла сказать «смерть». С моей точки зрения, «смерть» и «дети» — понятия несовместимые.

— Ты что, первый день живешь? Не видела трагедий? — сердито спросил он и выключил телевизор.

— Таких трагедий — нет!

— Надо адекватно воспринимать информацию! Адекватно!

Олег Александрович нервно заходил по комнате.

— Сколько детей погибает ежедневно! Неважно из-за чего: глупых случайностей, стихийных бедствий, болезней. Если по каждому поводу проливать слезы, никакое сердце не выдержит.

— Но это так несправедливо!

— Несправедливости на Земле много! — резко сказал он. — Несправедливо, например, что одни могут отдыхать в Таиланде, а другие — нет. Что же ты по этому поводу не плачешь? Много в лицее детей, отдыхающих в Таиланде?

— Нет.

— Вот то-то и оно! А ведь у вас учатся дети небедных родителей. — Олег остановился у окна и, глядя на падающий снег, несколько успокоился. — Несправедливо... А разве справедливо, что тысячи российских ученых живут на нищенскую зарплату? А то, что разграбили страну? Это справедливо, по-твоему?

«Понесся! Теперь вспомнит развал СССР, обесценивание вкладов, грабительскую приватизацию. Как надоели эти разговоры! Никто не спорит, это — ужасно несправедливо! Но сколько можно говорить об одном и том же?»

— Давай лучше попьем чайку, — вытирая слезы, предложила я.

— Что? Не нравятся такие разговоры? — язвительно спросил Олег Александрович. — Тебе бы только крыльями хлопать!

— Зачем ты так?

— Прости! Наверное, это лишнее. Я имел в виду твои эмоции, — миролюбиво сказал он. — Эмоции, Маргарита, тебя погубят.

Я промолчала. Излишняя эмоциональность — мое слабое место. Олег, как всегда, прав: эмоции меня погубят. Есть дом, работа, несколько близких людей; вот и все, что надо принимать близко к сердцу. Остальное... остальное надо пропускать через разум.

— Как обстоят дела с чаем? — спросил он, спустя некоторое время зайдя на кухню.

— Уже заварила.

— Надеюсь, не черный?

— Что ты! Я заварила липовый.

— Вот и хорошо! Нечего перед сном будоражиться!

Он взял большую чашку и налил бледно-желтый чай.

— А по поводу цунами вот что тебе скажу. Прежде чем куда-то ехать, надо хотя бы посмотреть на тектоническую карту. Так, на всякий случай.

— То есть?

— В районе Суматры происходит стык литосферных плит, — важно пояснил он.

— Каких плит? — от неожиданности я чуть не поперхнулась.

— Литосферных, — повторил Олег и заботливо постучал мне по спине. — Осторожней, так и подавиться можно.

— Слово незнакомое. Хотела спросить и нечаянно вздохнула.

— Да, пробелы в твоём образовании постоянно дают о себе знать.

Я опустила глаза и потянулась к чашке.

— Ничего удивительного! Я училась во французской спецшколе и в основном занималась языками.

Олег Александрович поморщился и заметил:

— Сначала человек должен получить специальность, затем учить языки.

Мне нечего было ответить, и я спросила:

— Значит, около Суматры плиты столкнулись?

— Что меня всегда раздражает, это твоя непоследовательность и торопливость!

Он встал и направился в ванную. Умывшись и тщательно почистив зубы, лег в постель и тут же заснул. Через некоторое время легла и я.

Перед глазами появилась волна. Казалось, ее черно-серая громада излучала мощный ступок энергии. Волна подошла к одинокому берегу и поднялась до устрашающих размеров. Ее гребень закипел, и среди пенистых брызг мелькнула знакомая до боли фигура. Это была я!

Когда я проснулась, Олега Александровича дома не было. На кухне, прислонившись к холодильнику, стоял пакет с подарком. Развернув упаковку, я увидела большой блокнот в бархатной обложке. На первой странице значилось: «Дневник Риты Белых».

Намек понят! Не умывшись и не выпив традиционной чашки кофе, я написала:

«26 декабря, 13 часов.

Маргарита Владимировна Белых. 36 лет.

Преподаватель литературы.

Образование — высшее, закончила филфак МГУ.

Внешние данные:

Волосы — длинные, светлые

Глаза — зеленоватые

Нос — прямой

Цвет лица — бледный

Рост — 160 см

Качества характера:

— мечтательная,

— романтическая,

— добрая,

— отзывчивая.

Место жительства:

Москва, Лялин переулок.

Посмотрев на лаконичный текст, я дописала:

— безалаберная,

— непрактичная,

— доверчивая.

«Критики достаточно!»

Я перевернула страницу и, подумав, сделала следующую запись:

Олег Александрович Васильчиков:

— 55 лет,

— член-корреспондент Академии Наук,

— математик,

— нумизмат.

Плюсы:

— не пьет,

— не курит,

— женщинами и мужчинами не интересуется,

— солидный,

- неторопливый,
- основательный,
- эрудированный.

Минусы:

- обидчивый,
- сухой,
- скупой,
- занудливый,
- неэмоциональный,
- эгоистичный.

«Как я его разобрала!»

Послышался звук отворяемой двери, и в квартиру вошел Олег Александрович.

— Добрый день, дорогая! — радостно сказал он.

Мне стало не по себе. Радостный тон, «дорогая»! Прямо чудеса!

«Стоило его проанализировать, и вот результат», — мелькнула мысль.

— Ты уж, Маргарита, не обессудь, а подарок я вручу тебе сейчас. Мало ли что — вдруг не подойдет.

Олег Александрович вытащил из фирменного пакета брючный костюм и торжественно сказал:

— С наступающим Новым годом!

Взглянув на костюм, я ахнула.

— Олег, милый! Какая прелесть!

— Глупости! — муж довольно улыбнулся. — Сколько эмоций!

— Наверное, дорогой?

— Недешевый, — сдержанно произнес он.

Я надела костюм и взглянула на себя в зеркало.

— Мне кажется, что здорово!

— Замечательно сидит! — удовлетворенно сказал Олег.

Он повернулся к кухне и добавил:

— Теперь, думаю, пора и пообедать, через пару часов мне надо быть в институте.

— Конечно! — заторопилась я.

За обедом Олег Александрович подробно рассказал, как выглядит теперь ЦУМ, какие разговоры у него были в секции женской одежды, как он выбирал костюм.

— За хорошую вещь и денег не жалко, — в заключение сказал он и сел с газетой в любимое кресло.

После ухода Олега я занялась генеральной уборкой. Перемещаясь по квартире, я вытирала пыль и думала. Мне кажется, что бы женщина ни делала, рядом с ней — сотни мыслей. Они разные: короткие и длинные, грустные и радостные, тревожные и беззаботные, словом, многочисленные и неуловимые. Я вспомнила свои мысли и скептически поджала губы.

«И в то же время женские мысли — суетливые и изматывающие. Надо сто раз просеять, чтобы понять, что хотела сказать женщина».

Закончив уборку, я достала дневник и написала:

26 декабря, вечер.

«Делала генеральную уборку.

Много думала».

Три дня я занималась рутинными делами, а 30 декабря пошла за подарками.

На Театральной площади меня охватило состояние праздничного оживления. Разноцветные огни, гирлянды, новогодние шары — в воздухе витало нечто сладкое и давно забытое. Оглянувшись, я увидела нарядно оформленный бутик. Мне показалось, что именно из его витрины распространяется волнующее очарование праздника. Осторожно заглянув за стекло, я увидела Деда Мороза. Он улыбнулся из-под ватных усов и подмигнул мне фарфоровыми глазами.

— Чудеса только начинаются! — сказал Дед Мороз.

— Это вы мне?

Я вытянула шею и посмотрела на его яркие губы. Он по-прежнему улыбался.

«Действительно чудеса!» — подумала я и оглянулась.

На меня никто не обращал внимания. Я отошла от витрины и направилась к ГУМу. Вспомнив, что на второй линии был косметический отдел, я решила посмотреть себе кое-что из косметики. По мере продвижения по магазину мое настроение ухудшалось. Причина была простой и банальной: большое количество зеркал, украшавших ГУМ, отразили мой реальный внешний вид. При ярком освещении стали заметны мелкие морщинки, выбившаяся прядь волос, не соответствующая цвету лица помада и уже старомодное пальто. Я горько вздохнула и встала около круглого стенда известной фирмы. На нем красовались золотистые футляры с помадой, изящные пузырьки с лаком и пластиковые флаконы с крем-пудрой.

— Здравствуйте! — послышался приятный голос. — Вы что-то ищете?

Передо мной стояла девушка-консультант и мило улыбалась. Ее ухоженная кожа, аккуратно подведенные глаза, пухлые губы под тонким слоем помады служили отличной рекламой продукции фирмы.

— Хотелось бы подобрать губную помаду, — тихо сказала я.

— Какой цвет вы предпочитаете?

Девушка посмотрела на мои губы, затем на ресницы и, наконец, на руки. Этого взгляда было достаточно, чтобы я почувствовала себя испуганной растрепанной птицей.

— Когда-то мне шел розовато-коричневый тон, — робко ответила я.

Девушка решила меня подбодрить.

— У вас красивая форма губ, — сказала она. — Если бы их выделить контурным карандашом, затем нанести помаду... Думаю, по краям — 254-м номером, а в центре — 158-м.

Она повернулась к стенду, взяла два золотистых футляра и, выдвинув столбики помады, поднесла их к моим губам.

— Будет изумительно! Ваши губы станут сочными и эффектными.

— Вы так считаете? — оттаяв, улыбнулась я.

— Попробуйте.

Девушка протянула тюбики с помадой и добавила:

— Это пробники.

— Пробовать ни к чему! — поспешно сказала я. — Полагаюсь на ваше мнение.

— Вы меня не поняли, — улыбнулась девушка. — Помаду можно нанести на запястье руки.

Она взяла меня за руку и аккуратно нарисовала розовую и коричневую линии.

— Не правда ли, хорошо?

— Да, да, конечно! Сколько стоит помада?

— 450 рублей.

— Пожалуй, возьму розовую.

— А другую?

— В следующий раз, — ответила я, умножив 450 на два.

— Спасибо за покупку, — заученно сказала консультант и повернулась к стеллажу. Она достала нужный номер, положила рядом с кассой и, улыбнувшись другой покупательнице, спросила:

— Могу вам чем-нибудь помочь?

Я быстро достала кошелек, расплатилась и вышла из секции.

«Какой ГУМ? Какой косметический отдел? Дома надо сидеть, а не шататься по дорогим магазинам. В кармане — гроши, а туда же! Видела себя в зеркало? В твоём наряде только на рынок ходить!»

Я оглянулась. Нарядная, улыбающаяся публика; дорогие товары. Куда меня занесло? Я вспомнила иронию, с которой слушала о магазинных страданиях Олега, и горько вздохнула.

«Олег Александрович хоть выглядит респектабельно: высокий, представительный! А я? Маленькая, замученная женщина в поношенной одежде! Лялька права: о себе надо больше думать, о себе! Глядишь, и на люди не стыдно будет выйти». Я посмотрела на носы изношенных сапог, наспех замазанных гуталином, и поняла: из ГУМа надо срочно уходить. «Куплю подарки на рынке», — решила я и повернула к выходу.

Однако мысль, что, купив дешёвку, можно испортить Олегу праздничное настроение, заставила меня остановиться.

«Олег неоднократно говорил, что его внешний вид — это реклама не только возглавляемого им отдела, но и института. Конференции, заседания, выступления, переговоры. На всех этих мероприятиях он должен появляться в солидных костюмах, дорогих рубашках и качественной обуви. Последнее время на эти вещи стало уходить много денег. К тому же, ещё питание! Порой до зарплаты не хватало, и мне приходилось занимать. «Непрактичный ты человек!» — восклицал Олег и был прав. По сравнению с ним, я была настоящей транжирой: денег не копила, покупки не планировала, покупала что под руку попадется».

От таких мыслей плечи опустились, и думаю, мое лицо в этот момент было лицом типичной российской труженицы, живущей в вечном денежном дефиците.

— Да неужели это Маринка? — услышала я за спиной голос.

Так, с легкой руки мамы, меня звали только в детстве. Вздрогнув от неожиданности, я обернулась и увидела перед собой Варьку. Когда-то мы жили вместе в коммуналке и были самыми закадычными подругами.

— Варенька, милая, какая же ты шикарная! — рассматривая даму в дорогих мехах, прошептала я.

— Глупости! Помнишь, как дедушка говорил? «Тряпки — это ерунда, главное — душа!» — заключив меня в жаркие норковые объятия, пробасила Варька. — Дай-ка я на тебя

погляжу.

Она слегка отстранилась и заглянула мне в лицо. Огромный голубой камень на ее перстне отразил солнечный луч, пробившийся сквозь стеклянную крышу ГУМа, и между нами пробежала волна дорогих духов.

— Наконец-то мы встретились! Теперь ты никуда от меня не денешься. Самое время пойти в ресторан и вспомнить нашу коммуналочку!

— Варь, я бы с радостью, но мне мужу подарок надо купить!

— Поговорим, а потом купим. Сначала мы, Мариночка, а потом — мужики! — взяв меня под руку, безапелляционно заключила Варька.

Не переставая поглядывать на Варьку, я засемила рядом. Бывают же чудеса! Оказаться в одном месте в один и тот же момент времени через двадцать три года разлуки! Я же могла пойти по другой линии, задержаться в отделе косметики, наконец, могла бы поехать в другой магазин.

«Наверное, это Судьба», — думала я, слушая знакомый голос и любясь идущей рядом со мной модной женщиной, бывшей для меня частичкой детства.

Не переставая говорить, Варька вывела меня из шумного ГУМа, подвела к золотистому джипу и, распахнув двери машины, села за руль.

— Едем кутить! — сказала она.

«Неожиданна, как в детстве! По-прежнему энергична. Наверное, в голове крутится куча шальных мыслей и планов».

Машина плавно тронулась, и, глядя перед собой, Варька грустно заметила:

— Про себя можешь не рассказывать. Я на тебя в ГУМе поглядела, и все стало ясно. Живешь на зарплату, имеешь небольшие подработки. Недавно премию или что-то в этом духе получила. Хочешь истратить с толком, благоверного порадовать. О себе вспоминаешь по остаточному принципу. Муж — какой-нибудь занудливый очкарик, поражающий тебя своей начитанностью.

— Откуда ты знаешь? — с трепетным ужасом спросила я.

— Что, угадала?

Варька закурила тонкую сигарету и, сделав загадочное лицо, пропела:

— Просто я работаю волшебником, волшеб-ни-ком!

Посмотрев на меня, она засмеялась и добавила:

— На современном языке моя нынешняя профессия — психотерапевт по проблемам постстрессовых расстройств и кризисных состояний. Вот так-то, Маришка! У тебя подобных проблем нет?

— Слава Богу!

— Вот и хорошо! Однако, как показывает мой опыт, все до поры до времени. Авось когда-нибудь и пригожусь!

Варька на минуту задумалась и продолжила:

— Я ведь чувствовала, что сегодня что-то должно произойти, какая-то светлая встреча. Верить? С утра эта мысль крутилась.

— Варь, все, как в сказке! Даже зажмуриться хочется.

— А ты зажмурься, если хочется. Глядишь, и улыбаться чаще будешь.

Варька повернулась ко мне и добавила:

— Понимаешь, Мариш, ты сейчас такая вся скукореженная, что мне тебя даже Марго звать не хочется. Пойми меня правильно: Марго, хотя и была девочкой мягкой и нежной, но

характер имела и даже на меня влияла. Ты же теперь — какая-то вся подчиненная. Не знаю, чему больше? Может быть, трудностям, а может быть — мужу.

Утопая в облаке диковинных запахов, я молча кивала в ответ, не имея никаких возражений.

— Скоро — Новый год, — продолжала Варька. — Неизвестно, когда мы еще с тобой встретимся, поэтому для начала поедем на Ленинский.

— Почему на Ленинский? — удивленно спросила я.

— Рекламу не смотришь, девочка моя!

Мы подъехали к большому зданию и вышли из машины. Уверенным шагом Варька пошла к тому самому магазину «Меха», рекламу которого постоянно гнали по телевидению. Я по-прежнему семенила за ней.

Внешний вид Варьки тут же привлек к себе внимание, и в мгновение ока перед нами появились два продавца. На их лицах сияло такое радушие, что я решила, что они с Варькой уже неоднократно встречались.

«Два молодца из ларца», — пролетела мысль.

— Добрый вечер, мальчики! — улыбнулась Варька. — Эту достойную женщину нужно одеть во что-то приличное.

Она вытянула руку по направлению ко мне, и голубой перстень блеснул, соглашаясь с ее словами. Два респектабельных «молодца» с готовностью развернулись в мою сторону и понимающе закивали.

— Думаю, надо посмотреть песцовые полушубки, — сказал один из них.

— Согласна! — кивнула Варька.

— Песец подчеркнет миниатюрность фигуры вашей подруги, — горячо поддержал первого второй «молодец».

Оцепенев, я поглядывала на продавцов и неестественно улыбалась. От неожиданности у меня пропал дар речи, и я превратилась в манекен, на который накидывалась то одна, то другая шубка. Варька обсуждала с продавцами достоинства меха, а я представляла собой Золушку, которую фея наряжает на бал. От всего происходящего мои глаза распахнулись, губы приоткрылись, на щеках заиграл румянец.

— Вот так-то лучше, моя красавица! А ведь действительно хорошенькая! Правда, мальчики? — оглядев меня со всех сторон, искренне оценила Варька.

Один из продавцов посмотрел на меня, затем с восхищением перевел глаза на Варьку, и это был тот взгляд, который обычно ставит точку при подобных покупках. Я увидела в Варькиных руках кредитную карточку и почувствовала легкий толчок в спину.

— Пойди, подыши свежим воздухом! — приказала Варька, и я послушно вышла.

Стоя перед магазином в новой шубе, я смотрела на свое отражение в витрине и испытывала настоящую, глубокую радость. Варька выбежала минут через десять и, от восхищения цокнув языком, распахнула двери машины.

— Пожалуйста в карсту!

Услышав эту фразу, я почувствовала, как мои губы стали мелко подрагивать, глаза наполнились слезами, и, уткнувшись в Варьки ну грудь, я от всего своего неизбалованного сердца горько заплакала. Подруга гладила меня по песцовому плечу и ласково шептала:

— Бедная моя! Побаловали немного, и раскисла.

— Варь, ну разве это жизнь? Женщиной себя некогда почувствовать! — всхлипывая, бормотала я.

— Ладно, ладно, хватит слезы лить! Весь мех отсыреет, — улыбнулась Варька и вытерла мне нос, как маленькой. — А что касается того, что женщиной себя не чувствуешь, это ты брось! Очень даже чувствуешь, меня не обманешь. Ласки тебе не хватает, а может быть, вместе с ней и любви. Это наш бабий крест. На себе все тянем! При этом еще умудряемся оставаться женственными и чуть ли не самыми красивыми. Что-то в нас, наверное, есть... Хватит реветь-то!

— Сама не знаю, почему разревелась, — всхлипнула я. — Может быть, от счастья, а может — от обиды.

— А тебе и знать нечего! Поплакала, напряжение сняла — и хорошо. Теперь быстренько высморкайся и улыбнись!

Варька завела машину и выехала на основную магистраль.

— Едем теперь в ресторан?

— Что-то не хочется, слишком много впечатлений. Мне бы домой.

— Домой так домой! Нечего психику перегружать, — профессионально отозвалась Варька, включая скорость.

Пару минут мы ехали молча. Я постепенно приходила в себя, Варька о чем-то сосредоточенно думала.

— Варь, расскажи мне о себе. Где ты пропадала столько лет? — разорвав затянувшуюся паузу, спросила я.

— Этот трогательный рассказ мы оставим на другой раз, теперь я слушаю твой адрес.

Всю оставшуюся часть пути я рассказывала, какой хороший человек Олег Александрович, какое удовлетворение мне приносит преподавательская деятельность, какие мы друзья с 11 «Б». Варька искоса поглядывала в мою сторону и, казалось, видела меня насквозь. Ее взгляд все больше и больше теплел, а на губах появилась мягкая улыбка.

— Знаешь, Мариш, — прервала она меня. — Слушая тебя, я вспоминала другие разговоры. Будь уверена, мне часто приходится выслушивать жизненные истории. Так вот: с одной стороны, твоя жизнь — типична, с другой стороны... ты ее лакируешь.

Машина остановилась около моего дома.

— Зайдешь ко мне, Варь?

— Нет, не зайду. Думаю, мы в ближайшее время встретимся. Вот тогда и поговорим.

— Спасибо! За все спасибо! Счастья тебе!

— Ладно, постараюсь и себе кусочек счастья оторвать, — грустно улыбнулась Варька и добавила:

— Не забудь сказать своему благоверному, что меня встретила, а то... Знаю я этих мужчин!

Варька достала с заднего сиденья два пакета: один — с моим старым пальто, другой — с изящной бархатной коробкой. Протянув их мне, она улыбнулась.

— В коробке пустячок для твоего благоверного.

Варька запнулась и весело продолжила:

— Обожаю выбирать подарки. Правда, не приходилось дарить собственным детям и мужу.

— Почему?

— За неимением! Так что не обессудь: я на твоём муже попрактиковалась.

— Варь, ты просто удивительная!

— Не идеализируй меня.

Я поцеловала Варьку и выскользнула из машины. Подойдя к подъезду, я обернулась.

— Если захочешь меня увидеть, — крикнула Варька, — позвони! В шубе — визитная карточка.

Она резко захлопнула дверь и умчалась. Глядя вслед красным маячкам, я еще несколько минут стояла у подъезда, затем нажала на кнопку домофона и, находясь еще под впечатлением неожиданной встречи, вознеслась на четвертый этаж.

Дверь открыл Олег Александрович.

— Как это понимать? — посмотрев на шубу, грозно спросил он.

— Тебе нравится?

— Ты меня что, за дурака принимаешь?

По его лицу пошли красные пятна.

— Не понимаю, что ты взбеленился? Эта шуба — Варькин подарок. Помнишь, я тебе рассказывала про подругу, с которой мы жили в коммуналке...

Праздничное настроение улетело, и я почувствовала, что мое объяснение — по большому счету, нелепо. Олег снял очки, развернулся и удалился в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

«Ну и пожалуйста! Бесись себе на здоровье!»

Я повесила шубу и пошла на кухню. Готовя ужин, я вспоминала встречу с Варькой, как вдруг почувствовала пронзительный взгляд. Обернувшись, я увидела разъяренного Олега Александровича.

— Можешь больше ничего не говорить! — прошипел он. — У тебя все написано на лице!

— Что написано? — заикаясь, спросила я.

— Раскаяние наблудившей женщины!

— Олег, что ты говоришь! Хочешь, позвони Варьке. В кармане шубы лежит ее визитка!

Я бросилась к вешалке.

— Не сомневаюсь! — с ненавистью сказал он. — Ты со своим любовником продумала все мелочи!

Взглянув на пакет и брезгливо взяв его в руки, он вытащил оттуда коричневый портмоне. Мягкая кожа, тиснение, на уголках металлическая фурнитура — очень дорогая и изысканная вещь. Странно всхлипнув, Олег Александрович кинулся к вешалке, сорвал с крючка дубленку и, резко отворив дверь, бросил на меня презрительный взгляд.

— Ты куда? — крикнула я.

— Пошла к черту! — прорычал он в ответ и хлопнул дверью.

От неожиданной грубости я села прямо на пол и зарыдала.

«Сказать мне, что я — наблудившая женщина! За что? Может быть, за тринадцать лет верности? Уж лучше бы я изменила!»

Видимо, рыдания были такими громкими, что донеслись до Лялькиной квартиры.

— Ритуля, что с тобой? — распахнув дверь, крикнула она.

— Олег, Олег...! Он не поверил!

— Во что?

— В то, что шубу подарила Варька.

Обливаясь слезами, я уткнулась головой в коленки и зарыдала еще громче. Лялька схватила меня под мышки и попыталась поднять.

— Подумаешь, не поверил, эка невидаль! — проворчала она и с интересом посмотрела на мокрую от слез карточку.

— Во что ты так вцепилась?

Лялька взяла из моих рук визитку и прочитала:

— Психотерапевт и психоаналитик Варвара Михайловна Невская. Индивидуальная и семейная психотерапия. Тренинги.

— Какое отношение психоаналитик имеет к тебе?

— Это моя детская подружка.

На ум пришли Варькины слова: «Сначала мы, Мариночка, а потом — мужики». Слезы неожиданно высохли, и, встав с пола, я пробормотала:

— Пошел сам к черту!

Мне стало сразу легче.

— Что ты сказала?

В больших глазах Ляльки застыло такое изумление, что я быстро спросила:

— У тебя есть что-нибудь выпить?

— Вот это вопрос! Коньяк подойдет?

— То, что надо! Неси!

Я отправилась умываться, а Лялька пошла за коньяком. Через десять минут мы уже сидели на кухне и, как сказала Лялька, «предавались разврату». В наши «развратные» действия входили коньячные возлияния и непрерывное курение Лялькиных сигарет.

Вообще-то я курю очень редко, тем более дома. В лицее — еще куда ни шло. У нас есть учительская курилка, там и обсуждаются текущие новости. Обычно в курилку я хожу просто так, поболтать. Когда мы с Нютой что-нибудь сочиняем, меня прорывает, и за вечер я выкуриваю пять-шесть сигарет. После такого срыва я тщательно душусь, жую жвачку, а придя домой, говорю:

— Пока сочиняли сценарий, меня всю обкурили.

Олег в таких случаях брезгливо морщится и замечает:

— Курящие преподаватели — преступники!

Я быстро удаляюсь в ванную и начинаю тщательно чистить зубы.

Однако так было раньше, а сейчас... Сейчас мне было абсолютно наплевать, что скажет Олег. Я была у себя дома, в гостях у меня сидела подруга, мы пили коньяк, и все было тип-топ.

— Ты знаешь, Лялька, я думала, он — джентльмен.

С тоской посмотрев на Ляльку, я залпом выпила коньяк и добавила:

— Пусть занудливый, незмоциональный, но джентльмен!

— Ты осторожней, Ритуль! Без тренировки можно и запьянеть.

— Ну и пусть! Пусть запьянею! Даже хорошо!

— Ничего хорошего. В твоей ситуации разум должен работать четко.

— Не по-ня-ла... — медленно протянула я и икнула.

— Давай сначала сделаю бутерброд, потом объясню.

Лялька встала и подошла к холодильнику.

— Вообще-то, коньяк закусывают шоколадом или фруктами, но тебе не повредит кусок сыра.

Она сделала бутерброды и поставила их передо мной.

— Ешь и слушай! — Лялька взяла очередную сигарету и удобно расположилась в кресле Олега. — Ситуация у тебя вот такая. Это тебе все ясно. Встретила подругу, поболтала. Подруга — женщина состоятельная, решила тебя порадовать. Я тебе верю, такие подруги встречаются. Очень редко, но встречаются. Теперь прикинь, что подумал Олег Александрович. «Шуба стоит около трех тысяч долларов...»

— Да ты что?

— Если не больше, — невозмутимо продолжила Лялька. — Олег Александрович — человек подозрительный, сама говоришь, ну и...?

— Ты права! — вздохнула я и отодвинула коньяк.

— Представляешь, как в нем взыграло! Он тебя решил удивить благородством: костюм подарил. Надо же! Я чуть не умерла, когда ты рассказала! Удивляюсь, как он от гордости за себя не лопнул!

Лялька театрально развела руки и надула щеки.

— А на следующий день, — продолжила она, — появляешься ты, румяная, воодушевленная и вдобавок — в новой шубе. Словом, появляешься и говоришь: «Милый, посмотри, какая красивая шуба! Ее подарила мне некая Варька».

— Не некая, а моя лучшая детская подруга! — воскликнула я.

— Да плевать ему на твою подругу! Он таких вещей не понимает! У него друзей нет, и никто таких подарков не дарит!

— Тебе же тоже не дарят, а ты ничего — поняла.

— Я — это одно, Олег Александрович — другое!

— С этим не поспоришь.

Хмель проходил, и я стала соображать четче.

— Честное слово, Ритуль, ты — как слепая! Неужели за тринадцать лет так и не поняла одной истины: Олег Александрович — собственник. Он прибрал тебя к рукам, задурил мозги и помыкает тобой, как хочет. Поди, плохо! Живет в твоей квартире, питается за твой счет! Ведь так?

— Да ладно! Мне не жалко. К тому же, он тратит много денег на монеты.

— А почему? Ты задавала себе вопрос?

— Он же нумизмат.

— Ах, как благородно! — Лялька стала входить в кураж. — Олег Александрович занимается нумизматикой! Это так интеллигентно, так современно! В компании мамочкиных друзей можно сказать: «У Олега — редкая коллекция древних русских монет.

Он публикует статьи в специализированных зарубежных журналах». Затем шепотом добавить: «Его коллекция стоит десятки тысяч долларов».

— Ты это серьезно? — удивилась я.

— Абсолютно! Пока он сидел на твоей шее, у него выросло неплохое состояние!

— Ну и ладно!

— Ритуль, ты или святая, или притворяешься!

Лялька посмотрела на меня сквозь табачный дым и, помолчав минуту, сама себе ответила:

— Нет, не притворяешься.

— Тогда что-то третье, — улыбнулась я. — Святой меня не назовешь.

— Мне иногда кажется, что на многие вещи ты смотришь не так, как другие женщины, — задумчиво пробормотала Лялька.

— Все мы на одни и те же вещи смотрим по-своему.

— Я не про точку зрения! У меня такое впечатление, что ты задержалась в детском возрасте и при этом умудряешься еще играть женщину.

— Может быть, и задержалась. Я же не случайно в школу пошла.

Лялька налила коньяку и продолжила:

— Никогда тебя не спрашивала про детей. Почему ты не родила?

— Олег не хочет.

— А почему?

По-видимому, коньяк отпустил тормоза, и Лялька стала вести себя несколько бесцеремонно.

— Ты же знаешь, у Олега есть взрослый сын.

— Очень хорошо! — оживилась Лялька. — У него есть сын, а тебе, выходит, никого не надо!

— Зачем ты так?

Я растерялась. Внутренний голос говорил: Лялька права. Однако дурацкая жалость шептала: «Он так одинок, так нуждается в тебе!»

— Попробуй посмотреть на Олега объективно, — продолжала наступать Лялька. — У него есть сын, мать, есть ты, преданная и верная. Он живет с тобой в хорошей двухкомнатной квартире, а на Фрунзенской у него — собственная трехкомнатная квартира.

— Там же Татьяна Леонидовна!

— О том и речь! — воскликнула Лялька. — Как истинный математик, твой Олег все точно рассчитал. Сына вырастила первая жена. Никита уже взрослый человек, сам зарабатывает себе на жизнь. Мама — это святое! Насколько я понимаю, она для Олега — идеал. Ты — молодая здоровая женщина, жена-любовница. Зачем вешать себе ярмо на шею? Пеленки, бессонные ночи, твой декрет... К тому же семью надо содержать. Разве я не права?

— Мне и так плохо, а ты!

Я опустила голову на стол и опять горько заплакала.

— Ритуля, солнышко мое! Прости меня, дуру!

Лялька вскочила с места и бросилась ко мне.

— Сколько раз я ругала свой язык! Сколько раз говорила: «Не лезь, если не спрашивают!»

— Ничего, ничего, сейчас пройдет! — всхлипывала я. — Ты права, это я живу с зашоренными глазами.

— Ну и живи! Нравится — и живи! А таким подружкам, как я, бей по лбу. Пусть не вмешиваются в твою жизнь!

— Таких, как ты, у меня больше нет, — сквозь слезы улыбнулась я.

Лялька встала с колен и подошла к окну.

— Успокоила, называется, — проворчала она.

Я вытерла слезы и стала мыть посуду. «Сначала мы, затем — мужики! Мы, затем — мужики».

— Не случайно я встретила Варьку.

— Почему?

— Мне кажется, это Судьба. Варька — из моего детства. Она появилась и, сама того не желая, сделала так, что мой домик стал разваливаться.

— Значит, он был карточным, — прошептала Лялька.

— Так оно и есть.

— Ладно, я пойду. По-моему, тебе надо побыть одной.

Лялька по-матерински поцеловала меня в макушку и добавила:

— Держись! Если что, звони.

— Спасибо тебе, — ответила я и закрыла дверь.

У меня было чувство, что кокон, в котором я жила, стал распадаться на части. Появилось ощущение свободы, а вместе с ней несвойственная мне критичность.

«Как это я раньше не замечала? Лялька права: интеллигентность у Олега — напускная. Он умен, поэтому не так-то прост. Глядя на него, окружающие думают: «Какой выдержанный мужчина, какой тактичный!» Видели бы его сегодня. Физиономия — перекошенная, интеллигентности и след простыл!»

Во мне опять закипала обида.

«А я-то, великовозрастная дура! Думала, у меня муж — исключение! Начиталась романов! Стоило на шаг отойти от привычной колеи, и его выдержанность испарилась. И что за ней? Дремучие мужские страсти, грубые и примитивные!»

Я с презрением фыркнула и пошла в спальню. Мозг работал в заданном ему направлении, и мысли роились, как разбуженные осы. Одна из них особенно привлекла мое внимание, заставив даже остановиться.

«Мужчины никогда не смогут понять женщин! Никогда!» — громко заявила о себе мысль и скользнула в копилку под названием: «Житейские истины».

«Банально, но правильно, — согласилась я. — У мужчин свои взгляды, у нас — свои. Тем более, что никому не дано заглянуть в чужую душу. Вот, например, сцена около нашей двери. Допустим невозможное: Олег незримо остался в квартире и не только беспристрастно наблюдал бы за мной, но и слышал, о чем я думаю. Могу даже допустить, что в таком случае он подошел бы ко мне и сказал: «Хватит, Маргарита! Поплакала и будет». Может быть, за ужином поговорил бы на тему богатеньких подружек».

Эти рассуждения меня успокоили. Я подошла к трюмо, села на пуфик и посмотрела на себя в зеркало.

«Глаза заплаканные, волосы растрепанные, но лицо — относительно свежее. Как это сказала девушка-консультант? «У вас красивая форма губ. Если бы их выделить контурным карандашом...» Надо купить карандаш, попробовать».

Пошарив в тумбочке, я наткнулась на мягкую бархатную обложку.

«Дневник! То, что надо! Дневник приводит мысли в порядок».

Я глубоко вздохнула, открыла новую страницу и написала:

30 декабря.

Ездила покупать подарки.

Встретила Варьку.

Писать о семейной ссоре не хотелось, и, вытащив из пучка шпильки, я стала расчесывать волосы. Мне вспомнилось, как мама заплетала косы, и я вновь заплакала. На сей раз слезы текли не по щекам, а по сердцу. Горячая волна окатила меня с ног до головы, и мне стало жарко. Уход Олега Александровича, его крик не имели уже никакого значения, в этот момент со мной была мама.

— Возьми себя в руки! Слабых не любят.

Она любила повторять эту фразу в ответ на мои жалобы и стенания. В таких случаях ее лицо менялось и становилось надменным. Мне даже казалось: передо мной — не мама, а некая дама, дающая советы, как вести себя в приличном обществе.

— Испытания и страдания опускаются свыше, — говорила она, — и поверь, они — не случайны. Пройдя через них, человек становится мудрее.

— Разве нельзя обойтись без страданий? — спрашивала я.

— Нельзя! Благополучие развращает человека.

Я опять посмотрела в зеркало. На меня глядели мамины зеленые глаза. В них была грусть, мечтательность и растерянность.

«Варька права: жизнь меня согнула. Я действительно стала «скукореженной».

От нечего делать я отделила прядь и заплела одну косичку, другую... десятую.

— По-моему, ничего! — поглядев на результат своего труда, сказала я вслух. — Похожа на папуаску.

Дневник лежал на тумбочке и по-прежнему притягивал к себе. Хотелось описать собственные переживания, раскрыть душу. Немного поколебавшись, я решительно подошла к шкафу. Разворошив постельное белье, я засунула дневник под пододеяльник и выровняла стопку белья.

«Так будет лучше. Подальше от чужих глаз. Такую роскошь может позволить себе только одинокий человек».

Стоило мне об этом подумать, как послышался звук открывающейся двери. Мое лицо опять вытянулось и приняло испуганное выражение. Я опустилась на пуфик и сложила на коленях руки. Олег Александрович вошел в комнату и, не раздеваясь, грозно сказал:

— Спать будешь в большой комнате!

Увидев косички, он презрительно добавил:

— Глупая молодящаяся особа! В голове — ни одной стоящей мысли, одна только похоть!

Я лежала на диване и в который раз за сегодняшний день плакала. Обида навалилась на меня и шептала в самое ухо:

— Как я тебя понимаю!

Обида приняла реальный облик и смотрела на меня с сочувствием и состраданием. Она походила на даму из девятнадцатого века: темно-синее платье обтягивало мощные грудь и бедра, белый кружевной воротничок подпирает два дряблых подбородка, на голове красовалась затейливая высокая прическа. Рассматривая меня через пенсне, Обида дрожала от возмущения.

— Подлец! — сказала она. — Неблагодарный эгоист!

Она поправила складки своего платья, деловито направилась к столу и поставила на его середину старинный самовар.

— А ты поплачь! Слезы — первое лечебное средство.

Пригладив мои косички, Обида ласково потрепала меня по голове и пригласила к столу. Я встала с дивана и села за круглый стол. Разговаривать не хотелось, однако сочувствие полной дамы успокаивало, и мне хотелось, чтобы она не молчала.

— Сколько женщин прошло через мужскую Ревность! — горько вздохнула Обида. — Знаю я ее, еще та дамочка! Она смотрит в особую подозрную трубу, которая делает маленькие предметы большими, а подозрения — истинами.

— Как литературно сказано!

— Не я придумала, это сказал Сервантес. Слышала про такого?

— Конечно, это автор «Дон Кихота».

— Вот-вот! Он знал, о чем говорил. Стоит мужской Ревности поселиться в сердце, и все! Никакими средствами не выгнать! Никакими! Поверь мне.

— А разве женской Ревности нет?

— Не о ней речь! — резко отреагировала Обида. — Не о ней!

Она сжала узкие губы и стала шептать себе под нос.

— Женская Ревность ни в какое сравнение не идет с мужской! Я ее тоже знаю. Совсем не то! Она — взбалмошная и эмоциональная, похожая на вздорную рыночную торговку. Мужская Ревность — не такая! Эта дама — сильная и коварная. Она будет идти за жертвой по пятам день и ночь! Идти до тех пор, пока не припрет ее к стенке. Ты уж извини меня за такое просторечие. Но по-другому, право, не скажешь. Припрет и начнет мучить. А силы ей не занимать, будет мучить до конца.

— До какого конца? — со страхом спросила я.

— До смерти! Никак иначе.

— Даже если женщина не виновата?

— Милочка! Да кого же это интересует! — захохотала моя Дама. — Прямо, ребенок, честное слово! Я уже полчаса твержу: если в мужской душе поселилась Ревность, это конец!

— Всегда конец?

— Всегда!

— И что же тогда делать?

— Уходить! Чем быстрее, тем лучше!

— Да вы что! — возмутилась я. — А как же дети, дом?

— Детей надо забирать! — подумав, ответила Обида. — А дом... Здесь вариантов много. Например, можно разделить имущество, или все бросить и переехать к родителям, а можно и выгнать.

— У меня нет родителей!

— Тогда надо выгнать! Ты же не хочешь мучиться всю жизнь?

— Нет, нет! Я вам решительно не верю! Наверняка есть другой выход, не такой разрушительный.

— Говорю тебе, другого выхода нет!

Обида подвинула стул поближе ко мне и обдала меня дыханием старого, больного человека.

— Поверь моему опыту. Я уже столько лет живу! Не одну тебя на путь истинный наставляла. Кто-то слушал меня, а кто-то и нет. Где они теперь?

— Наверное, и те и другие в могиле, — ответила я.

— С тобой трудно говорить! Ты пытаешься мыслить логически, а это — не женское дело!

— Извините, но мне непонятно. Вы сказали, что некоторые женщины прислушивались к советам, а некоторые — нет.

— Объясняю, — обиженно посмотрев на меня сквозь пенсне, сказала Дама. — Те, кто слушал меня, жили впоследствии нормальной человеческой жизнью. Те же, кто не изволил внять советам, получили жизнь, похожую на ад.

Обида гордо выпрямилась на стуле и, задрвав подбородок вверх, надменно посмотрела в мою сторону.

— Теперь настала твоя очередь! Тебе выбирать!

— Прямо сейчас?

— А чего ждать? Хочешь узнать, как будут развиваться события, или тебе интересно посмотреть на мужа-ревнивца?

— Может быть, у него все пройдет?

— Боже мой, какая наивность! Я же тебе уже объясняла: Ревность никуда не уходит. Она похожа на вирус: попала в организм и тут же начала разрушительную работу.

— Но с вирусами бороться можно.

— Вирусы, вызывающие насморк или грипп, вы научились убивать. Сама знаешь как! Достаточно лечь в постель и принимать лекарства. А с вирусом Ревности так просто не справишься! Я тебе больше скажу, в обозримом будущем здесь никаких сдвигов не намечается.

— Может быть, у Олега и нет этого вируса? Вчера же он был нормальным человеком!

— Вчера было вчера! А сегодня он уже заражен! Это болезнь, опасная и неизлечимая! Теперь начнется бурное развитие, и нетрудно представить всю схему.

Я с ужасом посмотрела на почтенную Даму и попыталась осмыслить то, что она сказала. Мой взгляд отметил мешочки под глазами, заштопанное кружево на воротничке, старые пятна на платье. Непонятно почему, но эти мелочи придавали словам собеседницы дополнительную убедительность. Мало того, именно они и создавали ощущение реальности. Мою душу сковало леденящее чувство страха, и, едва двигая побелевшими губами, я спросила:

— И как же выглядит эта схема?

— Все просто! — с энтузиазмом начала Дама. — Сейчас, к твоему сведению, Олег

Александрович лежит в постели и кипит от злости. За ночь он переберет вашу жизнь и увидит множество фактов, подтверждающих твою аморальность.

— В моем прошлом нет ничего постыдного, — возразила я.

— Это ты так думаешь!

— Какая разница, что думаю я! Главное, что так оно и есть!

Я была рада такому повороту и спросила с плохо скрываемым торжеством:

— Если человек чист, разве можно что-то придумать?

— Сколько тебе лет? Тридцать пять, тридцать шесть? — вопросом на вопрос ответила

Обида. — Предположим, ты не интересуешься психологией. Предположим! Но ты ведь преподаешь литературу! Вспомни теперь, сколько было надумано несуществующих ситуаций! Вспомнила? Сколько сюжетов рождал ослепленный ревностью человеческий разум!

Я опустила голову и кивнула.

— То-то и оно! — важно проговорила дама. — В таком состоянии можно напридумывать такое, что впору позавидовать! Теперь представь, что изощренный ум мужа начнет тебя анализировать. Представила?

Мне стало страшно. Я уже поняла, к чему клонит Обида.

— Я вижу, до тебя дошло, о чем разговор, — продолжила моя собеседница, — твой муж будет думать об этом всю ночь. Он вспомнит, как ты задерживалась на работе, как, ссылаясь на усталость, отлынивала от супружеских обязанностей. К утру его вывод окрепнет: измена налицо. Решив эту задачу, он примется за вторую: кто твой любовник? Начнет следить, слушать твои разговоры по телефону...

— В это невозможно поверить!

Я с вызовом посмотрела в дряблое лицо Дамы и встала со стула.

— Девочка моя! — ласково воскликнула она и поднялась вслед за мной. — От того, что ты мне не веришь, ничего не изменится. В твоем случае эта схема будет развиваться так, в другом — несколько иначе. Эти нюансы не имеют никакого значения. Главное, что Ревность начала свое убийственное дело и постепенно превратит твоего мужа в изъеденную молью тряпку!

Шелестя складками своего платья, Дама подошла к старому комоду. Выдвинув верхний ящик, она покопалась в брошюрах, разваливающихся от старости, и среди них отыскала относительно свежую газету.

— Почитай!

«Около двенадцати тысяч женщин в год погибают в России от побоев мужей и любовников. Большая часть этих трагедий происходит на почве ревности», — прочитала я вслух.

— Что я говорила! Ты только представь: двенадцать тысяч!

— Наверное, это происходило в неблагополучных семьях, — попыталась возразить я.

— Перестань! Эти несчастные женщины принадлежали к разным семьям, все зависит от темперамента. Если мужчина вспыльчив и Ревность разбудит в нем зверя, тогда...

— Олег не такой! — крикнула я. — Он хорошо воспитан и не позволит ничего плохого по отношению к женщине!..

— Ну-ну!

Дама подошла к окну и повернулась ко мне спиной. Я посмотрела на толстую спину и проглотила комок слез.

«Старуха все врет, она меня пугает».

— Мне незачем тебя пугать, — выговаривая каждый слог, проговорила Обида.

* * *

— Как спалось? Совесть не мучила? — спросил Олег, как только я утром появилась на кухне.

— С совестью у меня все в порядке, — ответила я и стала готовить себе завтрак.

— Скажите, пожалуйста! А ты знаешь, что это такое? Или в твоих примитивных мозгах такого понятия нет?

Ложка запрыгала в моих руках, а глаза наполнились слезами. Я судорожно вздохнула. «Только бы не расплакаться. Надо помнить: сейчас он не контролирует себя. В нем бурлят злость и раздражение».

Я вспомнила сон-явь, и передо мной замаячило обрюзгшее лицо.

«Что я тебе говорила? — прошептала Дама. — Погоди, это только начало!»

— Ты не имеешь права преподавать! — продолжил Олег. — Разложившихся личностей нельзя даже близко подпускать к детям!

Он знал, как меня можно достать. Я резко повернулась и поглядела ему прямо в глаза. Взгляд у него был мутный, под глазами четко обозначились коричневые круги.

— Ты здоров?! — спросила я.

Мой тон снес сдерживающие препоны, и Олег Александрович вскочил с кресла.

— Сколько же в тебе фальши! — взвизгнул он. — Прямо артистка! Научилась во время выступлений или у тебя этот дар — природный?

«Есть в нем что-то от Каренина. Такой же скучный и жалкий!»

В поле зрения попала его рубашка. Она торчала из джинсов, как тряпка, и на какой-то миг мне захотелось подойти к Олегу и сказать что-то ласковое.

— Я думал, ты — порядочная женщина! Оказывается, нет! Тебе нравится двойная жизнь. Может быть, это влияние подруг?

— При чем тут подруги?

— Ах, нам не ясно! Я давно заметил, ты — глупая курица! Такие особи ничего не могут родить! Ничего!!! Им это не дано!

Это был удар! Тем не менее, я сказала себе:

«Молчи, только молчи! Он тебя провоцирует».

В это время Олег смотрел на меня и наслаждался прямым попаданием.

— Для того, чтобы родить идею, надо иметь мозги! Думаю, природа тебя ими обделила.

— Ты всегда так думал? — не выдержала я.

— Всегда! — резко ответил он. — Однако при этом я полагал, что живу с честной женщиной.

— Теперь, видимо, ты так не считаешь?

— Вчера я увидел, что прячется в твоих глазах. Увидел так ярко, что ужаснулся. Было впечатление, что тебя застали врасплох! Ложь не успела нырнуть в убежище и, зацепившись на ресницах, нагло поглядывала на меня.

Последняя фраза меня поразила. «Никогда не замечала, чтобы он мыслил образно!»

— Передо мной пронесли тринадцать лет жизни, и я понял: ты мне врала всегда.

Врала, когда после так называемых репетиций приходила домой. Врала, когда говорила, что посидишь у Нюты. Надо же так обнаглеть, чтобы прийти домой в новой шубе! И она еще хочет, чтобы я поверил рассказам о мифической Варьке! Или ты совсем сбрендила? Кто дарит такие подарки?

— Поменяй тон, ты становишься грубым!

В моей голове пульсировало, но я держалась. Очевидно мне помогал разговор с ночной Дамой.

— Посмотри на своих подруг! — продолжал Олег. — Одна не удержала мужика, и тот ушел от нее и вечно орущих близнецов к чертовой матери! Другая крутит мужем, как хочет: то принеси, это сделай! Теперь, оказывается, появилась третья подруга. Она — оригинал: любит швырять деньгами и, встретив тебя, дарит шубу. Что тут такого?

— Я пропускаю твои мерзкие характеристики и хочу сказать...

— Как любезно с твоей стороны, я тебя слушаю!

— Так вот! Тебе никогда не понять людей, которые могут что-то бескорыстно дарить. Любые твои действия просчитаны, и благородный порыв тебе не свойственен!

Я чувствовала, что начала заводиться. «Ему все-таки удалось втянуть меня в кухонные разборки». Я замолчала и вышла из кухни.

— Это мне не свойственен благородный порыв?!

Олег Александрович выскочил вслед и схватил меня за плечи.

— Дрянь! Неблагодарная дрянь! Я ей купил костюм!..

— Я запрещаю говорить со мной в таком тоне! А костюм можешь вернуть в магазин. Скажешь, что не подошел, — холодно ответила я и брезгливо высвободила плечо.

— Может быть, ты себя считаешь благородной? — истерично крикнул Олег.

— Считаю!

— Как же! Я и забыл! Мы же по материнской линии — из Лопухиных! Наши предки...

— Все! Хватит! — воскликнула я. — Забирай свои вещи и уходи! Мне оправдываться не в чем! Объяснять, человеку, вбившему в голову определенный сюжет, нет смысла.

Я прошла мимо остолбеневшего Олега и включила компьютер. В моей душе было пусто и холодно.

«Как быстро произошло освобождение! Раб восстал! Молчал целых тринадцать лет, а теперь восстал!», — подключаясь к Интернету, думала я.

— Что ты сказала??? — услышала я зловещий голос.

— Можешь забрать свои вещи и уйти.

— Уйти?! — Олег даже задохнулся от возмущения.

— Не понимаю, почему это тебя так взволновало? Ты — свободный человек. У тебя есть собственная квартира. Будешь опять жить с мамой. Насколько я знаю, у вас с ней прекрасные отношения.

Открыв электронную почту, я увидела письмо:

«Маргарита Владимировна, как сможете, позвоните. Аня Соловьева».

— Теперь понятно!!! Ты задумала этот спектакль заранее!

— Заранее я планирую только уроки, — ответила я и взяла записную книжку.

Набрав Анин номер, я долго ждала. Наконец послышался тихий голос:

— Слушаю!

— Анечка, это Маргарита Владимировна! Что-то случилось?

— Да! — ответила она. — Вы не могли бы со мной встретиться?

— Конечно! Где?

— Может быть, в «Булошной»?

— Хорошо, через двадцать минут буду.

Проходя мимо большой комнаты, я увидела Олега, сидевшего в кресле, обхватив голову. Меня охватила жалость. Она зацепилась за сознание и, грустно вздохнув, испарилась. Я вспомнила слова, сказанные Олегом Александровичем за последний день, и мне стало противно.

«Думала, рядом лев, а оказался — злобный хорек!»

Через десять минут я уже шла по направлению к «Булошной». Кафе с таким странным названием располагалось на углу Лялиного и Большого Казенного переулков. Когда-то здесь была лучшая в Москве кондитерская. Теперь — роскошное кафе со старинными интерьерами, Его оформители постарались от души, поэтому даже напольная плитка была отделена металлическими пластинами с повторяющимся словом: «Булошная». Буква «ш» в середине слова оказывала магическое действие и будила воображение.

Казалось, передо мной — старая Москва. По каменной мостовой катятся экипажи, и кучера лениво погоняют лошадей. Один экипаж остановился рядом с «Булошной», и из него вышли дамы с детьми. Они вошли в кафе и сели за большой стол. Дамы заказали кофе и, поглядывая на детей, стали вести неспешную беседу. Девочки не вызывали никаких беспокойств: они помнили правила хорошего тона, поэтому сидели с прямой спиной и старательно прижимали локотки к талии. Мальчики были слишком оживлены, и дамам приходилось прерывать разговор, строго поглядывая в их сторону. Мальчики уже выпили свой кофе, съели пирожные, и им хотелось смены впечатлений. Дамы поняли, что пора уходить, и медленно встали. Швейцар набросил на их плечи шубы и почтительно отворил дверь...

Я остановилась около двери с бронзовой ручкой и посмотрела внутрь. Анечка уже была там. Она сидела за угловым столиком и грустно смотрела в окно.

— Добрый день! Ты уже что-нибудь заказала?

— Здравствуйте, Маргарита Владимировна! Я заказала два кофе и пирог со взбитыми сливками.

— Вот и правильно!

Я сняла шубу и повесила ее на вешалку.

— Мне так неудобно! Предпраздничный день, а я пристаю со своими проблемами.

— Пустяки! У меня нет никаких срочных дел.

Официант положил перед нами льняные салфетки, поставил чашечки с кофе и тарелки с пирогом.

— Вы сегодня очень хорошо выглядите!

«Знала бы ты, какую склоку мне пришлось выдержать!» — подумала я, а вслух сказала:

— Я всего лишь распустила волосы.

— Дело не в волосах, в вашем лице появилась решительность.

Мне не хотелось обсуждать эту тему с моей ученицей, и я перевела разговор.

— А вот твое лицо сегодня мне совсем не нравится! Глаза смотрят тоскливо, на лбу — поперечная морщинка. Что-то произошло?

— Мои родители разводятся, — с глубокой болью ответила Аня.

— Не может быть!

Я вспомнила Оксану Дмитриевну — Анину маму. Высокая блондинка с тонкими чертами лица и такими же выразительными, как у дочери, грустными глазами. Мы достаточно часто виделись: она была членом родительского комитета. Ее рассудительность, плавная речь, хорошо поставленный голос вызывали во мне глубокую симпатию, и, глядя на нее, я всегда думала: «Какая интересная женщина!» В действиях Оксаны Дмитриевны не было суетливости, однако все вопросы она решала быстро и без лишних разговоров.

Достаточно часто я беседовала с ней на темы, не имеющие отношения к учебе. Из этих разговоров я поняла, что Анечкины родители — люди обеспеченные и очень занятые. Оксана Дмитриевна работала в крупном банке, а ее муж, Игорь Владимирович, занимался политехнологиями. Узнав, что они купили квартиру, я посоветовала обратиться к моей подруге, дизайнеру Ольге Трубецкой. Лялька получила выгодный заказ и стала заниматься оформлением квартиры. По ее совету была устроена комната в восточном стиле с арочным окном, круглым чайным столом и персидскими коврами. Лялька трудилась с присущим ей энтузиазмом и после завершения работы сказала:

— Спасибо, Ритуль! Такого клиента мне подкинула! Теперь, с твоей легкой руки, я нарасхват. У Оксаны Дмитриевны — много знакомых, и, что меня больше всего радует, все они или строят дома, или покупают новые квартиры.

Как-то раз Лялька рассказала мне о впечатлении от Аниного отца. Сама я его не видела, так как в лицей он не приходил ни разу.

— Ты не представляешь, какой интересный мужчина!

Лялька красноречиво цокала языком и с воодушевлением продолжала:

— Высокий брюнет с голубыми глазами, безукоризненно одет, имеет «Ауди» шестой модели. Я разговаривала с ним пару раз, и поверь, мне этого было достаточно.

— Достаточно для чего? — удивленно спрашивала я.

— Если бы он захотел, я не задумывалась бы...

Я грозила Ляльке пальцем и говорила:

— Еще не хватало, чтобы ты соблазняла родителей моих учеников!

— Разве я могу соблазнить такого мужчину? Моя жертва — это Лопушок!

Лопушком Лялька называла своего мужа — Алексея. Услышь тогда наш разговор Олег Александрович, он бы сказал: «Что я говорил? Твоя Лялька — развратная женщина!»

Я же была абсолютно уверена в Лялькиной порядочности. Ее внешняя развязность, поцелуйчики, томные взгляды были лишь женской игрой без продолжения. Ляльке хотелось праздников, и она их себе устраивала. Подобные милые штучки — то же самое, что беззлобный женский треп ни о чем. Он создает настроение, приводит в форму, является аутотренингом. Однако люди, подобные Олегу Александровичу, не понимают нюансов. Глядя на таких женщин, как Лялька, они обычно презрительно надувают губы и восклицают:

— Какая распущенность!

Я же знаю: никакой распущенности в Лялькином поведении нет. Это всего лишь — вызов обществу, скучному и пресному; некий вид безвредного хулиганства. Мне не надо было спрашивать Ляльку, изменяет она мужу или нет. Я и без этого знала: она предана Лопушку и, как может, заботится о нем. Конечно же, ей с ним очень повезло: Леша — мудрый человек. Он чувствовал жену на интуитивном уровне, поэтому, глядя на ее фортели, лишь посмеивался. Думаю, в супружеской кровати он ей показывал, кто настоящий хозяин. Я даже могла определить, когда это происходило. После таких ночей Лялька появлялась передо мной умиротворенной, и ее глаза светились счастьем. По всей вероятности, Леша относился к категории мужчин, уверенных в себе, а таким женщины не изменяют.

Слава Богу, постельные темы мы с Лялькой не обсуждали. Не сомневаюсь, она с удовольствием поговорила бы на эту тему, однако разговоры о сексе мне лично всегда казались неприличными. Я даже не представляю, как могла бы рассказывать об интимных отношениях с Олегом. Впрочем, женщины бывают разными!

— По-моему, меня опять занесло в дебри собственных мыслей, — растерянно

пробормотала я.

— Ничего! — на лице девочки появилась слабая улыбка. — Мы уже привыкли.

— Наверное, со стороны это выглядит нелепо?

— Почему же? Все очень пристойно. Вы опускаете глаза вниз и замираете. Кажется, что в этот момент вы переноситесь далеко-далеко.

— Да уж!

Чтобы сосредоточиться, я откусила пирог и выпила кофе.

— Слушаю тебя, — я посмотрела на Аню и ободряюще улыбнулась.

— Все очень банально. Была семья, в ней — любовь, достаток, совместный отдых, походы в театр. Затем появилась молодая незнакомка. Папа вдруг понял, что именно ее он ждал всю свою жизнь, и тут же забыл маму и меня. Это какое-то наваждение, человек изменился за неделю! Представляете?

— Представляю.

— Его как подменили! — воскликнула Аня. — Глаза — блеклые, сам — комок нервов, последние дни стал грубить.

Глаза Ани наполнились слезами.

— Если бы я была суеверной, то решила бы, что его приворожили.

Аня наклонилась ко мне и, покраснев, спросила:

— Как вы думает, такое возможно?

Этот вопрос застал меня врасплох. С одной стороны, я — человек суеверный. С другой — в ворожбу не верю. Мне всегда казалось, что при помощи магических средств заставить полюбить невозможно. И тем не менее, задумчиво посмотрев на кофейную гущу, неожиданно для себя я сказала:

— Все может быть!

— Вы серьезно?

— В этом вопросе ни ты, ни я не разбираемся. Следовательно, никаких знаний у нас нет. Согласна?

Аня смотрела на меня и молчала.

— А если нет знаний, как же мы можем судить?

— Логично, — заметила девочка. — Однако в подобное трудно поверить.

Она посмотрела в окно и вдруг вздрогнула. Перед светофором стояла серебристая иномарка. За рулем сидел красивый мужчина, рядом с ним — молодая девушка. Черные волосы девушки ниспадали на меховой воротник, а маленькая ручка теребила за ухо красавца-водителя.

— Папа! — тихо выдохнула Аня.

Она закрыла лицо руками, и ее плечи мелко задрожали.

— Анечка, милая!

Я придвинулась поближе к девочке и постаралась закрыть ее от любопытных взглядов посетителей кафе.

— Будь мужественной! Сейчас тяжелее всего не тебе, а твоей маме!

Услышав последнюю фразу, Аня тут же прекратила плакать и опять посмотрела в окно. Серебристой машины уже не было.

— Вы не представляете, что творится с мамой! На работе она еще держится, а дома... У нее бывают такие истерики!

— Поэтому и говорю: думай не о себе, а о маме.

— Мне так тяжело!

— Сейчас ты должна быть сильной, иначе твоя мама может не выдержать.

— А как же папа?

— Не пытайся решать все вопросы сразу. У твоего папы сейчас эйфория. Кто может знать, чем она закончится?

Я замолчала и подумала: «Еще месяц назад можно было сказать, что у этой девочки счастливая судьба. А теперь...»

— Помните, на уроке мы говорили о Судьбе?

Аня неожиданно подхватила мою мысль и посмотрела на входную дверь кафе. Я вздрогнула и быстро обернулась. Что ожидала я увидеть? Сама не знаю. Видимо, так бывает, когда твоя мысль неожиданно озвучивается и становится почти одушевленной.

— Наверное, наши испытания — тоже Судьба, — по-взрослому продолжила Аня.

— Помнишь, мы говорили о рассказах Солоухина?

Я решила отвлечь Аню от навязчивых мыслей.

— «Камешки на ладонях?» — улыбнулась она. — Как же, помню! Ангел сидит на правом плече, черт — на левом.

— Ты поверила?

— Не знаю. С одной стороны, в это поверить трудно, а с другой... Вы же сами сказали: нельзя судить о том, чего не знаешь. Сейчас мне кажется, что-то в этом есть.

— А мне так всегда казалось! Может быть, поэтому я погружаюсь в себя. В такие минуты мне слышится внутренний голос.

Аня потянулась ко мне и посмотрела прямо в глаза.

— В ваших словах есть некоторая недосказанность!

— Не удивительно, мне и самой не все понятно.

— Странно, взрослые обычно держатся так уверенно! Создается впечатление, что они все знают...

— Глупости! Как правило, за этой уверенностью скрывается закомплексованность по самые уши.

Я положила свою руку на Анины пальчики. Они были вялые и холодные.

— Пойдем?

— Да, да! Конечно!

Аня потянулась к своей куртке, я — к кошельку. Мы оделись и, пожелав официантам счастливого Нового года, вышли из «Булошной».

— Вы мне ужасно помогли, Маргарита Владимировна! Мои мозги встали на место, и теперь я знаю, что делать!

«Мои мозги тоже постепенно встают на место, — подумала я. — Время от времени полезно получать по башке».

Мы остановились около моего подъезда.

— Ну что? С наступающим Новым годом!

— Да, да! — заторопилась Аня. — Я вам напишу по электронке.

Она побежала домой. Ее дом стоял метрах в ста от моего и считался элитным. Высокий забор из кованого железа, мощный красный плиткой двор, клумбы с кипарисами и большие вазоны с экзотическим кустарником. Высокие окна в обрамлении причудливых лепных бордюров блестели на солнце, а массивные двери давали понять: в доме живут сливки общества. Помнится, проходя мимо, Олег Александрович сказал:

— Здесь живет российская олигархия!

Тогда в этой фразе мне слышалось презрение интеллектуала. Теперь же думаю, за ней пряталась элементарная зависть!

Плохо, когда тебя не ждут, еще хуже, когда в твоём доме живет чужой человек. О чем говорить? Куда спрятаться? Нет ответа. Знаешь одно: домой спешить нет никакого смысла. Подняв голову, я посмотрела на окна своей квартиры. Несмотря на то, что был полдень, в большой комнате горел свет.

«Не уехал! Не хочет уходить с насиженного места. А может быть, он стесняется своей матери?»

Я представила, как Олег, нагруженный вещами, появляется в квартире на Фрунзенской и говорит матери:

— Я вернулся.

Улыбка появилась на моем лице, и я пробормотала:

— Хорошенькая ситуация! Думаю, Татьяна Леонидовна не очень обрадуется возвращению единственного сына. Хотя, конечно, внешние приличия она соблюдет. Может быть, артистично всплеснув руками, даже воскликнет:

— Олежек, милый! Что случилось?

— Нам с Маргаритой некоторое время надо пожить врозь, — коротко ответит Олег и войдет в широкую прихожую, украшенную витиеватой вешалкой из красного дерева.

— Да, да, конечно! — воскликнет Татьяна Леонидовна.

Она обескураженно посмотрит на сына и величественно поплывет на кухню.

— Тебе заварить чай? — через некоторое время раздастся ее низкий голос.

— Если не трудно, — ответит Олег Александрович.

Со стороны может показаться: мать и сын рады друг другу, но я-то знаю, все это — игра. Татьяна Леонидовна — такая же эгоистка, как и ее Олежек. Она — театральный критик с сорокалетним стажем, и ее мир — это неспешные беседы о театре, актерах, около-артистических событиях. Она не умеет и не любит заниматься домашним хозяйством, поэтому уже в молодости решила эту проблему раз и навсегда: сначала работу по дому выполняла ее сводная сестра, жившая вместе с Татьяной Леонидовной и маленьким Олегом, затем — приходящая прислуга. Я уже давно заметила: мать Олега не любит, когда что-либо ограничивает ее свободу, и интеллигентно, но настойчиво сопротивляется этому ограничению. Мне кажется, с мужем она так и не жила. По рассказам Олега Александровича, его отцом был крупный партийный работник, сначала воевавший на Западном фронте, а затем попавший под последние репрессии Сталина. Однако я считаю, что рассказ о муже — это очередная легенда, придуманная Татьяной Леонидовной. Она всегда любила красивые позы и недосказанность.

— Тебе чай с лимоном или без? — спросит она Олега, чтобы заполнить затянувшуюся паузу.

— Хорошо бы с лимоном, — ответит он из своей комнаты.

Увидев, что книги стоят не на своих местах, Олег поморщится и двумя пальцами поднимет с кресла материнскую шаль.

— Можно подумать, в квартире мало места, — проворчит он.

— Так что же, собственно, произошло? — спросит Татьяна Леонидовна.

Она поставит на журнальный столик стакан в металлическом подстаканнике и вопросительно посмотрит на сына. Тонкая золотая оправа блеснет в луче, идущем от бра, а

выцветшие глаза, увеличенные очками, обиженно моргнут.

— Ничего! — коротко ответит Олег Александрович. — Просто я решил некоторое время пожить дома.

— А как же Маргарита?

— Не понял!

— Что будет с ней?

Конечно же, до меня Татьяне Леонидовне нет никакого дела, но мысль, что Олег будет жить дома, наэлектризует ее до предела. Она быстро прикинет, что сына надо кормить, обстирывать; с ним надо разговаривать: не раз в неделю, а каждый день. Последний момент ее встревожит больше всего. Несмотря на то, что Татьяна Леонидовна любит поговорить, думаю, она бы не хотела, чтобы ее постоянным собеседником был Олег. Во-первых, он — человек немногословный, и разговор пришлось бы тащить на себе. Во-вторых, последнее время она предпочитала театральным темам разговоры о диетах, холестерине, гомеопатии. Однако Олег медицинских разговоров не выносил, и, предвидя молчаливые вечера, Татьяна Леонидовна заранее беспокоилась.

В свое время она еще тешила себя надеждой, что сын будет опорой в ее старости. Теперь же подобных иллюзий не питала, так как давно заметила, что Олегу не свойственно даже элементарное чувство сострадания.

— Не могу понять, — как-то сказала она мне. — Откуда у него такая презрительность?

Помнится, я стала защищать Олега Александровича:

— Что вы! Какая презрительность! Это всего лишь защита собственного «Я». Поверьте мне, как педагогу. Многие дети тоже демонстрируют холодное равнодушие, они даже позволяют себе презрительные замечания в адрес взрослых. Однако, как правило, за этими фразами прячется незащищенность и ранимость. С возрастом это проходит.

— Я же никаких изменений не вижу, но за добрые слова спасибо!

— Не вижу повода для беспокойства, — отвечала я. — Думаю, занятия наукой требуют мобилизации всех сил, вот поневоле Олег и отходит от житейских проблем.

— Может быть, ты права! — восклицала Татьяна Леонидовна.

Как и любая мать, она готова была поругать и тут же оправдать своего ребенка.

— Олег очень талантлив! Он уже с детства демонстрировал склонность к логике и математике. Второе мне всегда импонировало, а первое... Признаюсь, мне было не по себе, когда Олег подходил и начинал критиковать моих знакомых. Он раскладывал сказанное ими по полочкам и делал ошеломляющие выводы. Временами его острый ум помогал мне понять то скрытое, что прячут театральные деятели за улыбками и любезными фразами. Иногда же мне хотелось убежать и закрыть уши!

Она доверительно смотрела на меня и продолжала уже шепотом:

— Как вы знаете, я критик, следовательно, по долгу профессии обязана мыслить критически, но все должно быть в определенных рамках. Олега же, к сожалению, постоянно заносит. Видимо, поэтому он так одинок. Люди не любят критики, а если и допускают ее, то чуть-чуть.

Татьяна Леонидовна кокетливо улыбалась и добавляла:

— Чуть-чуть! Именно те, кто чувствует эту грань, и становятся успешными критиками.

Она поправляла прическу, и перстни на ее ухоженных пальцах торжественно сверкали. Казалось, они выбрасывали короткие импульсы, что на языке камней можно было расшифровать так: «чуть-чуть, совсем чуть-чуть».

Во времена вышеприведенного разговора, я любила Олега Александровича. Наверное, потому что считала критичность не недостатком, а проявлением цепкости ума.

— Паук! — в сердцах воскликнула я.

— Что ты сказала? — раздался за спиной Лялькин голос.

Я резко повернулась. Передо мной стояла Лялька, и ее праздничное лицо светилось счастьем.

— Ничего особенного! — смущенно ответила я.

— Домой идти не хочешь! — уверенно заявила Лялька. — Разборки продолжаются!

Я грустно кивнула головой.

— Так, слушай меня! Сейчас мы поднимемся, и ты быстро переоденешься. Через полчаса Лопушок вернется домой, и мы вместе поедem на дачу, где славненько встретим Новый Год!

Лялька засияла глазами. Похоже, этот план ей понравился.

— Не возражай! — увидев протестующее движение, быстро сказала она. — Веселая компания отвлечет тебя от грустных мыслей, а там, глядишь, все и распутается.

— Какая компания? — удивленно спросила я.

— Нас пригласили на дачу Лешины друзья. Они собирают большую тусовку, где, по моим сведениям, могут быть очень интересные мужчины!

Лялька жеманно повела плечом и прошептала:

— Мы с тобой забуруним эту компанию изнутри. Представляешь, какое будет представление!

— Не хочу никакого представления. Хочу тишины и покоя.

— Ты это серьезно? — встревожилась Лялька. — Сильно поцапались?

— Да нет, — устало ответила я. — Все было в пределах интеллигентных разборок. Просто мне надо немного побыть одной и подумать.

— Ты что? Собираешься думать в Новогоднюю ночь?

Лялька схватила меня за шубу и обдала горячим дыханием. Ее глаза приблизились ко мне, и я увидела в них нешуточную тревогу.

— Успокойся! Я буду встречать Новый год у Нюты. Общество ее детей мне будет приятней, чем компания интересных мужчин.

— Ты ненормальная! — воскликнула Лялька. — Разве тебе не хватает детей в будние дни?

— Тебе этого не понять!

— Ах, мне не понять! Ты думаешь, я только хвостом умею крутить!

Лялька стала наступать и теснить меня к домофону. Она размахивала перед носом пальцем с новогодним маникюром, когда входная дверь открылась и перед нами появилась Настя.

— Как хорошо, что я тебя, мам, встретила! Здравствуйте, Маргарита Владимировна! — воскликнула она.

— Куда это ты направилась? Мы через час уезжаем!

Лялька переключилась на дочь и на минуту забыла про мое существование.

— Мне надо купить кой-какие подарки. Я слетаю в «Атриум» и обратно.

Настя прошмыгнула мимо матери и побежала к Садовому кольцу.

— Вот так всегда! — нахмурилась Лялька. — Все оставляет на последний день!

Она посмотрела на дочь, бегущую по тротуару, и задумчиво сказала:

— Ничего будет девочка! Фигура и ножки у нее — мои!

— Какого высокого мы о себе мнения!

— А то как же! Женщина всегда должна быть на высоте.

Она приосанилась и добавила:

— Слышала, что психологи говорят? Если человек себя не любит, другие, точно, его любить не будут.

— Серьезное высказывание, — заметила я. — И удивительно кстати!

— Ритуль, обожаю твои комментарии!

Лялька с нежностью посмотрела на меня и распахнула объятия.

— Думаю, восторженность и патетика были свойственны тебе с ясельного возраста.

— На том и стоим! — ответила Лялька. — А что касается тебя, делай как хочешь! Я же, со своей стороны, всегда готова помочь и скрасить твою жизнь своим легкомысленным трепом.

— Объяснение в искреннем расположении около родного подъезда, — засмеялась я.

— Может быть, по этому случаю выпьем?

— Завтра! Сегодня же ты быстро поднимешься домой, приготовишься к Новому году, а затем радостно встретишь Лопушка.

— Он у меня прелесть! — воскликнула Лялька.

— Он действительно прелесть. Береги его, такие мужчины — редкость!

— Знаю. И за что мне, вертихвостке, такое счастье!

— Значит, заслужила, — уверенно сказала я.

— А ты разве не заслужила?

— Видимо, мне нужно избавиться от идеалистического отношения к жизни.

— Мудрено говоришь! Ну да ладно! Не хочешь ехать, не надо. Завтра мы с тобой посидим и обсудим твои дела.

— Договорились, — ответила я и подтолкнула Ляльку к подъезду. — Иди!

— А ты?

— Я немного прогуляюсь, затем куплю Нютиным детям подарки, а к вечеру вернусь домой.

— Значит, мы в этом году не увидимся?

— Значит, не увидимся.

— Тогда с наступающим Новым годом!

— И тебя так же!

Мы тепло обнялись, и, махнув рукой, я пошла прочь от собственного дома.

«Что-то во мне разладилось! — думала я, шагая по узкому тротуару. — Может быть, вхожу в депрессию?»

Остановившись посреди дороги, я погрузилась в себя.

«Однако депрессию характеризуют тоска и усталость... Тоски у меня точно нет, а усталость... Кто ж сейчас не устает? Тем более в конце года».

— Пardon, мадам! Разрешите пройти!

Я посторонилась. Рядом стоял высокий старик. На большом носу — старинное пенсне, в руках — трость с набалдашником из слоновой кости, на ботинках — черные блестящие калоши.

«Трость... Я уже видела эту трость! Коричневое полированное дерево, массивный набалдашник из слоновой кости. Но где это могло быть?»

— У мадам проблемы? — спросил старик.

— Проблемы есть у всех!

— Мадам любит точность в выражении мыслей. Наверное, она писательница?

— Не угадали. Я всего лишь учитель литературы.

— О! — воскликнул старик и с интересом посмотрел на меня сквозь пенсне. — Значит, мадам много читает?

— Это мое любимое занятие!

— Какое счастье, что я вас встретил!

— Вы хотите поговорить о литературе?

— Нет, нет! В преддверии Нового года и говорить о литературе? Просто хотел бы прогуляться с женщиной, в голове которой не только тряпки. Поверьте, особы, в чьих мозгах шевелятся хоть какие-нибудь мыслишки, — это редкость.

— По-моему, вы слишком строги к женщинам, — засмеялась я. — Про себя могу сказать, что мыслишек у меня — сколько хотите, и все они постоянно шевелятся!

— Ах, как славно! Как славно! Такой подарок!

Старик в волнении переложил трость из одной руки в другую и тепло посмотрел на меня. Чем-то давно забытым повеяло от его взгляда, мне даже показалось, что я говорю с собственным дедом или прадедом.

«Или с их тенью», — пронеслась мысль.

Мне стало хорошо, и я почувствовала себя маленькой девочкой. Эта девочка стояла в Лялином переулке, рядом с ней — ее бабушка, и крупные редкие снежинки падали на их шубы.

Шуба почтенного старика была старинного покроя. Мягкая цигейка выглядывала из-под бортов и, по всей вероятности, хорошо согревала старое тело. Плотная непромокаемая ткань закрывала мех и служила надежной защитой от ветра; длинные полы спускались почти до земли.

«Может быть, он старый князь из настоящей дореволюционной Москвы? Нет, это нереально. Даже если допустить, что во время революции он был ребенком, ему бы было больше ста лет».

— Мадам не торопится? — спросил старик.

В его глазах мелькнуло такое беспокойство, что я быстро ответила:

— Нет, нет! У меня в запасе есть пара-тройка часов.

— Очень хорошо! — обрадовался старик. — Пара-тройка часов! Как звучит! Просто замечательно!

Мне было приятно, что я доставила радость этому почтенному человеку.

— И где мы с вами погуляем? — улыбнувшись, спросила я.

— О! Здесь много чудных мест! Если не возражаете, мы пройдемся по бульвару.

— С удовольствием!

— Благодарю, — сказал старик и предложил опереться на его руку.

Я чинно взяла его под руку, и мы медленно пошли к Покровскому бульвару.

«Небольшое приключение перед Новым годом. Ну, разве не странно? Прогулка по бульвару с незнакомым стариком!»

— Для вас, голубушка, я старый кавалер, — нарушил молчание старик. — Мне восемьдесят четыре года.

— Не может быть!

— И тем не менее, это так.

Старик помолчал. Думаю, ему было приятно, что выглядит он моложе своих лет.

— Поверьте, не так сладко жить, когда твои сверстники уходят в иной мир. Чувствуешь себя осколком, оставленным среди пустой гостиной. Конечно, с течением времени гостиную заставят мебелью, постелят новые ковры, на полки положат безделушки. Начнется иная жизнь. Однако осколку в этой жизни нет места, он не выполняет никаких функций. Его место — между половицами.

Старик грустно посмотрел себе под ноги и продолжил:

— Вы не представляете, моя милая, как тяжело жить, когда чувствуешь свою ненужность!

Я слегка сжала его локоть, и, благодарно кивнув, он заговорил вновь:

— Последние двенадцать лет я живу совершенно один. За мной ухаживает славная женщина. Она добра и необычайно порядочна, но... Эта женщина — не моего круга! Она мало читает, музыкально неразвита. Нет, нет! Упаси Господь, я ее не сужу!

Старик испуганно посмотрел на меня, как будто вопрошая, правильно ли я его поняла.

— Я благодарен судьбе, что Анна Макаровна ведет мое хозяйство! Это так. Однако она не в состоянии разрушить мое одиночество.

— Если позволите высказать свое мнение, замечу: одиночество — удел не только пожилых людей.

— Вы удивительно тактичны! — бледными губами улыбнулся старик. — Вы не сказали «старых людей».

Я опустила глаза и стала молча развивать мысль, сидевшую в голове много лет. Эта мысль временами «грызла» мои мозги и шептала в самое ухо:

«Люди изначально одиноки. Они только думают, что кому-то до них есть дело. Человек рождается один, живет один и умирает один».

«Первое и третье утверждение — верно, а со вторым можно поспорить».

«Второе — также верно! — возражала упрямая мысль. — Ты думаешь, окружив себя друзьями, человек избавляется от одиночества? Как бы не так! Это только видимость».

— Какое непростительное упущение! — услышала я голос старика и очнулась. — Я даже не представился!

Он церемонно повернулся и слегка поклонился.

— Дмитрий Павлович Гагарин.

— Маргарита Владимировна Белых.

— Очень приятно познакомиться! — промолвил старик и задумчиво пробормотал:

— Белых, Белых... Согласитесь, ваша фамилия необычна.

— Вот уж не соглашусь! Обычная фамилия с суффиксом «-ых».

— Понял, понял! «Вы чьих будете?» — как-то спросили вашего прадеда. — «Белых, однако».

— Думаю, происходил этот разговор в Нижегородской губернии, — улыбнулась я.

— Оттуда родом ваш батюшка?

— Да, он — волжанин, там и окончил летное училище.

— А вы родились в Москве!

Я кивнула головой.

— По всей вероятности, закончили филологическое отделение университета.

— Трудно поверить, что вам больше восьмидесяти. Думаю, вы меня разыгрываете!

— С чего это вам пришло в голову?

— Вы удивительно ясно мыслите!

Старик блеснул глазами и выпрямил спину.

— Благодарствую за теплые слова, милая барышня! А по поводу мышления...

Он остановился и оперся на трость.

— Мышление тут ни при чем. У меня с детства абсолютный слух. А вы, как и все москвичи, «акаете» и тянете слова. Что же касается образования, то тут я вам скажу так: хорошее образование чувствуется с первых двух-трех фраз.

— Как и порода? — засмеялась я.

— Совершенно верно. Нюансы, голубушка моя, нюансы!

Мы замолчали и пошли дальше. Однако я чувствовала, что новый знакомый продолжает обо мне думать.

— Простите мне старческое любопытство, уважаемая Маргарита Владимировна, а как девичья фамилия вашей матушки?

— Лопухина, — ответила я.

Дмитрий Павлович вздрогнул и в волнении снял пенсне.

— Лопухина, говорите...

Он вынул из кармана маленькую бархотку и стал тщательно вытирать пенсне.

— Дмитрий Павлович? — я вопросительно посмотрела на величественного старика. — Не хотите ли со мной пообедать?

— Вы приглашаете на обед?

Дмитрий Павлович водрузил на нос пенсне и посмотрел мне прямо в глаза.

— Почему бы и нет! Мы могли бы продолжить знакомство за бокалом вина.

— Восхитительное предложение! Мне кажется, аналогичное приглашение я получал лет пять назад.

Старик оживился, выпрямил свой могучий стан и важно выбросил вперед трость.

— Чудесно, чудесно! Как в сказке! Накануне Нового года... я и молодая дама!

Он так обрадовался, что мне стало не по себе. Можно ли так волноваться в его возрасте?

— Голубушка, Маргарита Владимировна! Вы не представляете, какое удовольствие доставит мне бокал вина в вашем присутствии! Не представляете!

Мысль, что накануне Нового года я могу кому-то доставить радость, тут же подняла мое настроение.

— Куда мы пойдем? — спросил он.

— Как вы относитесь к ресторану «Дрова»?

— «Дрова?» — несколько опешил Дмитрий Павлович. — Вы шутите?

— Вовсе нет! Этот демократичный ресторанчик вполне респектабелен. К тому же находится рядом с Покровскими воротами.

— Несколько неожиданное название: «Дрова»... И кому это в голову пришла такая глупая идея?

— Не скажите, идея совсем не глупая! Я бы сказала, это название — идеальная приманка для молодежи.

— Хотя меня нельзя отнести к этой прослойке общества, но я готов клюнуть на эту приманку и пойти даже в «Дрова»! — воскликнул Дмитрий Павлович.

— Вот и славненько! Какое нам дело до названия?

— Не хочу спорить с такой очаровательной женщиной, но для меня название имеет значение, поэтому, если вы не возражаете...

Дмитрий Павлович с тревогой посмотрел на меня и продолжил:

— Если вы не возражаете, я бы хотел вас пригласить в другой ресторан. По названию он менее экзотичен, но там можно выпить хорошего французского вина и спокойно поговорить.

— С удовольствием! — согласилась я.

Мы вышли на Покровку и двинулись по направлению к бульвару.

«Похоже, я его озадачила. И как это меня занесло? Такого старика — и в «Дрова»! Одно дело мы с Нютой, другое — почтенный Дмитрий Павлович».

Размышляя на эту тему, я украдкой поглядывала на моего кавалера.

«Знал бы он, что другого ресторана я предложить не могу. И дело тут не в деньгах! Олег Александрович по ресторанам меня не водил, другие — тем более. «Дрова» — единственный ресторан, который я знаю. Мы с Нютой открыли его для себя год назад, и то случайно. Оказалось, здесь — «шведский стол», поэтому за триста пятьдесят рублей можно плотно и сытно пообедать. После зарплаты мы приходим сюда и пируем. Этими обедами дорожу и я, и Нюта. Мы никого с собой не берем, и за обедом, не спеша, обсуждаем наши проблемы. А обсудить есть что: во-первых, литературу; во-вторых, новый сценарий «капустника»; в-третьих, Нютино мужа: он — жуткая сволочь и не только бросил ее с маленькими Тимошкой и Антошкой, но еще и бегаёт от уплаты алиментов.

— Как вам нравится дворец Апраксиных? — неожиданно спросил Дмитрий Павлович.

— Дворец Апраксиных? — переспросила я. — Глядя на него, мне становится грустно.

— Что так?

— Кажется, я знаю его двести лет. Помню детство, молодость, зрелость. Знаю, как был он красив, благороден. А теперь... теперь он — стар и беспомощен. Его стены полиняли и обветшали, великолепные колонны стали как будто ниже, пышная лепнина облупилась, крупные наличники покрылись выбоинами. Он как будто и есть, а как будто и нет.

— Так я и думал, вы — хороший литератор! Вы, голубушка, видите то, что скрывается за текстом, — задумчиво проговорил Дмитрий Павлович.

— Как будто он есть, и как будто его нет, — повторил он мою последнюю фразу.

Мы стояли около дворца и с грустью смотрели на мокрые от снега стены. Машины, проезжавшие по Покровке, обдавали нас волнами выхлопных газов; под ноги летела грязь;

нас толкали прохожие, спешащие к новогодним столам, а мы, два одиноких и затерявшихся человека, смотрели на старую городскую усадьбу восемнадцатого века.

— Просто удивительно, что я вас встретил! — Дмитрий Павлович оторвался от размышлений и сжал мой локоть. — День начался как всегда. Хмурое зимнее утро, кофе, газеты, прогулка... И вот тебе сюрприз! На заснеженном тротуаре стоит очаровательная молодая женщина, снежинки медленно садятся ей на лицо, а она, не замечая их, думает о чем-то своем. Она не бежит по магазинам, не сидит в парикмахерской, не стоит около плиты, она, видите ли, размышляет!

Дмитрий Павлович ласково посмотрел в мою сторону и торопливо добавил:

— Только не сочтите меня ретроградом, милейшая Маргарита Владимировна! Я не хочу сказать ничего плохого в адрес других женщин. Их действия в преддверии праздника вполне понятны. Но... как бы это объяснить?

Он потер переносицу и задумался.

— Нашел! — обрадовался он. — Нашел правильное выражение! Потеряна некоторая романтичность, некоторая тайна, если хотите. Все — напоказ, все — наружу; всегда бегом, все — наскоро! Даже на прощание говорят не «до свидания», а короткое — «пока»! Что за жизнь! Такое впечатление, что люди боятся чего-то не успеть!

— Или пропустить, — добавила я.

— Совершенно верно, всюду успеть! Но так не бывает! Может быть, я брюзжу по-стариковски, но добиться успеха, суеяться, невозможно!

Он посторонился, пропуская спешащую женщину. Затем посмотрел на верхние окна дворца и продолжил:

— Взять, например, этот дворец. В свое время его называли — дом-комод. Кто-то думает — язвительное прозвище, а я считаю — почетное. И граф Апраксин, и князь Трубецкой были людьми основательными, поэтому и дворец строили фундаментально, не торопясь. А впрочем...

— А впрочем, спешка была всегда: и сто лет назад, и двести.

Мое замечание, по-видимому, озадачило Дмитрия Павловича, и он, предложив руку, в задумчивости двинулся по направлению к бульвару. Я шла рядом и продолжала размышлять:

«Почему с этим стариком мне так покойно? Шла бы с ним и шла: по улицам, бульварам, паркам. Временами останавливалась бы, слушала его старомодные рассуждения, вставляла бы свое замечание. А можно и не говорить, просто идти и молчать. Может быть, мы подходим другу?»

Я искоса посмотрела на Дмитрия Павловича. Он шел с таким достоинством, что прохожие почтительно уступали ему путь и оглядывались вслед.

«Как удивительно к нему подходит слово — «порода»! И дело даже не в том, что он высок, статен. В нем есть самоуважение! Он не может быть смешным. Почему? Наверное, потому, что уважает себя. Редкое в наше время качество! А я? Уважаю ли себя я?»

Мы дошли до Покровских ворот и повернули на Чистопрудный бульвар. И продолжала копаться в себе и практически ничего не замечала. У меня был спутник: большой, надежный и неторопливый.

«Уважаю ли себя я? Нелепый вопрос! А почему, собственно говоря, нелепый? Каждый из нас, так или иначе, пытается себя оценить».

— Вот мы и пришли!

Дмитрий Павлович остановился, и я, поскользнувшись, уткнулась в его шубу.

— Осторожно, голубушка! Только нам и не хватало, как упасть перед дверьми ресторана.

Мои мысли вздрогнули и спрятались по своим уголкам.

— Здесь мы и пообедаем. Думаю, этот маленький ресторанчик вам понравится.

Еще пребывая в состоянии некоторой задумчивости, я вступила в вестибюль. Первое, что бросилось мне в глаза, — это пол. На одинаковом расстоянии друг от друга располагались прозрачные резервуары, набитые винными пробками. Резервуары были вделаны в пол и подсвечивались.

Дмитрий Павлович повернулся к швейцару и любезно ему кивнул. Маленький гардеробщик вынырнул из-за своей стойки и проворно принял наши шубы.

— Видимо, в ресторане — временное затишье, — окинув взглядом полупустой зал, заметил Дмитрий Павлович. — Все готовятся к празднованию.

Мы сели за стол около большого окна, и я с интересом осмотрелась. Высокие потолки, бар, большой аквариум, по стенам — тяжелые портьеры, арки из красного дерева. Перед баром — оркестровая площадка, рояль, старенький контрабас...

— Я здесь часто обедаю, — сказал Дмитрий Павлович. — Сажу за этим столом, смотрю на бульвар, и мне кажется, я — в Париже. Это ощущение особенно ярко летом. Пыльная зелень бульвара, влюбленные парочки, легкий смог над городом.

Он перевел на меня взгляд и спросил:

— Вы были в Париже?

— Нет.

— Вам бы понравился этот город площадей, парков, узеньких улочек, старинных домов и дворцов. И в каждом уголке живет тайна. Наверное, поэтому Париж — так загадочен.

— А в Москве живут тайны?

— Конечно! — улыбнулся Дмитрий Павлович. — Здесь много тайн, и одна из них — это вы!

Официант принес меню и винную карту. Дмитрий Павлович поправил пенсне и стал задумчиво листать страницы меню.

«Какой же он молодец: такой ухоженный, чистенький! Даже ногти аккуратно подпилены. А костюм! Он же не собирался в ресторан. Насколько я поняла, он всего лишь вышел на очередную прогулку. И тем не менее — в костюме!».

— Пожалуй, мы возьмем бутылочку Chablis Premier Cru Montmain, далее мильфой из телячьего языка и салат шавиньоль. Думаю, достаточно.

Дмитрий Павлович повернулся ко мне и спросил:

— Что-нибудь добавить?

— Нет, нет! Я...

Звонок мобильного позволил мне не продолжать фразу, и, достав из сумки телефон, я поняла, что звонит Олег.

— Да, слушаю.

— Ты где? — спросил он хриплым голосом.

— А ты?

— В «Булошной».

— А я в ресторане.

Повисла пауза, затем раздались короткие гудки.

— Вас ищут? — встревожился Дмитрий Павлович.

Похоже, он не хотел, чтобы наше общение прервалось.

— Ничего страшного! Время терпит!

— Вы, оказывается, не только литератор, но и философ!

— Очевидно сегодня я получу комплиментов больше, чем за весь уходящий год! — сказала я и отключила телефон.

Мое действие не осталось незамеченным, и Дмитрий Павлович оживился.

— Наш обед, милейшая Маргарита Владимировна, я считаю подарком судьбы. Мне бы только не хотелось, чтобы из-за меня вы изменили свои планы.

— Я тоже считаю нашу встречу подарком.

— Вы очень любезны и, по-моему, слишком добры!

— Когда мы встретились, я размышляла на тему: «Есть у меня депрессия или нет?»

— Вот уж не ожидал! Молодая женщина и депрессия! По-моему, это абсолютно несовместимые понятия.

— И я так решила! У меня всего лишь — зимняя спячка!

— Вот мы и разгоним ее! Бокал чудесного вина — и хорошее настроение вам обеспечено!

Официант протянул пробку от принесенной бутылки и, дождавшись удовлетворенного кивка, наполнил наши бокалы.

— Позвольте, тост, — торжественно сказал Дмитрий Павлович. — Мне запомнилась фраза, подаренная миру Терье: «Счастливой жизни нет, есть только счастливые дни». Это правда! Поэтому предлагаю выпить за то, чтобы в вашей длинной жизни было бы много счастливых дней!

— Спасибо!

Великолепное вино, мудрый человек, приближающийся Новый год — все это сняло напряжение, накопившееся за последний день, и на душе стало хорошо. Так хорошо, как не было очень-очень давно! Дмитрий Павлович рассказывал мне о французской кухне, парижских каштанах, Латинском квартале, мессах в Парижских соборах. Он вел беседу так легко и умело, что я не чувствовала пауз. Несколько коротких вопросов, удивленный взгляд, улыбка — вот и все мое участие в разговоре. Я наслаждалась общением и вдыхала аромат вина. Мне казалось, что я ощущаю запах спелого винограда, тепло солнечных лучей, слышу жаворонка.

«Как хорошо! — слушая Дмитрия Павловича, думала я. — Как внимателен этот старик! Он создает настроение без всяких усилий. Может быть, это талант? Вкусная еда, вино, приятный разговор. Почему Олег не умеет так легко разговаривать, почему не может без менторского тона?»

Когда нам принесли кофе, Дмитрий Павлович спросил:

— Маргарита Владимировна, голубушка, а не могли бы вы мне рассказать о своей матушке.

Это было так неожиданно, что я поперхнулась и закашлялась.

— Господи, прости меня! Экая незадача! — растерянно воскликнул Дмитрий Павлович и вскочил из-за стола.

— Ничего, ничего! У меня бывает.

Я уже отдышалась и вытирала салфеткой выступившие слезы.

— Если хотите, можем уйти, — предложил он.

— Нет, нет, не хочу! Давайте поговорим!

— С радостью!

Дмитрий Павлович успокоился и удобнее устроился на стуле.

— Маму звали Елена Павловна, — начала я. — Она работала искусствоведом в музее Пушкина. Это ее заслуга, что я люблю читать и мечтать. Можно сказать, и она, и я жили в придуманном мире. В нем царили музыка, свечи, добрые герои, отважные рыцари... Я не рассказывала о нем подругам, не обсуждала со знакомыми. Не потому, что так советовала мама. Просто это был мой мир, и я его берегла. Не знаю, правильно ли так воспитывать детей, но я была счастлива. Нам не хватало только папы. Сначала потому, что он был в частых командировках, затем... Затем папа погиб. Мне было тогда семнадцать, маме — сорок пять. До его смерти не было больших забот: папа оберегал нас, как мог. Когда же его не стало, мы оказались лицом к лицу с жизнью. Я поступила в университет, мама работала и занималась переводами. А потом умерла мама, и я осталась одна.

Салфетка в моих руках запрыгала, и Дмитрий Павлович спешно перевел разговор.

— У вас изумительный перстенок! Я не большой ценитель драгоценностей, но, мне кажется, ваш — очень необычный.

— Этот перстень мне подарила мама, а ей — бабушка.

— Я видел похожий... — задумчиво сказал Дмитрий Павлович и, сняв пенсне, тщательно его протер.

— Вы не могли видеть! Этот перстень — фамильная драгоценность.

— Позвольте, позвольте!

Дмитрий Павлович перегнулся через стол и взял в руку мой палец. Неожиданно на его лбу появилась крупная испарина.

— Не может быть! — прошептал он.

Казалось, его пронзила острая боль.

— Вам плохо?

— Не может быть!

Я стала лихорадочно копаться в сумке.

«Что делать? Наверное, сердце! Где же валидол?»

Наконец я наткнулась на стеклянную баночку и дрожащими руками вцепилась в крышку.

— Маргарита Владимировна, как звали вашу бабушку?

Я вздрогнула, крышка отлетела в сторону и таблетки покатались по белоснежной скатерти.

— Софья Дмитриевна.

То, что я увидела, повергло меня в шок. Щеки почтенного старца вспыхнули, глаза засверкали, а бледные губы беспомощно ловили воздух.

— Что случилось? — осипнув от непонятого волнения, прошептала я.

— Пойдемте! Здесь душно!

Дмитрий Павлович вытащил из пиджака портмоне, достал деньги и положил их на стол. Затем, тяжело опираясь на трость, зашагал к выходу. Мы оделись и вышли. На пороге я обернулась и посмотрела на вывеску.

— «Ностальжи», — прочла я вслух.

— Название имеет смысл, — пробормотал Дмитрий Павлович и повернул на бульвар.

«Что произошло? Почему так неожиданно закончился наш обед? При чем тут моя бабушка?»

Вопросы прыгали в голове, а ноги тем временем старались поспеть за широким шагом моего нового знакомого.

— Немного передохнем.

Дмитрий Павлович остановился и сел на заснеженную лавочку. Я уселась рядом.

— Не может быть! — повторил он и повернулся ко мне.

Я никогда не видела таких глаз! Из сеточки морщин на меня смотрели две неяркие звезды. Они состояли из множества зеленых искр, и сквозь них прорывалась радость. Удивительно! Я посмотрела на часы.

«Уже пять вечера, а я даже не созвонилась с Ньютой!»

— Вы торопитесь? — спросил Дмитрий Павлович, и радость в его глазах сменилась тревогой.

— Нет, нет, до пятницы я абсолютно свободна!

— Почему до пятницы?

— Извините, у меня множество дурацких привычек! Одну из них я продемонстрировала только что. Когда я чувствую себя комфортно, на ум мне лезут высказывания литературных героев.

— Я бы не сказал, что это дурацкая привычка. Однако я что-то не припомню такого высказывания.

Моя фраза переключила его мышление, и Дмитрий Павлович напряг память.

— Не утруждайте себя, не вспомните! Так высказался не герой солидного произведения, а маленький Пятачок.

— Здесь я действительно пас! — улыбнулся он. — К глубокому сожалению, я давно не читал сказки.

— А я имею такую страстишку.

— У вас есть дети?

— К сожалению, нет! Сказки я читаю сама себе.

— Можно мне попросить вас об одном одолжении?

— Конечно!

— Вы не могли бы меня проводить домой?

— О чем разговор? Провожу, и с большим удовольствием!

Дмитрий Павлович встал со скамейки и взялся за трость. Не дожидаясь приглашения, я взяла его под руку, и мы тихо пошли по направлению к Лялиному переулку. Праздничная иллюминация освещала улицы, и казалось, мы движемся к новогоднему чуду.

«Наверное, все сейчас чего-то ждут. Чуда, подарка, друзей, неожиданных событий. Ничего удивительного! Наступает особая ночь — ночь, когда взрослые возвращаются в детство».

Передо мной пронеслись отрывки последних телевизионных передач. В них, как из новогоднего мешка, сыпались советы: во что одеться, что поставить на стол, что подарить. Я вспомнила, как внимательно их смотрел Олег.

«Он тоже ждал Нового года, а сейчас... Сейчас сидит, надувшись как сыч, и злится. Злится на меня, на мать, на наступающий праздник. Никто его не поздравил, никто не позвал к праздничному столу».

На мгновение мое сердце всполохнулось.

«Сам виноват!»

— Я живу в Яковоапостольском переулке, — сказал Дмитрий Павлович.

— Значит, вы — мой сосед.

Мы повернули в Яковоапостольский переулок и подошли к храму. Дмитрий Павлович широко перекрестился.

— Будем надеяться, Россия не пропадет! — тихо сказал он. — Бог даст, и в Казенной слободе зазвонят колокола.

Мы вошли в подъезд и поднялись на второй этаж.

— Вот я и дома!

Дмитрий Павлович открыл дверь и пропустил меня вперед.

— Проходите!

Он включил свет, и квартира озарилась множеством маленьких лампочек в потолке, на стенах, шкафах. Было впечатление, что я попала в уютную шкатулку, где живет много-много светлячков.

— Прошу вас!

Дмитрий Павлович взял меня за руку и провел в большую комнату.

— Мой кабинет, — сказал он и подошел к письменному столу, расположенному посреди комнаты.

Я села в кресло коричневой кожи и посмотрела на книжные шкафы. Книги, книги, книги! Стены и потолок кабинета были обшиты деревянными панелями и так же, как и холл, создавали иллюзию уютной шкатулки.

— Я — сторонник классического стиля, — заметил Дмитрий Павлович.

Из письменного стола он достал небольшой сейф, набрал код и вынул небольшую коробочку.

— Посмотрите! — сказал он.

Я подошла к столу и увидела перстень. Его камень блеснул в свете настольной лампы, и я вздрогнула. Это был точно такой же перстень, как и мой!

— Не может быть! — на сей раз воскликнула я.

— Я тоже так думал, — улыбнулся Дмитрий Павлович и взял лупу. Приблизив ее к перстню, он прочитал: «Наталье в день Нового 1916 года».

Я сняла свой перстенок и поднесла к лупе. То, что было написано на нем, я знала наизусть: «Софии в день Нового 1916 года».

— Вот так, девочка моя! — сказал Дмитрий Павлович. — Оказывается, чудеса бывают! Через восемьдесят восемь лет встретились если не сестры, то их ближайшие родственники.

Некоторое время мы молча рассматривали друг друга. В моих висках, не останавливаясь, стучали мамины слова:

«Есть только два таких перстня: один принадлежал моей матери, другой — ее сестре Наталье».

— Откуда он у вас? — придя в себя, спросила я.

— Это перстень моей сестры — Натальи Дмитриевны Лопухиной.

— Значит, я — ваша внучатая племянница?

Дмитрий Павлович одернул пиджак и, вытянувшись во весь рост, посмотрел на меня. Его губы слегка дрожали, а по гладковыбритой щеке ползла маленькая слеза. Увидев эту слезу, я почувствовала такую радость, такое облегчение, что бросилась к нему и уткнулась в его грудь.

— Дмитрий Павлович, миленький, неужели я теперь не одна?

Он крепко прижал меня, и я услышала, как стучит его сердце.

— Ничего, ничего! — шептал он. — От радости не умирают.

До Нового года оставалось несколько часов. После пережитого волнения некоторое время мы приходили в себя, затем решили выпить по чашке кофе. Дмитрий Павлович отправился на кухню, а я, как тень, поплелась за ним. До меня еще не доходило, что этот величественный старик — мой родственник.

«Единственный родственник! Дедушка! — думала я, сидя на небольшом кухонном диванчике. — Скажи кому, не поверят!»

Я поглядывала то на перстенок, то на неторопливые движения Дмитрия Павловича и пребывала в состоянии блаженства.

«Как хорошо, когда у тебя есть близкий человек! Пришел к нему в гости и сиди себе. Не хочешь говорить — не говори, он тебя и без слов поймет».

— Сейчас я приготовлю вам, то есть тебе, Риточка, кофе с вином, — сказал он. — Ты пила такой кофе?

— Нет.

— А как ты относишься к кофе?

— С него я начинаю свой день.

— Вот что выясняется! — улыбнулся Дмитрий Павлович. — Мы, оказывается, кофеманы!

Он насыпал в турку кофе, залил горячей водой, всыпал щепотку корицы и апельсиновой цедры и посмотрел на меня.

— Какие планы на Новый год?

— Если не возражаете, я буду у вас.

— Милая моя, я об этом только и мечтаю!

Я улыбнулась и опять нырнула в свои мысли.

«Приятно, когда мечтают встречать Новый год именно с тобой! Несколько часов назад об этом никто не мечтал, а сейчас... Сейчас все чудесным образом изменилось!»

— Половину работы я уже сделал!

Дмитрий Павлович налил горячий кофе в высокую кружку, добавил туда рюмку желтоватого вина и включил миксер.

— В приготовлении такого кофе есть три маленькие хитрости, — заметил он. — Первая — строгое соблюдения технологии, вторая и третья хитрости связаны с качеством кофе и портвейна.

Дмитрий Павлович продолжал священнодействовать, а я продолжала пребывать в расслабленно-восторженном состоянии. Можно было сказать так: я наслаждалась. Наслаждалась всем — необычным запахом кофе, неторопливыми движениями Дмитрия Павловича, удобным мягким диванчиком, приглушенным светом двух бра.

— А теперь кофе медленно нальем в бокалы...

Дмитрий Павлович поставил передо мной бокал и аккуратно поместил на его край апельсиновую дольку.

— Вы случайно не работали в ресторане? — спросила я.

— К сожалению, нет!

— Почему к сожалению?

— Иначе я угостил бы тебя чем-нибудь вкусненьким.

Дмитрий Павлович поднял салфетку с сервировочного стола, и я увидела тарелочки, закрытые пищевой пленкой.

— Мы с тобой не пропадем! Анна Макаровна кое-что приготовила.

— Я тоже умею готовить, например, мясо...

— Очень хорошо! В следующий раз ты пригостишь мясное рагу. Надеюсь, мы будем часто встречаться?

— Мы будем встречаться каждый день! — воскликнула я. — Прогуливаться по ближайшим переулкам, ходить друг к другу в гости...

Дмитрий Павлович, по всей вероятности, хотел спросить о моем семейном положении, однако природная деликатность оказалась сильнее. Мне же было так хорошо, что желания рассказывать об Олеге не было.

— Можно вас кое о чем попросить?

— Пожалуйста! Теперь я полностью принадлежу только тебе.

«Совсем, как в детстве. По-моему, эту фразу любил повторять папа».

— Зовите меня Мариной.

— Чудесно! — с готовностью отозвался он. — Как понимаю, это домашнее имя?

— Совершенно верно, имя для особо близких людей!

— Благодарю за доверие, — церемонно поклонился Дмитрий Павлович.

— В детстве мама называла меня Маришей, все остальные — Мариной. Теперь же меня зовут Маргаритой Владимировной или Ритой, а Мариной называет только Варька.

— Варька? Это твоя подруга?

— Самая детская!

— Оригинально звучит: «Самая детская!» Согласись, необычно?

— Варька — тоже необычная! Со встречи с ней начались предновогодние чудеса. Наверное, я попала в волшебную полосу! Она началась тридцатого декабря или...

Я вспомнила последний день четверти.

«А может быть, она началась с подарка 11 «Б»?»

— Впрочем, неважно когда! Главное, эти дни перевернули мою пресную жизнь!

— Уже хорошо! — отозвался Дмитрий Павлович. — Готов предположить, что и я попал в твою полосу. Видимо, где-то на небесах было принято решение: подарить мне на старости лет самый большой подарок.

— Неужели я — ваш самый большой подарок?

— Да, моя девочка! — очень серьезно ответил Дмитрий Павлович. — До сих пор я о таком подарке даже и не мечтал.

— У вас не было детей?

— Ни у меня, ни у Натали!

Дмитрий Павлович снял пенсне и, достав из кармана бархотку, стал его долго и тщательно протирать. Видимо, к этой процедуре он прибегал, когда начинал волноваться.

— Знаешь, что в тебе самое привлекательное? — неожиданно спросил он.

— Нет.

— Твоя непосредственность! Ты очень похожа на молоденькую, неопытную девушку! У меня постоянно возникает желание тебя защищать. Не знаю от кого или от чего.

— А у меня возникает желание спрятаться под чье-то крыло.

— Просто замечательно! Мое крыло — хоть и старое, но, поверь, большое и надежное.

— Как только я вас увидела, у меня промелькнула мысль: наверное, таким был мой

дедушка. Вы мне даже показались похожим на старого князя. Не в смысле возраста, а так! — быстро добавила я.

— А я и есть старый князь! — засмеялся Дмитрий Павлович.

— С вами мне удивительно легко! Хочется рассказывать то, что я бы никому не сказала.

— Например?

Я округлила глаза и таинственно посмотрела на Дмитрия Павловича.

— Например, я слышала, что мне сказал Дед Мороз.

Дмитрий Павлович молча взял мою руку и поцеловал пальцы.

— Удивительно! — сказал он. — Когда ты так таинственно смотришь на меня, я вспоминаю свою маму. Она тоже верила в чудеса и в душе была бесконечным романтиком.

Дмитрий Павлович посмотрел на часы и воскликнул:

— Так мы с тобой и Новый год пропустим! Ты знаешь, который сейчас час?

— Наверное, около девяти.

— Десять тридцать! А это значит, мы должны решить, где встречать Новый год?

— Как где?

— В кабинете или на кухне?..

— Наверное, в кабинете. Он такой загадочный!

— Если бы мы были во Франции, я бы не спрашивал. В обычных парижских квартирах кухни — четыре-пять квадратных метров. Правда, и комнаты небольшие.

— Почему?

— Там очень дорогое жилье.

— Моих сбережений не хватило бы даже на один метр. Как у кума Тыквы.

— Я уже не спрашиваю: «Кто такой кум Тыква?» — улыбнулся Дмитрий Павлович. —

Опыт общения с загадочной незнакомкой показал, что я безнадежно отстал от детской литературы...

Он подхватил сервировочный столик и покатил его в кабинет.

— Может быть, мне помочь?

— Зажги свечи, а я принесу шампанское.

Дмитрий Павлович махнул в сторону окна и вышел. Я подошла к окну и замерла. На высокой круглой тумбе стоял величественный бронзовый канделябр. Он походил на старое дерево, ствол которого был покрыт таинственными письменами. Корявые корни дерева напоминали вздувшиеся на руках вены, ветви причудливо изгибались и заканчивались большими чашечками-подсвечниками, листьями были тонкие хрустальные подвески, державшиеся на крохотных бронзовых колечках.

Я дотронулась до одного из них, и, отбрасывая свет бра в разные стороны, лист задрожал.

— Нравится? — входя в кабинет, спросил Дмитрий Павлович.

— Необыкновенно! — воскликнула я. — Кажется, что этот канделябр перенесся сюда из опочивальни короля.

— Я привез его из Индии. Не знаю, сколько ему лет, но то, что канделябр старинный, не сомневаюсь.

— Такое впечатление, что он изображает дерево жизни.

Я провела пальцем по бронзовому стволу.

— Именно так и сказал продавец: «Дерево жизни, сэр, загадочное и непостижимое!»

Дмитрий Павлович расстелил зеленые салфетки и на одну из них поставил небольшое

серебряное ведерко, из которого выглядывала бутылка с шампанским. Я не без трепета чиркнула спичкой и поднесла ее к витиеватым свечам. Одна свеча, вторая... седьмая. Свечи замерцали, затем язычки пламени потянулись вверх, наконец бронзовое дерево осветилось и хрустальные листочки зазвенели. Загадочные письма задвигались и поползли по стволу вниз.

«Как будто проносится человеческая жизнь. Жизнь замерцала, вспыхнула и погасла».

Дмитрий Павлович молча хлопотал около журнального столика и не мешал наслаждаться старинным канделябром.

— Меня он тоже завораживает. Глядя на старинные письма, трепещущие листочки, освещенный свечами ствол, успокаиваешься и становишься мудрее. Понимаешь, что большую часть жизни мы проводим в суете.

Он вздохнул и сел в кресло.

— Взять, например, мою жизнь. Работал редактором Французского информационного агентства, во время войны стал военным корреспондентом, затем — сотрудником русской секции французского радио и телевидения. Кажется, какая жизнь! Все время среди новостей, в общении. Поезда, самолеты, автомобили! Застолья с друзьями, бесконечные интервью, бессонные ночи. Не жизнь, а романтика! Всем нужен, всегда — желанный гость. Записная книжка лопается от записей. Что еще надо? Ты мне сейчас скажешь: «Нужна семья». Не спорю! Но семья — это сначала двое, затем трое... Значит, надо найти половину. А когда? Я все время спешил! Мне даже некогда было оглянуться, некогда подумать! Вот и хватал то, что рядом. Одно не то, другое... Затем наступило разочарование. Стало казаться, все женщины — пусты, неискренни и меркантильны. А ведь в моем окружении были и настоящие женщины! Только не рядом, а в стороне. Такие женщины не лезли на глаза, они наблюдали и мечтали. Думаю, они наивно думали, что суженый сам их найдет. Однако суженому некогда! Вот он и пронесся мимо, даже не заметив предназначенную ему половину. А дальше то, что и должно было быть: волосы поредели, лицо покрылось морщинами, телефон замолчал, на службе отодвинули и забыли. Наконец наступило время, когда понял, что по большому счету никому не нужен, а благополучие — это воздушный шар.

Дмитрий Павлович достал из ведерка шампанское и стал осторожно откручивать проволоку.

— Стало ясно, что жизненную дистанцию пробежал как спринтер, — продолжил он. — Быстро, решительно, за короткое время. Оглянулся, а за спиной только облако поднятой пыли.

Он открыл бутылку и налил шампанское в бокалы.

— Вот такие мысли в голове! — подытожил он свой рассказ.

— Не знаю, может быть, в более зрелом возрасте такие мысли приходят и чаще, но в мою голову они тоже залетают.

— Наверное, потому, что ты еще не нашла свою половину.

— Не знаю, найду ли я ее? Спасибо судьбе, что встретила вас!

— Вот за это мы провозгласим первый тост!

Дмитрий Павлович встал и поднял бокал.

— В последний час уходящего года, — с чувством начал он, — хочу поблагодарить Судьбу. Поблагодарить за то, что нашел того, кого и не чаял найти!

Мы торжественно чокнулись, и на некоторое время в кабинете воцарилась тишина.

«Вот и встретились! — думала я. — Как там говорила Татьяна Леонидовна: «Поищем родственников Маргариты за границей!» Искали Лопухиных, а оказался Дмитрий Павлович Гагарин».

Я выпила шампанское и зажмурилась.

«Хорошо! Происходящее со мной похоже на мелодраму: два одиноких человека бредут по заснеженной Москве и натываются друг на друга. Они не расходятся в разные стороны, а ищут предлог для общения. Наконец решают вместе пообедать. Далее сюжет развивается стремительно: всплывает фамилия «Лопухина», затем — перстень! Перстень можно бы и не заметить, он маленький, к тому же прячется на мизинце. Но Судьбе было угодно, чтобы Дмитрий Павлович его заметил. Сопоставив увиденный перстень с содержимым шкатулки, он мысленно воскликнул: «Лопухина! Перстень Натали, пропавшая София!» Честное слово, как в кино!»

Я открыла глаза и весело посмотрела на Дмитрия Павловича.

— Мне кажется, я знаю вас всю жизнь! То, что вы сейчас рассказали, близко и понятно. Я слушала и думала: «Если раньше у меня и были сомнения, что по жизни нас ведет Судьба, то теперь их не осталось». Мы с вами встретились, и в уходящем году — это самое главное событие. Теперь у нас — семья! Я предлагаю выпить за день образования нашей семьи!

Дмитрий Павлович встал и подошел ко мне. Было видно, что он растроган.

— Спасибо, моя милая! — сказал он.

Шампанское ударило в голову, и мои глаза заблестели.

— Хотите, я прочитаю вам стихотворение?

— Хочу! — ответил Дмитрий Павлович и откинулся на спинку кресла. Его щеки порозовели, а глаза с одобрением смотрели на меня.

— Не буду читать классику, для нее есть другие дни. В эту ночь я прочитаю вам стихотворение Людмилы Татьяничевой:

— Бывают дни, — как длинные тоннели,
Без просвета, без просверка в окне.
Они впотьмах влекутся еле-еле
И тяжелее кажутся вдвойне.
Что их рождает? Скорбь или усталость?
Былых утрат томительная тень?
В душе своей я собираю радость,
Чтобы хватило и на черный день...

— Чудно, чудно! — зааплодировал Дмитрий Павлович. — Чтобы хватило и на черный день! Хорошо сказано! Что ж, Мариночка, будем собирать радость.

Он еще раз наполнил бокалы и, посмотрев на часы, сказал:

— Когда я вернулся в Россию, стал покупать разные русские книги. Первое время читал их с утра до вечера. Мне хотелось насладиться языком, узнать о русской жизни, понять русских людей. Мне казалось, что книги знакомили меня с тем, что я уже давно чувствовал, но не до конца понимал. Затем наступило иное время. Я стал бродить по московским улицам и переулкам. На меня опускались воспоминания матери, и казалось, что она идет рядом и рассказывает о старой Москве. Я вглядывался в лица прохожих, замечал их

угрюмость и озабоченность. Я спрашивал у них дорогу, и они с готовностью показывали, где находится тот или иной храм, дом, переулок. Чувствовалось, что они любят свой город. Далее наступил третий этап. Я слушал радио, смотрел новостные программы, читал центральные газеты. Мне хотелось понять, что происходит в стране. Сначала я заметил, что говорится одно, а делается другое. Затем стали происходить медленные позитивные изменения. На Западе заговорили о России с тревогой. Это был хороший симптом. Оглядываясь назад, теперь я понимаю, что последние десять лет мне постоянно приходилось учиться. Казалось, я спешил пожить за себя, за Натали, за своих родителей, умерших в чужой стране. Теперь, когда мне наконец-то удалось почувствовать себя русским, я встретил молодую женщину, которая является единственной наследницей и потомком моей матери княгини Екатерины Владимировны Лопухиной.

Дмитрий Павлович встал и поднял бокал.

— С Новым годом, моя хорошая, с новым счастьем!

Мы чокнулись и расцеловались.

Новый год наступил!

Оглядываясь назад, я понимаю: встреча Нового года, как никогда, была удачной. Сначала мы праздновали в кабинете Дмитрия Павловича, затем переместились на кухню. Там, за чашечкой кофе, и зашел разговор о наших предках.

— Что касается моей матери, — начал Дмитрий Павлович, — ее судьба была типичной для аристократки того времени: беззаботное детство, счастливая юность, замужество, рождение детей, эмиграция.

Он тяжело встал и добавил:

— А дальше — воспоминания и неослабевающая тоска. Вот так-то, голубушка. Я покажу тебе ее фотографию.

Дмитрий Павлович вышел и вскоре вернулся с небольшой фотографией.

— Этот снимок был сделан в Париже после моего рождения. Здесь маме около сорока.

Я посмотрела на фотографию и вздрогнула.

«Екатерина Владимировна Гагарина, 1925 год, Париж» — значилось под рамочкой. И тем не менее, на меня смотрела не прабабушка, а моя мама. Сходство было поразительным! Пышные волосы, точеный нос, изящный подбородок. Но главное — это глаза: продолговатые, большие, загадочные! Взгляд этих глаз был родным и до боли знакомым, в нем одновременно присутствовали и грусть, и растерянность, и некоторая надменность.

Судорожно вздохнув, я потянулась к сумке. Там в потайном кармашке хранилась мамина фотография.

— Какое сходство! — воскликнул Дмитрий Павлович, положив два снимка рядом. — Можно подумать, одно лицо!

— Одно лицо в разный период жизни, — добавила я и тут же заметила: — Такое впечатление, что на талии Екатерины Владимировны траурная лента.

— В двадцать четвертом году умер мой отец, — сказал Дмитрий Павлович, — и мы остались втроем: я, Натали и матушка.

— Расскажите мне о ней.

— Хорошо.

Дмитрий Павлович откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

— Моя мать была из рода Шаховских. По всей вероятности, она была барышней современной. Взять хотя бы учебу в Оксфорде. Поверь, в те времена это был смелый шаг. Двадцатилетняя княжна сама записалась в престижнейший европейский университет и в сопровождении английской гувернантки поехала учиться. Там она и познакомилась с княжной Елизаветой Гагариной, моей будущей теткой. Через два года после возвращения в Россию княжна Шаховская вышла замуж, стала княгиней Лопухиной и поселилась в родовом имении мужа. А через год появились девочки-двойняшки: Наталья и Софья. Накануне революции матушка решила свозить девочек к морю и отправилась в Крым к своей близкой родственнице.

— А где же был ее муж?

— Князь Дмитрий Петрович жил в Париже, — ответил Дмитрий Павлович.

— Как это? Жена с детьми — в России, а муж — в Париже?

— Мне кажется, первый брак матери сложился не так, как ей хотелось. Дмитрий Петрович по натуре был свободным художником. Ему нравилась богемная среда, нравилась

жизнь без всяких обязательств. Князь Петр Лопухин, его отец, был состоятельным человеком и не препятствовал увлечениям сына. Он высылал ему хорошее содержание, на которое Дмитрий Петрович жил сам, кормил своих многочисленных друзей и учился живописи. Время от времени он возвращался в Россию, а затем уезжал в Париж. В один из таких приездов он и женился на молодой, образованной княжне Шаховской.

— Почему же он ее бросил?

— Дмитрий Петрович никого не бросал! Он жил с семьей пять лет, занимался девочками, много рисовал. У меня в Париже до сих пор хранятся его картины. На них изображены Волга, стога сена, пойма, закаты в степи. Однако домашняя жизнь ему скоро наскучила, и в начале 1914 года он засобиравшись в Париж. В его планах было пополнить коллекцию картин, а затем, как известно, началась война.

— Он мог бы вернуться.

— Конечно, мог! Но желание остаться в Париже было сильнее.

— И он даже не писал?

— Что ты, писал, и очень часто! Такие нежные и ласковые письма! Матушка мне их показывала. У Дмитрия Петровича был несомненный талант в эпистолярном жанре. Двумя-тремя фразами он описывал общих знакомых, их разговоры — словом, маленькие рассказы о парижской жизни.

— Бедная Екатерина Владимировна!

— Вот уж и нет! Она была совсем не бедной!

— Я не в материальном смысле. Представляете, каково ей было: молодая интересная женщина — и одна, в деревне!

— У нее были девочки, к тому же княгиня Лопухина занималась благотворительностью...

— Благотворительностью? По-моему, ею занимаются от скуки или...

— Или исходя из собственных убеждений, — добавил Дмитрий Павлович. — В любом случае, нам с тобой трудно понять, что было на самом деле.

Дедушка посмотрел в пустые чашки и спросил:

— Хочешь кофе?

— Что вы! Уже три часа утра!

— Тогда, может быть, спать?

— Нет, нет! Разве можно спать в Новогоднюю ночь? Она — неповторима!

— Да, неповторима, — согласился Дмитрий Павлович. — У меня, уж точно, такой ночи не было!

— У меня, смею вас заверить, тоже, — церемонно кивнула я.

— Тогда продолжим разговор?

— С радостью! Мне кажется, с вашей помощью я читаю свою родословную.

— А ведь неплохо иметь родословную!? Как-то себя увереннее чувствуешь!

Дмитрий Павлович приосанился и лукаво посмотрел на меня.

— Не знаю, буду ли я себя чувствовать увереннее, но мне, честное слово, очень интересно!

— Это естественно. Так где я остановился?

— Екатерина Владимировна с девочками уехала в Крым.

— Да... в Крым. В Ялте они задержались до ноября, там и услышали об октябрьском перевороте. В имение возвращаться не было смысла, осталось одно — ждать. Вот и

дождались! Через некоторое время началась гражданская война, затем Крым оккупировали немцы. Письма приходили с оказией, из одного из них матушка узнала, что старый князь — отец Дмитрия Петровича, серьезно болен.

— А где были ее родители?

— К тому времени они уже умерли, и Петр Алексеевич был для нее единственной опорой.

— Он остался в имении?

— Да. Это была фамильная усадьба на берегу Волги. Рассказывая о ней, матушка рисовала в моем воображении большой барский дом, сад, снежные бури в степи, половодья, тюльпаны и, конечно же, баржи, скользившие по реке.

— Вы бывали там?

— Года три назад.

— Как мне хотелось бы туда съездить!

— Это невозможно, голубушка. Дом, кладбище, степь оказались затопленными водохранилищем. Вместо всего этого осталась только память.

Дмитрий Павлович вздохнул.

— Они не виделись больше? — спросила я.

— Кто?

— Екатерина Владимировна и Петр Алексеевич?

— Нет, не довелось. Матушка было собралась к нему и даже оформила у немецкого коменданта бумагу на выезд, но накануне отъезда девочки заболели, и ей пришлось остаться.

— А дальше?

— А дальше началось бегство. Красная армия наступала, белая — откатывалась на юг. Вместе с ней в Крым стекались тысячи беженцев. В апреле 1919 года Дмитрий Петрович передал через общих знакомых письмо, где просил жену срочно покинуть Россию. Матушка с девочками и их нянькой — Прасковьей, уехали из Ялты в Севастополь, где предполагали сесть на корабль, отплывающий в Европу. То, что было в порту, повергло их в шок. Толпы людей атаковали отплывающие корабли. Крики, плач, оглушительные гудки парохода — словом, паника! Прасковья по просьбе матушки зашила в платья девочек метрики, и, оставив вещи в гостинице, они отправились в порт. Крепко держась за руки, они пробивались к сходням, но людской поток разорвал их цепь, и матушка осталась с Натальей, а Прасковья — с Софьей.

— Ужас!

— Да, ужас! Натали мне рассказывала, что в течение нескольких лет она видела один и тот же сон: толпа поднимает ее и матушку на борт корабля, раздается оглушительный гудок, корабль отчаливает, и среди оставшихся на берегу людей она видит две знакомые фигуры.

«Мамочка! — доносится детский голос. — Не бросай меня!»

Гудок перекрывает крик, корабль делает первый галс, и матушка теряет сознание. Она не падает, толпа не дает ей упасть. Натали смотрит на мать, на берег, хочет крикнуть и не может.

Дмитрий Павлович снял пенсне и, протерев стекла, продолжил:

— Некоторое время матушка была в горячке. Хорошо, что на корабле оказались ее знакомые, в том числе давняя подруга — Елизавета Гагарина. Когда, минуя Константинополь и Мальту, они добрались до Европы, горячка отступила. У матушки еще теплилась надежда отыскать Софью, и, думая, что Прасковья обратится к начальнику порта,

она отправила письмо в Севастополь. Однако ответа не получила. Приехав в Париж, она узнала о скоропостижной кончине мужа. Мать и Натали остались одни. Деньги, хранившиеся в Парижском банке, быстро таяли, им пришлось продать картины, составлявшие гордость коллекции Дмитрия Петровича. А потом Елизавета Гагарина познакомилась со своим братом — Павлом Николаевичем, и через полгода князь сделал ей предложение.

Дмитрий Павлович посмотрел на фотографию матери и добавил:

— Они обвенчались в соборе Александра Невского. Через год там же крестили меня, через три отпевали моего отца, а через десять лет — Натали.

— А когда умерла Екатерина Владимировна?

— Перед войной. Ей было всего пятьдесят пять. К тому времени я уже работал, и мы встречались только по вечерам. Матушка садилась к свету спиной, и я не сразу заметил, как осунулось ее лицо, как потемнела кожа. Разговаривая, она старалась улыбаться и, как я теперь понимаю, за улыбкой прятала свой недуг. Однажды, приехав из командировки, я увидел на столе записку Елизаветы Гагариной. «Митя, будь мужественным. Твоя мама умерла». Так я остался один.

— У нее был рак?

— Да.

Я под села к Дмитрию Павловичу и уткнулась в его плечо. Он молча гладил мои волосы и тихо вздыхал.

«Моя мама тоже умерла от рака, — думала я. — Может быть, эта болезнь передается по наследству?»

Я испуганно приподняла голову и посмотрела в окно. Яркие вспышки от фейерверков походили на тревожные всполохи.

«Что угодно, только не рак!» — мелькнула мысль, и зеленая ракета пролетела прямо перед окном.

«Может быть, это знак?»

Мне стало не по себе, и, повернувшись к Дмитрию Павловичу, я предложила:

— Давайте заварю травяной чай!

— А почему бы и нет? — отозвался он. — У меня есть неплохой липовый чай. Посмотри в шкафчике.

«Многолетняя привычка сработала, — подумала я и вспомнила Олега. — Где-то он сейчас?»

— Теперь твоя очередь рассказывать, — сказал Дмитрий Павлович. — Меня интересует, как жила Софи.

— Она не осталась одна, — ответила я, грея руки о чашку. Не знаю почему, но мне стало зябко. — С ней была Прасковья.

— Помню, помню — няня девочек.

— После того, как корабль ушел, Прасковья и Софи отправились в Саратов. Увидев разграбленное имение, они двинулись в Москву, надеясь, что там проще затеряться и найти работу. Чтобы не было проблем, Прасковья уничтожила метрики Софи и в дальнейшем представляла девочку как свою дочь. На окраине Москвы ей удалось снять комнату и устроиться учительницей начальных классов.

— Вот как! Я думал, Прасковья — простая крестьянская девушка.

— Образованная крестьянская девушка, — добавила я. — Ее хозяйка занималась не

только благотворительностью, но и успела выучить няню своих дочерей.

— И что было дальше?

— Дальше? Школа, институт, замужество. В 1940-м родилась мама, а потом началась война. Дедушка ушел на фронт, а бабушка с дочкой и Прасковьей эвакуировались в Горький.

— Да, тяжелые были времена!

— Через некоторое время умерла Прасковья, — продолжила я. — Затем пришла похоронка на деда, и, вернувшись в Москву, бабушка стала работать на двух работах: днем — в проектном институте, а вечером — в музее имени Пушкина.

— Она работала искусствоведом?

— Нет, бабушка мыла полы.

— Боже, Софи и мыла полы! — воскликнул Дмитрий Павлович.

— Что делать, надо было как-то выживать.

— А твоя мама? Какова ее судьба?

— Мама окончила институт и устроилась экскурсоводом в музей, где подрабатывала бабушка. Затем была романтическая любовь...

— Что-то не понял. Чья любовь?

— Мамина, конечно, — улыбнулась я. — Однажды на ее экскурсии была группа курсантов-летчиков. Среди них был мой папа. Он влюбился в маму с первого взгляда, и через некоторое время они стали встречаться. Встречи закончились свадьбой, и папа переехал к нам — в Потаповский переулок. Там мы и жили, пока не получили квартиру здесь, в Лялином переулке.

— А когда умерла Софи?

— Незадолго до папиной гибели.

— Значит, в восемьдесят шестом. Могли и встретиться.

Дмитрий Павлович пожевал губами и неожиданно предложил:

— А не прогуляться ли нам по ночной Москве?

— Думаю, ни к чему. Мне, пожалуй, надо домой.

— Я тебя провожу.

Мы вышли на улицу и побрели к моему дому. Новогодняя ночь заканчивалась, но кое-где еще вспыхивали фейерверки и раздавались взрывы петард. Небольшая группа ребят стояла в арке соседнего дома и потягивала пиво.

— С Новым годом, дедушка! — крикнул один из парней.

— С новым счастьем, тетя! — подхватил другой.

— Спасибо, и вам того же! — вежливо ответил Дмитрий Павлович.

Мы подошли ближе. Один из парней быстро спрятал пиво за спину, и этот жест разбудил мое педагогическое чутье. Я пристально взглянула на длинного паренька и узнала Фигуса.

— Доброе утро, Маргарита Владимировна! — смущаясь, сказал он.

— Доброе! Каким ветром тебя сюда задуло?

— Так, гуляем.

— Ну-ну.

Я махнула ему рукой и пошла вслед за Дмитрием Павловичем.

— Кто это? — слышалось за спиной.

— Наша классная, — ответил Фигус.

Я улыбнулась: «Наша классная! Чудно звучит!»

— Твои ученики? — спросил Дмитрий Павлович.

— Один из них.

— Трудно с ними?

— Нет, с ними как раз не трудно!

Мы уже подошли к подъезду, и я посмотрела на свои окна. В одном из них горел свет.

Дмитрий Павлович проследил за моим взглядом и тоже поднял голову.

— Видите, на третьем этаже горит свет, это моя квартира. А в окно кухни смотрит большой каштан.

— Каштан — это хорошо! В Париже — кругом каштаны.

— Скучаете?

— Да. Мне кажется, я раздвоился. Одна моя половина живет в Москве, другая — в Париже.

В поисках ключа я открыла сумочку и, увидев мобильный, вспомнила, что накануне его отключила.

«Наверное, звонили и Лялька, и Нюта, а я... Так никого и не поздравила. Ладно, поздравлю завтра... то есть сегодня».

— Кстати! Забыла записать ваш телефон.

Дмитрий Павлович продиктовал номер.

— И под каким же именем ты меня записала? — поинтересовался он.

— Дедушка.

Дмитрий Павлович потрепал меня по щеке и очертил тростью воображаемую окружность.

— Вот круг и замкнулся. Я нашел тебя и перестал быть ненужным осколком. Жизнь приобрела смысл.

— Еще сутки назад мы с вами не были даже знакомы.

— Вот и не верь в Судьбу!

Дмитрий Павлович оживился и, посмотрев на мое окно, добавил:

— Слышала такую поговорку: «Вчера не догонишь, от завтра не уйдешь»?

— Нет.

— Запомни, может быть, и пригодится.

Я приподнялась на цыпочки и поцеловала его впалые щеки.

— Спокойной ночи, дедушка!

— Спокойной ночи, Мариночка!

Он взмахнул тростью и, не спеша, пошел по заснеженному тротуару.

— Новый год начался, — пробормотала я, открывая дверь. — Вот уж верно: вчера не догонишь!

Я остановилась на пороге квартиры и в недоумении огляделась. То, что предстало перед глазами, не находило никакого объяснения. Посреди коридора валялись разбросанные целлофановые пакеты.

«Потрясающий бардак! — подумала я. — Так непохоже на Олега Александровича».

Закрыв дверь, я тихо разделась и заглянула в большую комнату. Здесь горел свет, на полу валялись мои блузки и джемпера.

«Что за черт! Зачем Олег разбросал мои вещи?»

Я осторожно приоткрыла дверь спальни. Мне показалось, что Олег сидит на кровати и пристально смотрит в мою сторону.

— Зачем ты устроил бардак? — грозно спросила я.

Олег молчал.

— У тебя что, была бурная ночь?

Олег по-прежнему молчал.

— Что случилось? — уже крикнула я и включила свет.

На меня смотрело поднятое колом одеяло.

— Олег, ты где?

Ответом было молчание.

«Может быть, нас ограбили, а его заперли в ванной? В Москве всякое бывает!»

Я кинулась в ванную и резко дернула дверь. Никого нет. Неожиданно в голову влетело страшное предположение:

«Вдруг грабители выгнали его на балкон?»

Со страхом я подошла к балконной двери и прислонила лицо к стеклу. На улице было темно, но на балкон падал отсвет фонаря. Мне показалось, в дальнем углу балкона вытянулась высокая фигура.

«Повесился, Олег Александрович повесился!»

Я сползла на пол. Кровь стучала в висках, голова ничего не соображала.

«Это я виновата! Он решил, что я встречаю Новый год с любовником и...»

Я резко вскочила и выбежала на балкон. Фигура, стоящая в углу, безвольно кивнула и зашевелилась. Ойкнув, я вытянула вперед руки и наткнулась на шершавый ворс.

«Это же старый ковер, он стоит здесь с прошлого года! Дура! Надо же такое представить! Чтобы Олег Александрович и повесился? Да никогда!»

Я поежилась от холода и вернулась в комнату. От собственных предположений стало смешно. Это надо ж такое придумать! Видимо, все гораздо проще: он уехал. Я вернулась в спальню. Компьютерный стол был пуст, шкаф открыт, вещи перевероршены, дневник валяется на полу.

«Куда делся компьютер?»

Я вспомнила, как долго копила деньги на «окно в большой мир», как, увидев мою покупку, Олег Александрович сказал:

— Наконец-то ты не вышвырнула деньги на ветер.

Можно подумать, я только тем и занималась, что швыряла деньги!

«Неужели он взял мой компьютер?»

В моей голове, уставшей от напряжений последних дней, стала медленно разливаться

звонящая боль.

— Хорек! — крикнула я, обращаясь к входной двери.

Достав телефон, я набрала номер Дмитрия Павловича.

— Не разбудила?

— Нет-нет, я еще не сплю, — ответил он.

— Нас ждет впереди встреча.

— Не понял?

— В наступившем году я выброшу старое и куплю новое постельное белье!

— Если бы я не видел тебя час назад, то решил бы, что ты навеселе, — хмыкнул

Дмитрий Павлович.

— А если бы я была рядом с вами, то предложила бы тост за свободу!

— За какую свободу?

— За абсолютную!

— Позволю себе заметить, абсолютной свободы не бывает.

Дмитрий Павлович сделал паузу, затем спросил:

— У тебя произошло объяснение?

— Нет, все гораздо проще: он уехал!

— Тебе тяжело?

— Наоборот! Я жду вас завтра к пяти. Приготовлю мясное рагу.

— Завтра к пяти или сегодня к пяти?

— Прошу отобедать у меня сегодня, в пять часов после полудня, — засмеялась я.

— Непременно буду!

— Спокойной ночи, дедушка!

— Спокойной ночи, моя хорошая!

Не раздеваясь, я легла на диван и, свернувшись клубочком, закрыла глаза.

«Пусть подавится этим компьютером! — Глубоко вздохнув, я стала погружаться в сонную ватную тишину. — Интересно, а что делал Фикус в нашем районе? Может быть, он «пасет» Анечку? Что-то последнее время он постоянно сидит к ней вполоборота! Ладно, об этом подумаю потом. Сначала выплусь, затем уберусь, приготовлю мясо...»

Видимо, на этой мысли я и начала засыпать. На зыбкой грани между сном и действительностью передо мной появилась маленькая старушка. Синее платье, белый воротничок... Ба, да это же Обида! Какой же она стала маленькой!

— Ну что? Выпроводила благоверного? — спросила она.

— Сам ушел!

— А вещи-то твои прихватил!

— Вещи — дело наживное, — вяло отреагировала я.

— Разбогатела, что ли?

— Слушайте, что вы ко мне привязались? Ревность, вещи! Я вас звала?

— Меня никто не зовет, — сморщилась Обида. — Я сама прихожу.

На эту фразу ответить было нечего, и, повернувшись на другой бок, я провалилась в сон. Меня больше никто не тревожил: ни Обида, ни Олег Александрович, ни собственные мысли. Я крепко спала, и мне снился Дмитрий Павлович. Он шел по тротуару, а прохожие смотрели ему вслед. Трость Дмитрия Павловича плавно опускалась на асфальт, а глаза с грустью смотрели на распустившиеся каштаны. «Париж! — шептал он. — Мой Париж!»

Меня разбудил телефонный звонок.

— Слушаю, — сонным голосом ответила я.

— С Новым годом, Ритуль! Ты что, еще спишь?

— Сплю.

— А время знаешь?

— Нет!

— Двенадцать часов тридцать минут, — весело сказала Лялька.

— Ничего себе!

Я вскочила и с ужасом посмотрела на часы. Действительно половина первого.

— Видимо, хорошо погуляла, — продолжала Лялька. — Как Ньюта?

— Я ее не видела.

— Где же ты была?

— У бабушки.

— По-моему, ты еще не проснулась. Я потом позвоню! — хмыкнула Лялька и повесила трубку.

«Поговорила, называется! — засовывая ноги в тапочки, подумала я. — Хорошо еще, что Лялька не обидчива».

Выпив пару чашек кофе, я оживилась. Оживились и мои мысли.

«Успею убраться. У меня — уйма времени! Сначала надо поздравить Татьяну Леонидовну, все-таки бывшая свекровь! К тому же, ничего плохого она мне не сделала».

Конечно же, я лукавила. Татьяну Леонидовну можно было поздравить и позже.

— С Новым годом, Татьяна Леонидовна! — ласково пропела я в телефонную трубку.

— Риточка! Здравствуй, милая! С Новым годом! — защебетала Татьяна Леонидовна. — Желаю, чтобы у вас с Олегом все наладилось, чтобы вы всегда помнили: «Худой мир лучше доброй ссоры».

Терпеть не могу банальные фразы! Тем не менее, расплываясь в улыбке, я спросила:

— Как себя чувствуете?

— Ой, не спрашивай! Разговор не для праздника!

— А вы забудьте про болячки, они и пройдут!

— Если бы это было возможно!

«Сколько ей лет? Семьдесят пять или семьдесят шесть? У нее все время что-нибудь болит: то голова, то ноги, то сердце!

— Что у вас случилось?

— Разве Олег не рассказывал?

— Я его не видела целую неделю! — воскликнула Татьяна Леонидовна. — Он позвонил мне вчера и спросил: «Мама, ты где встречаешь Новый год?»

«У Муровых, — ответила я. — А что?»

«Мы с Маргаритой разошлись».

К сожалению, была очень плохая связь, и я крикнула в телефонную трубку:

«Олег, милый, я тебя плохо слышу! Сейчас мне не очень удобно говорить, я в парикмахерской. Позвони завтра!»

Видимо, он обиделся и положил трубку. Не понимаю, на что тут обижаться! Если у тебя есть проблемы, не надо портить другим настроение. Тем более, перед Новым годом. Разве я не права, Риточка?

— Абсолютно правы!

— Рада, что ты меня понимаешь! — воскликнула Татьяна Леонидовна.

«По всей вероятности, разговор с Олегом все-таки испортил ей настроение».

— Я так удивлена! — продолжила она. — С самого утра думаю о вас. Ты всегда умела использовать его энергию в мирных целях. Не понимаю, как вы умудрились поссориться!

«Опять банальность! Энергию... в мирных целях! Как же она пишет свои статьи?»

— Куда он поехал? — спросила я.

— Наверное, к Никите, — безмятежно ответила Татьяна Леонидовна. — Куда же еще?

— А как же его бывшая жена?

— Разве я не рассказывала: Никита с матерью уехали в Канаду.

«Вот это новость! Никита уехал в Канаду!»

— А когда, если не секрет?

— Ты ничего не знаешь?

Я представила, как, посмотрев в круглое зеркало, висевшее около телефона, Татьяна Леонидовна удивленно подняла вверх выщипанные брови.

— Никита уже давно подал документы на работу в Канаде. Документы долго оформлялись. Наконец разрешение пришло, и три месяца назад он уехал. Его мать уехала несколько позже.

— Как они устроились?

— Очень хорошо! Ты же знаешь, Никита — классный программист! — с гордостью ответила Татьяна Леонидовна. — По-моему, они живут в Ванкувере.

— Значит, Олег поехал на Сходню?

— Думаю, да! Никита не стал сдавать квартиру, а передал ключи отцу. Перед отъездом он заехал ко мне и сказал: «Пусть папа имеет свой угол. Он же — математик, иногда ему необходимо уединиться». Я чуть не прослезилась!

— Может быть, он и прав.

— Конечно! — живо отреагировала Татьяна Леонидовна. — У Олега очень непростой характер! Время от времени ему надо пожить одному. Сбросит пар, соскучится...

— Да, характер у него непростой!

— Не суди его строго. Технарь есть технарь! Это мы с тобой гуманитарии: эмоциональные и многословные!

Последняя фраза меня укусила.

«Как это ловко она записала меня в свою компанию!»

— Я вам еще позвоню! — бодро воскликнула я. — Еще раз с праздником! До свидания!

— Всего хорошего, дорогая!

«Улетел на запасной аэродром! Сколько у него их? Один, два, а может быть, три? Не удивлюсь, если в копилке Олега есть еще какой-нибудь вариант».

Я решительно сняла халат и начала убираться.

«Каков жук! — яростно вытирая пыль, размышляла я. — Все-то у него продумано, все рассчитано! Видимо, он рассматривал квартиру на Сходне как место уединения».

Вместе с пылесосом я переместилась в спальню. Мне стало необыкновенно легко. Я почувствовала свободу, и мои мысли потекли в другом направлении.

«Что у нас будет на обед?»

Я направилась к холодильнику и, открыв его, удовлетворенно кивнула головой.

«И здесь пошуровал! Вот паразит!»

Несмотря на опустошение, которое Олег произвел в холодильнике, у меня остались кусок сырого мяса, пакетик замороженной вишни, салат, помидоры, огурцы и петрушка.

«Чудненько! Салатные листья я красиво разложу на тарелке. Помидоры и огурцы нарежу тонкими кольцами. В середину блюда положу мясо и украшу его петрушкой. А на десерт...»

Я открыла кухонный шкафчик.

«А на десерт сделаю торт! — радостно продолжила я, доставая полуфабрикат кекса. — Торт будет украшен вишнями и залит вишневым желе!»

Через два часа мясо было готово, овощи помыты, торт стоял на кухонном столике и впитывал в себя две ложки ликера. В это время я красила ресницы и с одобрением смотрела на себя в зеркало.

«Молодец!» — мысленно говорила я себе и загадочно улыбалась.

Почему улыбалась и почему загадочно? На этот вопрос трудно ответить. Видимо, я чувствовала себя энергичной, красивой женщиной и, главное, себе нравилась.

Зазвонил телефон.

— Чувствую из-под двери вкусные запахи! — раздался Лялькин голос.

— Как вовремя ты позвонила!

— Я всегда вовремя.

Это утверждение осталось без комментариев, так как было неочевидным.

— У тебя какие планы?

— Немного отдохнуть от бурной ночи, — ответила Лялька.

— Вот и хорошо! Минут через тридцать приходи ко мне, мы с тобой выпьем за Новый год.

— А куда ты задвинешь Олега Александровича?

— Он сам себя задвинул. Далеко и надолго!

— Не поняла!

— Придешь и расскажу. Только не опаздывай. Через час ко мне придет гость.

От неожиданности Лялька присвистнула.

— Интригуешь! — воскликнула она. — Твой гость — мужчина или женщина?

— Мужчина!

— Смотри, какая шустрая! — с уважением заметила Лялька. — А вчера еще была похожа на сморщенную грушу.

— Сейчас мы не будем обсуждать, на кого я была похожа. До встречи!

— Пока, — задумчиво ответила Лялька.

«Пусть поломают голову».

Я чувствовала в себе новый настрой, новые мысли, новую энергетику. Даже слова, вылетавшие из моей головы, складывались в новые, неожиданные фразы. Пройдя по квартире, я оглядела все уголки и осталась довольна.

«Три часа назад в квартире был настоящий бедлам, а теперь — порядок, обед на столе, хозяйка причесана и накрашена. Мечта любого мужчины!»

Тогда я еще не знала, что подобные высказывания называются внутренними настройками. Мои подбадривания шли на интуитивном уровне и выполняли функцию предохраняющего клапана. Видимо, сама Судьба принялась за мое образование.

«Хвали себя, — шептала она. — Желающие покритиковать найдутся!»

Лялька явилась во всеоружии. Нарядная, благоухающая, с тщательным макияжем на хорошеньком личике.

— Держи, — сказала она, протягивая бутылку коньяка. — Помнится, в прошлом году он тебе понравился.

— Длинноногая, симпатичная язва! — улыбнулась я, вспомнив, как напилась после ссоры с Олегом Александровичем.

«Как давно это было! Неужели два дня назад я предавалась такому отчаянию?»

— Так куда же задвинулся Олег Александрович? — с интересом поглядывая на торт, спросила Лялька.

— В Никитину квартиру.

— Решил наконец пожить с сыном?

— Сына в Москве нет, — коротко ответила я.

— Неужели Олег Александрович вернулся к прежней жене?

— Жены в Москве тоже нет.

— Ритуль, не томи! Где же они?

От нетерпения Лялька даже притопнула.

«До чего любопытна! Наверное, большая любительница мелодрам».

— Сериалы по телевизору смотришь? — спросила я, не ответив на Лялькин вопрос.

— Редко, — ответила она. — Мне некогда.

— А если бы было время, смотрела бы?

— Будь уверена! Обожаю душещипательные жизненные истории!

— Садись. Сейчас я расскажу душещипательную историю.

Лялька ошеломленно посмотрела на меня и села. Я налила коньяк и протянула бокал Ляльке.

— С Новым годом, моя любознательная подруга!

— Ты стала какой-то другой. Как будто подменили!

— На худший или лучший экземпляр?

— По-моему, на лучший, — разглядывая меня, ответила Лялька. — От тебя за версту веет независимостью.

— Точно! Я теперь свободна и независима.

— Ты не придуриваешься?

— Говорю тебе совершенно искренне!

— Конечно, я уже привыкла к тому, что ты можешь быть неожиданной, но...

Лялька сделала паузу и продолжила:

— Но не до такой же степени!

Я засмеялась и обняла Ляльку.

— Сейчас я поведаю тебе такое... — Я округлила глаза и сделала еще один глоток. — Сразу скажу, в этой истории нет никакого вымысла. Правда и только правда!

— А коньячок-то уже подействовал!

— Было бы странно, если бы он на меня не действовал! Однако меня пьянит не коньяк!

— Хватит выпендриваться! Рассказывай свою историю.

— Помнишь, где мы расстались в прошлом году? — спросила я.

— Несмотря на бессонную ночь, помню. Вчера днем я встретила тебя около подъезда. Ты разглядывала кнопки домофона и была похожа на озябшего больного воробья.

— То на сморщенную грушу, то на озябшего воробья! Какая ты поэтичная, однако!

Я чокнулась с Лялькой и продолжила:

— Представляешь, как человек может измениться за сутки! Мы же с тобой примерно в это время и виделись!

— Да.

— Как только мы расстались, начались чудеса. У меня нет никаких сомнений, что их прислал Дед Мороз. Я его видела накануне. Он улыбался в ватные усы и шептал: «Чудеса только начинаются!»

— Не пугай меня, Ритуль! Ты сейчас похожа на ненормальную!

— Не бойся! Я не сошла с ума, мне хочется напустить таинственности.

— Считай, что напустила. А дальше?

— А дальше...

Я приняла серьезный вид и коротко рассказала Ляльке о том, как встретила Дмитрия Павловича, как обедала с ним в ресторане «Ностальжи», как он пригласил меня домой.

— Обалдеть! — Лялькины глаза загорелись, и она залпом опустошила бокал. — Неужели правда?

— В его квартире, — продолжила я, — началось самое интересное! Оказалось, что Дмитрий Павлович — не просто почтенный пожилой москвич, а князь Гагарин. Теперь у него — двойное гражданство: французское и русское. Десять лет назад он вернулся в Россию и купил в Яковоапостольском переулке двухкомнатную квартиру. Но это не очень интересно! Главное, что он мой родственник.

— Ничего себе! И кто же он?

— Брат моей бабушки, маминой мамы.

— Значит, ты его внучатая племянница?

— Выходит, так!

— А он тебя не разыграл? — встревоженно спросила Лялька. — Я же знаю, какая ты доверчивая!

— Абсолютно уверена в нашем родстве! Как-нибудь потом расскажу подробности и приведу убедительные доказательства.

Я посмотрела на часы.

— Минут через пять Дмитрий Павлович придет в гости. Сама посмотришь, какой у меня дедушка!

— А Олег Александрович?

— Я справляла Новый год вместе с Дмитрием Павловичем и не видела Олега со вчерашнего утра. Когда я вернулась, его дома уже не было. Татьяна Леонидовна, которой я позвонила, сказала, что Олег — у Никиты.

— А Никита... — Лялька вытянула шею.

— А Никита и его мать уехали в Канаду.

— На заработки, — добавила Лялька и села на место.

— Совершенно верно! Так что у Олега Александровича есть теперь отдельная однокомнатная квартира на Сходне.

— Далековато!

— Ничего, не развалится! Оттуда до Центра на метро полчаса езды.

— Значит, вы разбежались...

— Можно подумать, ты не рада! — взвилась я. — Еще недавно талдычила: «Брось ты его!» А теперь...

— Теперь у меня в голове — полная каша! Вместо Олега Александровича появился старик; оказывается, он — твой двоюродный дедушка! — начала Лялька, и в этот момент раздался звонок.

— Дмитрий Павлович! — воскликнула я и бросилась к двери.

— Здравствуй, Мариночка! Добрый вечер, милая барышня!

Он церемонно кивнул в сторону Ляльки, вышедшей за мной в коридор.

— Не удивляйся! — обратилась я к Ляльке. — Марина — мое домашнее имя.

Я взяла ее за руку и подвела к Дмитрию Павловичу.

— Ольга Сергеевна Трубецкая, — представила я Ляльку.

— Очень рад! Очаровательная подруга!

— А это мой дедушка — Дмитрий Павлович Гагарин.

Лялька сделала что-то похожее на книксен и скромно опустила длинные ресницы. Похоже, мои гости произвели друг на друга хорошее впечатление.

— Мариночка, позволь преподнести тебе небольшой новогодний подарок, — повернулся ко мне Дмитрий Павлович. — Думаю, для такой современной женщины, как ты, он будет не лишним.

Дмитрий Павлович протянул мне плоскую коробку, и, бросив взгляд на этикетку, я вскрикнула от восторга.

— Это же ноутбук! Дедушка, ты не представляешь, что ты мне подарил!

— Почему же не представляю, — улыбнулся Дмитрий Павлович.

Я повисла у деда на шее и поцеловала его в душистое ухо.

— А старый компьютер задвинешь в сторону, — добавила Лялька.

— В том-то и дело! — воскликнула я. — Этот подарок как нельзя вовремя. Старого компьютера у меня уже нет!

— Где же он? — спросила Лялька.

— Сломался.

— А этот подарок для вас, Ольга Сергеевна!

Дедушка вытащил из кармана пиджака маленькую коробку и вручил ее зардевшейся от удовольствия Ляльке.

— Французские духи! — ахнула она. — Право, так неожиданно!

Я понимала, дедушка приготовил мне два подарка, и благодарно посмотрела в его сторону.

— Когда же ты успел все купить? По-моему, сегодня магазины закрыты!

— Почему закрыты? — ответил Дмитрий Павлович. — Интернет-магазины работают.

— Какой же ты у меня продвинутый!

— Это комплимент?

— Смею заверить, это высочайшая похвала в среде школьников, — воскликнула я.

— С радостью ее принимаю, — улыбнулся Дмитрий Павлович.

— Будьте любезны к столу! — я махнула рукой в сторону кухни. — Обедать будем по-семейному.

Дмитрий Павлович пропустил Ляльку вперед и чинно пошел вслед за нами. Посадив гостей, я поставила на белые салфетки тарелки с мясом и овощами. Посреди стола уже стоял

мой любимый подсвечник, на подоконнике светилась маленькая елочка, а около мойки стояли два бокала и бутылка коньяка.

— Как же я забыл! — воскликнул Дмитрий Павлович, посмотрев на бокалы.

— С вашего разрешения... — пробормотал он и устремился к шубе, висевшей в прихожей.

— Я принес бутылку кубинского рома, — возвращаясь на кухню, сказал он. — К такому обеду, думаю, ром будет в самый раз.

Он одобрительно посмотрел на мясо и открыл бутылку. Пряный аромат разлился по кухне.

— Кажется, пахнет пряностями и морем, — заметила Лялька.

«Артистка, ей-богу! — подумала я, посмотрев на Ляльку. — Сама скромность, загадочный взгляд из-под длинных ресниц...»

— Выпьем, мои очаровательницы, за утро, которое ждет вас в этом году!

Дмитрий Павлович встал и торжественно чокнулся с каждой из нас. Мы с Лялькой благодарно посмотрели на старого джентльмена и сделали по глотку.

— Вкусно! — зажмурилась Лялька. — Этот ром пахнет вечером!

«Ничего себе! Какая поэтическая фраза! Уж не собирается ли Лялька флиртовать с Дмитрием Павловичем?»

— Удивительно точно сказано! Ром действительно пахнет теплым летним вечером.

Дмитрий Павлович взял нож с вилкой и попробовал мясо.

— Не ожидал, Мариночка! Совсем не ожидал: изумительное мясо! Чувствуется и хмели-сунели, и запах чернослива. Замечательно!

От его похвалы я выросла в собственных глазах и, уткнувшись в тарелку, подумала:

«Сколько я ни кормила Олега, хоть бы раз поблагодарил!»

Тем временем Лялька решила поддержать разговор, начатый Дмитрием Павловичем.

— Вы считаете, что ром лучше коньяка?

— Ни в коем случае! — воскликнул Дмитрий Павлович. — Коньяк — это божественно!

Он расширяет сосуды и заставляет лучше работать мозг!

— Дедушка, ты или прирожденный рекламный агент, или...

— Или любитель выпить? — усмехнувшись, закончил фразу Дмитрий Павлович.

— Это ты так сказал, я об этом даже не думала!

— То-то!

Погрозив мне пальцем, он продолжил:

— Как и большинство жителей Франции, я привык с уважением относиться к спиртным напиткам. Не вижу в этом ничего плохого! Главное — мера!

Дмитрий Павлович налил еще рому и, окинув нас взглядом, спросил:

— Хотите, расскажу о моих кубинских впечатлениях? По-моему, они будут дополнением к рому.

Я посмотрела на Ляльку и поняла: она тоже попала под обаяние деда.

— Я ездил на Кубу лет двенадцать назад, уже после того, как СССР перестал существовать. Я остановился в гостинице на окраине Гаваны и постарался ходить не с группой туристов, а один.

— Дедушка, ты, случайно — не коммунист? — перебила я.

— Нет, я — либерал, с детства рос в обстановке полной свободы.

Дмитрий Павлович подлил рома и продолжил:

— У кубинцев — много проблем, однако дело не в них! Меня поразило то, как весело они живут. В переполненных автобусах — смеются, вечером идут на танцы.

— На танцы? — удивилась я. — Какие танцы при карточной системе?

— Не скажи, Мариночка! Они считают, что живут в справедливом обществе. А что касается танцев... На Кубе мужчин намного больше, чем женщин. Поэтому женщина чувствует себя королевой. Видели бы вы, как они идут по улице! Бедра подчеркнуты белыми брюками или юбкой, походка кокетлива, взгляд черных глаз игрив!

— Похоже, тебе кубинские женщины понравились!

— Они не могут не понравиться! В них есть независимость и призыв. Я, конечно, уже стар, но скажу вам, что на мужчину такой коктейль действует, как лучшая приманка.

— Дмитрий Павлович, оказывается, вы не только хороший рассказчик, но и психолог! — воскликнула Лялька.

— Спасибо, Ольга Сергеевна, спасибо! Однако прежде всего я — мужчина!

— Ты самый лучший мужчина на свете! — воскликнула я.

— Такого комплимента мне еще не говорили! — улыбнулся Дмитрий Павлович.

Лялька со светящимися глазами смотрела на деда и тоже улыбалась. Ее розовые пухлые губы притягивали взгляд, и Дмитрий Павлович, лукаво посмотрев в Лялькину сторону, добавил:

— А мужчины — это охотники! Поэтому молодым женщинам надо быть постоянно настороже.

— Как страшно! — воскликнули мы с Лялькой одновременно.

Видимо, ром уже оказал свое расслабляющее действие.

— К тому же, если тебя угощают ромом и рассказывают при этом разные истории...

Дмитрий Павлович поднял густые брови и, улыбаясь, посмотрел на нас.

— Так как там со свободой? — спросила я. — Ты ее нашел?

— Как ни странно, да! Вот это меня и удивляет! При всех своих проблемах кубинцы гораздо свободнее нас!

— Ну, это как сказать! — заметила Лялька. — У нас около Курского вокзала тоже полно свободных людей.

— Кто же это?

— Бомжи! Они свободны от всего: от вещей, от обязательств, от работы!

— Проказница! — засмеялся Дмитрий Павлович. — Ишь как повернула! Подобную вещь мне однажды сказал парижский клошар.

— А это кто такой?

— Тот же бомж.

Я уже встала и, заварив чай, поставила на стол тарелку с тортом.

— Неужели сама испекла? — удивился Дмитрий Павлович.

— Сама, и очень быстро!

— Какая хозяйка!

Я скромно поклонилась во все стороны.

«Все-таки ром — это опасная вещь!» — мелькнула мысль, и я твердой рукой стала разливать чай.

За чаем мы заговорили о Париже.

— Самым красивым Париж бывает летом, — оживленно рассказывал Дмитрий Павлович. — Я его обязательно вам покажу. Мы поднимемся на Монмартр и посмотрим на

город сверху. Затем сходим на мессу в собор Парижской Богоматери и непременно посмотрим замки Луары...

— Ой, больше не могу! — воскликнула Лялька. — Вы так рассказываете, что я уже хочу в Париж.

— Надо потерпеть всего лишь полгода, уважаемая Ольга Сергеевна. Всего лишь полгода! И перед вами раскроется другая страна, другая культура!

— А у меня нет загранпаспорта, — грустно сказала я.

— Как же так? — удивился Дмитрий Павлович. — Быстро оформляй паспорт, и я покажу тебе мир.

— Это дорого.

— Пусть тебя не волнуют эти проблемы. Я достаточно состоятелен, чтобы путешествовать в сопровождении внучки и ее очаровательной подруги.

— Мы будем в Париже жить в гостинице? — тут же спросила Лялька.

Как человек практичный, она хотела узнать план Дмитрия Павловича в деталях.

— Хотите, живите в гостинице; хотите — у меня в квартире.

— У вас в Париже — квартира?

— Да, и очень неплохая! Она находится в старинном доме на бульваре Хаусманн. Оттуда совсем близко до Гранд Опера.

Он посмотрел на Ляльку и добавил:

— А для любителей шопинга — два шага до галереи Ла Файетта.

— Это парижский магазин?

— И очень большой! Совсем как московские ЦУМ или ГУМ.

«Действительно, дед — психолог, — подумала я. — Сразу понял, что Лялька — тряпичница!»

За вечер наша маленькая компания успела переговорить о многом: о духах, русских конфетах, мюзиклах, парижской весне...

Как две любопытные белки, мы с Лялькой тянули шеи в сторону Дмитрия Павловича и ловили каждое его слово. Ром, комплименты в наш адрес, доброжелательная улыбка деда сделали больше, чем вся косметика мира: наши глаза сияли, щеки пылали, губы вздрагивали от постоянной улыбки. Мы кокетничали, острили, рассказывали свои байки, а Дмитрий Павлович с удовольствием смотрел на нас и двумя-тремя фразами придавал нашему незамысловатому трепу особую значимость и неуловимое изящество.

— Восхитительный обед! — прощаясь, сказал он. — У меня давно не было таких красивых и умных собеседниц!

— Что значит, старое воспитание! — сказала я, закрыв за ним дверь. — Он умеет не только любоваться женщиной, но и поднять ее до своего уровня.

— Да, — отозвалась Лялька. — А современные мужики — настоящие потребители: сначала покатаются, а потом, обвинив во всех грехах, вышвырнут.

Было непонятно, почему такой жизненный вывод появился именно у Ляльки. Насколько я знаю, на ней никто и никогда не катался. Решив, что она взрослеет и потому философствует, я заметила:

— Веник не переломишь!

— Это ты про кого? — удивилась Лялька.

— Про Олега Александровича. А ты про кого?

— Ни про кого, просто обобщаю женский опыт! — загадочно сказала она и, махнув

рукой, направилась к двери.

— У тебя все в порядке?

— Дома — да, а так — полоса!

«Артистка, ни дать ни взять: все время играет!»

Слово «полоса» вцепилось в меня, как клещ, и, вернувшись на кухню, я подумала:

«С Нового года у меня началась светлая и радостная полоса».

Как известно, к хорошему привыкаешь быстро, а привыкнув, не замечаешь. Однако пока тянется этот период привыкания, ты находишься в эйфории. Мне кажется, период эйфории — самый сладкий: еще не ушли из памяти проблемы, а уже наступили новые дни, радостные и беззаботные. Эти дни похожи на весенние солнечные лучи: их ждут, им рады; они окрашивают жизнь в яркие тона.

Можно сказать, что в январе-марте наступившего года я переживала именно такой период. Раньше мне казалось, что крылья за спиной — удачная метафора, теперь же их невидимое присутствие я чувствовала ежедневно. Энергия переполняла меня, и я успевала за день сделать множество дел: провести уроки, дополнительные занятия, забежать в детский сад за Антошкой и Тимошкой, так как Ньюта и ее мать грипповали, проверить пачку сочинений, а вечером сходить с Дмитрием Павловичем в театр. Но больше всего меня поражало, как резко я стала по утрам вставать. Во мне срабатывала какая-то пружина, она выталкивала из кровати и заставляла быстро перемещаться по квартире. Я уже не куталась в халат, не шаркала тапками по полу, а принимала прохладный душ, до красноты растиралась полотенцем, убирала за собой кровать и мыла посуду. Для меня это было подвигом!

Похоже, такое же состояние переживал и Дмитрий Павлович. Его глаза искрились, походка стала решительной и упругой, движения — энергичными, а жесты — выразительными. Казалось, он вернул себе вкус к жизни. Если мы не шли в театр или гулять, Дмитрий Павлович приходил ко мне и принимал самое живое участие в моей подготовке к урокам или проверке сочинений. Он слушал мои литературные рассуждения и охотно их комментировал. В зависимости от школьной программы, я говорила то о творчестве Маяковского, то о поэзии Серебряного века, то о Шолохове.

— Послушайте, как красиво! — готовясь к семинару по лирике Есенина, говорила я. — «Месяц рогом облако бодает, в голубой купаясь пыли...»

— Потрясающе! — восклицал Дмитрий Павлович. — Стихи Есенина сродни мелодичным и звенящим песням.

Он брал томик стихов и начинал читать одно стихотворение за другим. Я слушала глуховатый голос и млела: у меня был собеседник, интересующийся тем же, чем и я. Помимо литературных бесед и совместных походов в театр мы много гуляли и, естественно, много говорили. Дмитрий Павлович блестяще подтверждал мое мнение, сложившееся еще в первый день знакомства: он — человек светский, поэтому легко входил в тему, интересующую собеседника.

Как-то раз, идя по заснеженным переулкам, мы заговорили о российских проблемах.

— Слишком богата страна, а замков на воротах нет. Вот всякие проходимцы и норовят кусок оторвать, — озабоченно сказал Дмитрий Павлович.

— По-моему, таких планов уже никто не вынашивает.

— Не скажи, кривую стрелу не исправишь!

Некоторое время он шел молча, затем неожиданно спросил:

— Ты никогда не задумывалась, какие страсти кипят за окнами квартир?

— Задумывалась. Только не понимаю, как тема России связана с семейными страстями?

— Самым непосредственным образом. В семьях тоже есть предатели и свои люди-

неваляшки.

— Неваляшки? Хороший образ!

— У тебя была неваляшка?

— Была. Первое время я все пыталась уложить ее спать. Положу, а она встает, положу — встает, и так до бесконечности. Со временем я потеряла к ней интерес, а неваляшка так и стояла в углу, поглядывая круглыми глазами и широко улыбаясь.

— Вот и люди-неваляшки улыбаются. Упал — поднялся, вывалялся в пыли через мгновение встал и улыбнулся.

Дмитрий Павлович опять посмотрел на окна и добавил:

— А за дверьми собственных квартир эти неваляшки не улыбаются! Они выплескивают эмоции на домочадцев. Сама подумай, сколько унижений за день пришлось пережить!

— А другая категория — это порядочные люди, — предположила я.

— Да, это хребет.

Я вспомнила предновогоднее обсуждение темы «Судьба» и подумала:

«Эта тема так около меня и крутится!»

— А знаешь, что будет с цветком, если его пересадить в другую почву?

— Наверное, завянет.

— Зачем так трагично! Бывает, что и приживется.

— Тогда он будет хилым и слабым.

— Цветок цветку рознь! — грустно заметил Дмитрий Павлович. — Некоторые в чужой земле становятся даже пышнее, все зависит от вида.

— То есть от породы?

— От породы, моя голубушка, от породы.

* * *

В начале февраля я наконец-то позвонила Варьке. Этот звонок не был случайным: я вспомнила, что в первых числах февраля у Варьки день рождения.

— Рада тебя слышать! — услышала я низкий грудной голос.

— Варечка, понимаю, тебе сейчас не до меня — гости, поздравления...

— Какие гости? — Варька хмыкнула. — Этот этап в моей жизни уже прошел.

— Ты — одна?

— Да, и очень этому рада!

— Может быть, мне к тебе приехать?

— Вот это будет подарок! — обрадовалась Варька. — Ты сейчас где?

— В лице.

— Когда освободиться?

— Через час.

— Буду тебя ждать около «Панорамы» через два часа.

— Где будешь ждать?

— Доедешь до Новых Черемушек, выйдешь из последнего вагона метро налево. Поняла?

— Договорились.

— До встречи.

«Что подарить Варьке? Может быть, канделябр?»

На Покровке был магазин, где продавались подсвечники, и после уроков я поспешила туда. Выбрав канделябр на пять свечей, я запихнула его в пакет и направилась к метро.

«Почему Варька одна? В детстве она отмечала день рождения с размахом. Может быть, заболела? Лежит у себя, а тут я со своим визитом! Теперь придется встать, сесть в машину и ехать меня встречать».

Представив ситуацию, я почувствовала угрызения совести.

«Месяц не звонила, а стоило человеку заболеть, напросилась в гости».

Выйдя из метро, я оглянулась. Недалеко стоял золотистый джип, из окна которого выглядывало румяное лицо Варьки.

— Как ты меня напугала! — подойдя к машине, воскликнула я.

— Ничего себе заявление!

— День рождения, и одна. Я решила, что ты заболела...

— Глупости! Я — здорова как бык! — Варька вывела машину на широкую трассу и весело посмотрела на меня. — Точнее, здорова как корова!

Варька лихо пошла на обгон, и голубой перстень на ее руке блеснул, подтверждал слова хозяйки.

— Выглядишь замечательно! — заметила она. — Прямо другой человек! Даже волосы излучают энергию.

Я с удивлением посмотрела в боковое зеркальце.

— Понятия не имею, как можно чувствовать чужую энергию, но после встречи с тобой я попала в светлую полосу.

— Так и должно было быть!

Варька тряхнула гривой каштановых волос и загадочно улыбнулась.

— Ты случайно не колдунья? — спросила я.

— Нет, успокойся! Просто с некоторых пор у меня проснулся дар предвидения.

— Шутишь?

— Не шучу, — ответила Варька.

От резкого виража ее норковая шуба распахнулась, и в большом вырезе платья показался прозрачный кристалл, прикрепленный к цепочке.

— Какой необычный кулон! — воскликнула я.

— Мой талисман. Время от времени я смотрю в его прозрачные глубины и читаю будущее.

— Да ну тебя! Дуришь, как в детстве!

— На том и стоим! — засмеялась Варька и съехала с магистрали на боковую дорогу.

Я уже заметила, что мы проехали окружную дорогу, и теперь гадала, куда меня привезет Варька. Джип подъехал к большим воротам, они открылись, и я увидела небольшой поселок, состоящий из внушительных кирпичных коттеджей. Варька подъехала к трехэтажному особняку и, поставив машину в гараж, заглушила мотор.

— Приехали! — сказала она.

Я вышла из машины и посмотрела на дом.

— Неужели ты живешь в этом доме?

— Да, и к тому же — одна.

— И тебе не одиноко?

— Мне хорошо! — коротко ответила Варька и открыла дверь.

Мы вошли в холл, и я увидела лестницу своей мечты. Она начиналась с середины холла

и, сверкая лакированными половицами, устремлялась вверх. Сняв шубу и повесив ее на вешалку, я робко вступила на первую ступеньку. В своих фантазиях мне так часто приходилось подниматься по этой лестнице, что я знала все ее повороты, все зазубринки на перилах. Лестница заканчивалась около разошедшейся двери, сквозь которую пробивались солнечные лучи. Когда я открывала дверь, передо мной появлялось огромное озеро. Оно блестело в лучах полуденного солнца, и в игре света присутствовали сотни оттенков. Они сменяли друг друга, в результате чего озеро искрилось и переливалось, как гигантский бриллиант.

— Ну что, пошли наверх!

Варька взяла меня за руку и повела по ступеням.

— У меня такое чувство, что я уже тут была.

Растерянно озираясь, я пыталась вспомнить, что окружало знакомую лестницу. То, что вокруг нее не было стен, затянутых розовым атласом, я помнила точно.

— У тебя всегда было богатое воображение, — заметила Варька. — По всей вероятности, ты видела ее в своих снах.

— Может быть.

Мы поднялись на второй этаж, и я ахнула от восторга. В конце полукруглой комнаты был устроен большой камин, облицованный розовым мрамором. Около камина расположились глубокие кресла и овальный диван, а на полу лежал пушистый ковер. Сочетание розовых, вишневых и бордовых тонов создавало ощущение теплою летнего вечера.

— Как уютно! — воскликнула я и уселась в кресло, стоявшее ближе всего к камину.

— Я тоже люблю здесь сидеть.

Варька подошла к камину и отодвинула витую решетку.

— Сейчас разожгу камин и оставлю тебя на полчаса. Глядя на огонь, помечтаешь, заодно и отдохнешь.

— А где будешь ты?

— Приготовлю праздничный ужин и переоденусь. Должны же мы, наконец, отпраздновать нашу встречу!

— Да, конечно, — отозвалась я.

Варька вышла, а я, окончательно разомлев, стала смотреть на языки пламени и слушать, как беснуется февральский ветер. Мои глаза закрылись, и я увидела винтовую лестницу. Знакомые ступени, дверь, оранжевые блики, зацепившиеся в разошедшейся древесине, озеро.

«Наверное, именно здесь встречаются Земля и Космос!»

Эта мысль мелькнула в голове и, оставив во мне восторженное состояние духа, исчезла в прозрачной воде. Я с интересом осмотрела берег. Темные скалы, окружавшие озеро, походили на оправу из черного серебра, Редкие деревья, притаившиеся в расщелинах, напоминали часовых. Прибрежная бровка, как золотой шнур, обвивала озеро и заканчивалась широкой кистью-излучиной, на которой стоял шалаш из плотно пригнанных прутьев. Вход в него закрывала потрепанная шкура, на скрещенных жердях висел флаг. Его полотнище волновалось, и казалось, что на нем то появляются, то исчезают таинственные знаки.

Солнечные лучи осветили шалаш и, позолотив скалу, скрылись. Желто-бордовый нимб отразился в озере, и по воде побежала разноцветная рябь. Озеро заискрилось, и из его глубин хлынул серебристый свет. Я охнула. Свет был таким ослепительным, что перед глазами появились радужные блики, по щекам потекли слезы. Я громко всхлипнула. Этот всхлип был

сродни подземному толчку, он сдвинул невидимые препоны, и из глаз понеслись уже не ручейки, а сплошные потоки слез. Мое тело содрогалось, и, глядя на серебристый свет, я рыдала, как никогда в жизни. Картинки жизни проносились передо мной и, выстраиваясь в ряд, скрывались за темными скалами. Я чувствовала, что непостижимым образом освобождаюсь от тревог, обид, разочарований и становлюсь чище.

Наконец поток слез остановился. Шкура на шалаше задрожала, и в проеме показалась рука. Длинные пальцы были обтянуты сухой старческой кожей, и на одном из них сверкал перстень. Он удивительно походил на озеро. В какое-то мгновение мне показалось, что озеро плавно перетекло в перстень и так же плавно вернулось в берега. Как замороженная, я смотрела на шалаш и ждала. Я чувствовала, что тот, чья рука украшена магическим перстнем, приоткроет тайну моей жизни.

Над озером повисла звенящая тишина, и из шалаша вышла старуха. Маленькая, худая, в нелепой широкой юбке, на голове — старый платок. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Здравствуй, голубушка! Вот и свиделись.

Взглянув в ее лицо, я вздрогнула. Узкий с горбинкой нос, широкие скулы, губы, похожие на вывернутые лепестки, — старуха из моего прошлого! Это она велела жевать хлебный мякиш, это она нагадала Олега Александровича!

— Видишь, все сбывается, — сказала старуха. — Старое гадание, верное!

«Осталась с пустотой», — вспомнила я.

— Мужа — книжного червя встретила? Встретила! Служила ему? А что взамен?

Я опустила голову и вздохнула.

— То-то и оно!

Старуха подняла палец, и перстень, выпустив на свободу спрятанный луч, стал темным.

— Однако не грусти! Сама знаешь: страдания очищают.

Она подошла ближе и добавила:

— А вот что с князем встретишься, я сомневалась.

— А где павлин? Вы говорили про какого-то павлина, — спросила я.

— Еще появится, — сказала старуха.

Она пристально посмотрела на меня, и из ее удивительных глаз вылетела искра. Мне показалось, что невидимая стрела впиалась в сердце, неся с собой мощный энергетический поток. Дрожащий крутящийся столб взмыл над головой, и я почувствовала себя девочкой. Эта девочка стояла на берегу, у ее ног плескалось озеро, а над головой искрился столб, напоминавший тонкую нить, спущенную с небес.

Старуха улыбнулась и поднесла к губам дудку. Грустная мелодия понеслась над озером, и я забыла все: Олега Александровича, Ляльку, Нюту, лицей, 11 «Б» и даже Дмитрия Павловича. Все это унеслось в прошлое. В настоящем была старуха и ее дудочка.

Я почувствовала, что поднимаюсь над озером и лечу к скалам. Однако почему стало так тихо? Куда пропала мелодия? Я повернула назад и, опустившись около старухи, растерянно посмотрела на дудочку.

— Сыграю в следующий раз, — ласково сказала она. — Теперь пора возвращаться.

Старуха дотронулась до моего плеча, и камень на перстне как будто вздохнул.

— В другой раз я познакомлю тебя с орлом.

— С орлом, — как эхо, повторила я.

— Вы полетите, — глаза старухи потемнели и стали совсем черными, — спасти твоего ребенка.

— Моего ребенка? — встрепелулась я.

— Да!

— Когда? Когда это будет?

Старуха посмотрела на потемневшую гладь озера и нахмурилась.

— Летом, — ответила она.

— Не может быть! Лето — через полгода!

Длинные пальцы крепко сжали мое запястье, и в шелесте деревьев, спрятавшихся в горных расщелинах, я слышала:

— Все может быть! Это будет крошечный мальчик, — прошептала старуха. — Твой сын.

Она посмотрела вверх и поспешила к шалашу. Шкура приподнялась, и старуха исчезла.

— Мариш, что с тобой? Очнись наконец!

Я открыла глаза. Передо мной стояла Варька и растирала мои виски.

— Куда это ты унеслась? Вот уже пять минут не могу привести тебя в чувство.

— Варь, я такое видела!

— Похоже, тебе приснилась перестрелка и прочая чепуха.

— Мне никогда не снятся перестрелки.

— Что же ты видела?

Варька уже сидела напротив меня и наливала в бокалы коньяк. Похоже, коньяк стал атрибутом застольных разговоров. Я посмотрела на сноп искр, вырвавшихся из камина, и тихо сказала:

— Она обещала познакомить с орлом.

— Кто?

Варька удивленно уставилась на меня.

— Старуха.

— Рассказывай!

— Не знаю, с чего и начать. Сон соткан из множества нюансов: таинственное озеро, скалы, шалаш, старуха-гадалка, дудочка.

— И все?

— Конечно, нет! Это лишь фон. Главное — серебристая нить, идущая с неба, ощущение полета и мелодия, летящая по горной долине. И потом... новое предсказание: «Вы полетите спасти вашего ребенка!» Представляешь? У меня будет мальчик, крохотный мальчик!

— С тобой не соскучишься! Давай сначала выпьем, потом поговорим.

Выпив коньяк, я почувствовала жуткий голод. На столике стояли тарелки с закусками, и, оставив таинственный сон «на потом», я с аппетитом стала поглощать салаты, семгу, утиный паштет и прочее, прочее.

— С аппетитом у тебя все в порядке, — ухмыльнулась Варька. — Хотя признаюсь, глядя на твою фигуру, не подумала бы.

— Так и есть, — ответила я с набитым ртом. — В обычной жизни я ем очень мало. Не знаю почему, но сейчас на меня такой «жор», извини за выражение, напал!

— Видимо, много энергии потеряла.

— Наоборот!

К Варьке уже вернулся насмешливый тон, и, закурив сигарету, она добавила:

— Признаюсь, за двадцать три года я уже отвыкла от твоих выкрутасов.

— Не понимаю, какие выкрутасы ты имеешь в виду?

— Ой ли! Неужто забыла?

Карие глаза Варьки блеснули, и в них запрыгало то, что бабушка называла «чертенятами».

— Кто, например, рассказывал, что в нашем дворе поселился дух умершей купчихи? Ты! А трогательная история про кота, оказавшегося запертым в бойлерной? А твои сказки о подземном мире? Ты думаешь, я их забыла?

Варька с улыбкой смотрела на меня, и ее круглое лицо светилось от детских воспоминаний.

— В те далекие времена я постоянно находилась под впечатлением твоих рассказов. Не успею один переварить — пожалуйста вам другой!

Она задумалась, затем добавила:

— Может быть, поэтому я и пошла в психотерапевты.

— Не понимаю, как мои детские рассказы повлияли на твою нынешнюю профессию?

Варька погасила сигарету и ответила:

— Я хотела понять, как влияют человеческие мысли на его психику.

— Теперь понимаешь? — с надеждой спросила я.

— В общих чертах. Человеческий мозг — такая сложная машина, что моя специальность будет востребована и через двести, и через триста лет.

Варька ласково улыбнулась, и показалось, что мы — в детстве, сидим на снежном диване и болтаем. Я часто вспоминала снежную комнату, где мы отмечали Варькины дни рождения. Эта комната сооружалась заранее. Обувшись в высокие валенки, мы вытаптывали в февральском снегу дорожки, между которыми появлялись снежный стол, снежная кровать, диван, кресла. Мы даже лепили снежные чашки и тарелки, а затем аккуратно укладывали на них вареную картошку, хлеб, колбасу, мороженые яблоки. Варька приглашала гостей, и начинался пир. Наши родители не могли понять, что мы нашли в сугробах, и предлагали отметить день рождения по-человечески. Однако нам хотелось романтики, и, поглощая хлеб вместе со снегом, мы эту романтику получали.

— Думаю, сон был вещим, — помолчав, сказала Варька. — Не знаю когда, куда и зачем, но ты улетишь. По всей вероятности, какое-то время даже будешь пребывать в новых ощущениях...

Варька задумалась и добавила:

— А дальше наступит ночь.

— В каком смысле? — волнуясь, спросила я.

— Сложно сказать.

— Я умру?

— Все мы умрем когда-то, — глядя в камин, сказала Варька.

— Ты мне не ответила!

— Успокойся! Если воспринимать сон как вещий, ты обязательно вернешься.

— Вернусь? Куда вернусь?

— К жизни. Тебе же нужно спасти ребенка!

— Значит, старуха не наврала?

— Я — не гадалка, Мариш!

— Ты не представляешь, как я мечтаю о ребенке, своем ребенке!

— А я не мечтаю, — грустно сказала Варька.

— Почему?

— У меня никогда не будет детей!

Варька опять потянулась за сигаретой и, выпустив облако дыма, добавила:

— Пять лет назад мне удалили матку.

— У тебя был рак?

— Да!

— Варька, бедная ты моя! Сколько же ты пережила!

— Не буду врать, много! Однако жизнь не остановилась, и я попыталась найти в ней свое место.

— И как? Нашла?

— По-моему, да. Видимо, мое предназначение — врачевать человеческие души. Думаю, при такой работе ничто не должно отвлекать. Вот Судьба и распорядилась: хочешь быть психотерапевтом — живи одна!

— А мое предназначение — учить детей.

— Думаю, учить могут многие, — заметила Варька.

— Что ты хочешь сказать?

— Твое предназначение — другое: ты должна отрывать детей от обыденности и будить в их головах воображение. Иначе жизнь для них будет скучной и пресной.

— Как хорошо сказано! Мне кажется, единственное, что я умею делать, — это будить воображение.

— Вот теперь, когда мы так славненько поговорили, можно выпить за мой день рождения!

— Как же я забыла про подарок! Где сумка?

— По-моему, ты бросила ее около кресла.

— Точно, сумка у кресла, а в сумке — канделябр.

Я достала подарок и вручила его Варьке. Она бережно поставила канделябр на камин и сказала:

— Глядя на него, я буду вспоминать тебя, твою маму и наши разговоры при свечах.

Варька достала красные свечи и, вставив в канделябр, добавила:

— Однако главный подарок — это ты!

— Нет, нет, это ты для меня — подарок! После встречи в ГУМе моя жизнь стала ярче!

Я подсела к Варьке и рассказала, что со мной случилось после нашей встречи.

— Ты преувеличиваешь мою роль, — выслушав рассказ, задумчиво сказала Варька. — Ваша с Олегом семья была обречена. Рано или поздно ты сама бы подрубила сваи, на которых стоял ваш дом.

— Почему я?

— Потому что мирок, созданный Олегом Александровичем, стал бы тебе тесен.

— Наверное, ты не поняла, Варь! Олег Александрович — человек многосторонний: у него широкий кругозор, потрясающая эрудиция...

— Я правильно все поняла, и разговор сейчас не об интеллекте, а о мироощущении.

Варька поворошила дрова и, проводив взглядом уголек, упавший на решетку, продолжила:

— Каждый человек сам создает мир. Один говорит: «Мир — хорош, и в нем живут добрые, отзывчивые люди», другой возражает: «Нет, мир разложился и смердит, а люди, живущие в нем, — воры и проходимцы!» Это настолько разные точки зрения, что выстроить прочный и надежный мост между ними невозможно.

— Ты права!

— Допустим, один из двух — человек редкостных качеств. Он — благороден, отзывчив, добр. Мало того, ради другого он готов принести себя в жертву и пересмотреть собственные взгляды. Знаешь, что будет?

— Нет.

— Процесс отторжения пойдет еще быстрее. Стоит только начать в себе копать, как понимаешь: многие взгляды, мысли, убеждения, забившие голову, — не свои, родные, а навязаны окружающим миром. Начинаешь их пересматривать, менять, но... Бикфордов шнур уже подожжен и взрыв неизбежен!

— Ты же говорила, что мифический благородный человек хотел бы собой пожертвовать!

— Да, говорила! Пока этот благородный и отзывчивый человек в себе копался, он разворошил гнездо, состоящее из обид, оскорблений, невнимания и прочих радостей семейной жизни. Ты думаешь, они уйдут? Как бы не так! Это многочисленное войско поднимется из закутков памяти и образует такое черное облако, что человеку станет тошно. По своему благородству он, конечно, попробует его разогнать, но поверь — это невозможно.

Варька помолчала и добавила:

— С такой проблемой может справиться только святой, а ты к этой категории не относишься. Не правда ли?

— Куда мне!

— Вот видишь!

Варька сладко потянулась и стала похожей на большую упитанную кошку.

— А потом человек захочет стать самим собой. Как только это произойдет, черное облако исчезнет, и вместо него появится множество желаний, например: быть свободным, естественным, счастливым, любимым и так далее...

Я слушала Варьку, и в душе разливалось умиротворение. Рядом был настоящий друг, порядочный и надежный. Варька подарила мне не только шубу, что такое шуба, в конце концов! Она подарила себя, а это было самым главным. Теперь я твердо знала: не дай бог, случись что, у меня есть родная душа. От мысли, что рядом со мной две родные души, стало легко и беззаботно.

Все-таки удивительный год!

— Ты у меня переночуешь? — спросила Варька.

— Не знаю, завтра у меня шесть уроков.

— Ничего, на семь утра я вызову такси. Успеешь! — быстро сказала Варька.

Похоже, ей хотелось, чтобы я осталась.

— Хорошо! Надо только предупредить Дмитрия Павловича.

Я позвонила дедушке, затем, сбросив тапки, улеглась на диван. Прижав к себе шелковую подушку, я смотрела на тлеющие огоньки и ни о чем не думала.

— Что касается твоей случайной встречи с Дмитрием Павловичем, — Варька нарушила наше молчание, — здесь, по всей вероятности, вступили в работу Высшие силы.

— Варь, а ты — верующая?

— Конечно! Думаю, поэтому и осталась в живых.

— Давай о грустном не будем!

— Давай, — согласилась Варька.

Поговорив о разных пустяках, мы отправились спать. Уже проваливаясь в сон, я

услышала ласковый голос старухи:
«Я познакомлю тебя с орлом!»

Самолет авиакомпании Air France приземлился в аэропорту Руасси Шарль де Голль и еще долго катил по бетонной полосе к аэровокзалу. Я сидела около окна и напряженно вглядывалась в полумрак парижской весны. Наверное, в этот момент я была похожа на нахохлившегося воробья: сердце отчаянно колотилось, а руки судорожно сжимали носовой платок. В этом не было ничего странного: я всегда нервничаю, сталкиваясь с неизвестностью, а парижский аэропорт был вратами в неизвестность. Мое нервное оцепенение было прервано приятным женским голосом.

— Первый раз в Париже?

Я вздрогнула и обернулась. Моя соседка уже тщательно упаковала ноутбук и приветливо смотрела на меня.

— Первый, — ответила я.

— Этот город вам понравится, — сказала она. — Париж не может не понравиться.

— Надеюсь.

Я опять посмотрела в окно. Огни приблизились, и самолет остановился.

— Вы туристка? — спросила женщина.

— И да, и нет. У меня есть дела в Париже.

— Только не дайте им себя поглотить! По своему опыту знаю, что такое дела. Вот уже пятнадцать лет я летаю в европейские столицы каждый месяц: то в Париж, то в Лондон, то в Рим...

Женщина поставила на колени дорожную сумку и, тоже посмотрев в окно, почему-то вздохнула.

— Кажется, я побывала во всех европейских странах. А спроси меня, что я видела? Аэропорты, гостиницы, офисы, залы для конференций... Поверьте, они везде похожи, как братья-близнецы.

— Не скажите! — возразила я. — Мне кажется, аэропорты и гостиницы отличаются друг от друга.

— У вас большой опыт? — спросила женщина, но, почувствовав, что я готова нырнуть в скорлупу, тут же сменила тон. — Трудно с вами не согласиться. Действительно, гостиницы и аэропорты могут быть разными: маленькими и большими, старомодными и современными, удобными и не очень. Дело не в этом.

Женщина задумалась, и ее взгляд остановился на дорожной сумке. Она погладила гладкую коричневую кожу, дотронулась до массивного кодового замка и продолжила:

— Вот, например, сумка. Она — удобна, добротна, и тем не менее, это всего лишь сумка. Ее функция — хранить мои вещи, и только! То же самое — гостиницы и аэропорты. Их функция — дать вам временный приют, создать временные удобства, помочь с комфортом дожидаться вылета самолета и так далее. Все это замечательно! Но ни гостиница, ни аэропорт не дадут вам представления о городе, в который вы приехали или прилетели. Знаете почему?

Она сделала паузу и усмехнулась.

— Потому что в них нет души. Да, да, не смейтесь. Эти достойные сооружения могут быть элегантно, красивы, но абсолютно бездушны! Другое дело — город. В каждом городе — своя тайна, своя история. Вы скажете, что и у гостиницы есть история. А я вам отвечу так:

это все равно как настоящее и лубочное. Любой старый город сохранил в себе дыхание миллионов людей, он пропитан любовью и ненавистью, на его мостовых сохранились следы прежних жителей. Нет, что ни говорите, в городе есть душа: старая или молодая, неповторимая или типичная, сложная или простая. Я не сразу это поняла. А когда поняла, стала внимательно вслушиваться в городские звуки, смотреть на горожан, медленно ходить вдоль крепостных стен и подолгу стоять на площадях, наблюдая за жизнью города. Всего этого лишаешься, если едешь в составе экскурсионных групп.

Женщина повернулась ко мне и быстро спросила:

— Надеюсь, вы приехали в Париж не в составе туристической группы?

— Нет, я сама по себе.

— Вот и прекрасно! Это тот самый случай!

— Какой случай?

— Поскольку вы — сама по себе, значит, сможете то, чего не смогут многие из этих людей.

Она перевела взгляд на салон самолета.

— По всей вероятности, большая часть пассажиров — туристы, прилетевшие посмотреть на «сердце Европы». В отличие от них вы сможете увидеть и услышать жизнь настоящего Парижа: не туристического, а будничного. И тогда...

Женщина зажмурила глаза и глубоко вздохнула.

— Тогда вы влюбитесь в этот город! Вы захотите приезжать сюда еще и еще. Зимой, весной, летом, осенью. Вы будете каждый раз открывать для себя новый Париж и наконец поймете: такого города нигде нет, это город-колдун. Он забирает сердца и не отдает их обратно.

— Слушая вас, можно подумать, что ваше сердце Париж уже забрал, — заметила я.

— А я этого и не скрываю!

Женщина засмеялась, и на ее щеках заиграл симпатичный румянец.

— Я уже давно влюблена в Париж и, поверьте, ищу любую возможность, чтобы приехать сюда еще и еще раз.

— Дамы и господа, авиакомпания Air France благодарит вас... — по самолету полетел голос капитана корабля, и бортпроводники, приветливо улыбаясь, встали у выхода.

— Желаю вам приятного отдыха! — сказала моя соседка и встала.

Женщина быстро пошла к выходу, и я даже не успела ни поблагодарить ее, ни сказать традиционное: «До свидания!»

«Как неожиданно проявляет себя человек! — подумала я, оставаясь сидеть в кресле самолета. — Весь полет молчала, погрузившись в свои записи, а, приземлившись, разговорилась. И как! Какие образы в голове этой женщины! «Город-колдун», — звучит мистически».

Я люблю образные сравнения, к тому же, в высказываниях моей соседки был особый смысл, а такие разговоры всегда доставляют мне необъяснимое удовольствие. Обычно после этого я еще долго ощущаю некое послевкусие, которое про себя называю литературным гурманством.

Слова попутчицы навели меня на мысль, суть которой была в следующем: большая часть наших кумиров похожа на современные гостиницы или аэропорты — внешне респектабельны, ухожены, благополучны, а внутренне — пусты и бездуховны.

Пройдя паспортный контроль и получив багаж, я вышла в вестибюль аэропорта. На табло бежали цифры метеосводки: «Температура воздуха +2 градуса, ветер северо-западный, 6 метров в секунду, влажность 92 процента».

«Нежарко! И это парижская весна?»

В вестибюле я увидела две группы. Одна — это российские туристы, стоящие около гида; вторая — встречающие. Среди последних выделялся высокий мужчина, на шее которого висела табличка с крупными буквами. Приглядевшись, я прочитала: «Морис». Мужчина стоял около урны и курил. На вид ему было лет сорок. С высоты своего немаленького роста он поглядывал на пассажиров, выходящих из зоны таможенного контроля, и, щури большие глаза, казалось, кого-то высматривал.

«Наверное, близорук», — подумала я.

Мои глаза остановились на его шапке-ушанке из стриженного кролика.

«По-моему, это настоящий раритет. В Москве такие шапки носили лет двадцать назад».

Мне стало смешно. Увидеть в Париже шапку-ушанку! И когда? В конце марта! Мужчина с загадочной табличкой «Морис» явно относился к категории парижских модников. Его ботинки, куртка, яркий желтый шарф, небрежно повязанный вокруг могучей шеи, были самого высокого качества. И вместе с ними — стриженный кролик! А с каким достоинством он поглядывал по сторонам. Можно подумать, что его голову украшает корона. Чудно! Вот тебе и Париж!

«По-моему, меня заклинило! Шапка, табличка «Морис»... Постой, так меня же должен встречать некто с табличкой на шее! Как же его имя? Впрочем, зачем оно? Ясно, что парижанин в желтом шарфе и есть мой встречающий!»

Я облегченно вздохнула и решительно направилась к мужчине. Он заметил мое приближение и радушно улыбнулся.

— Наверное, вы меня встречаете?

— Если вы — Маргарита Владимировна, то вас! — ответил он и протянул мне руку.

— Морис.

— Очень приятно, Рига.

— Рита — это по-русски, а по-французски — Марго. Вы позволите называть вас Марго?

— Лучше — Рита. Я же не француженка.

— А как называют вас друзья?

— Самые близкие — Мариной.

— Когда-нибудь я назову вас так же! — воскликнул Морис, откровенно разглядывая меня с ног до головы.

Это заявление было неожиданным. Я вопросительно уставилась на нового знакомого и ничего не ответила.

«Однако ведет он себя несколько развязно».

— Пардон! — обаятельно улыбнулся Морис. — Кажется, я поспешил с прогнозом. Вы на меня не сердитесь?

— Ничего, ничего!

— Какое милое русское словечко! Оно так весело звучит: «Ничего, ничего!» И главное, за ним ничего нет. Это каламбур, не находите?

Он непринужденно рассмеялся.

— Как мне сказал Дмитрий Павлович, вы по специальности филолог. Правильно?

— Да. В настоящее время я преподаю литературу.

— Ой, ой! Вы — учительница? Наверное, очень строгая?

Морис дотронулся до моего плеча и, театрально запахнув шарф, слегка отстранился. Увидев, что я не разделяю его игривого тона, он подхватил чемодан и сказал:

— Если не возражаете, потихоньку двинемся.

«Похоже, что некоторое представление о моей скромной особе он уже составил», — подумала я, направляясь вслед за своим провожатым.

Мы подошли, к лифту, и, галантно пропустив стоявших рядом женщин, Морис вошел последним. Он прижался ко мне и, улыбаясь, посмотрел в зеркало лифта.

«Прямо Джоконда какая-то! Или какой-то? Все время загадочно улыбается», — подумала я и нахмурилась.

Признаюсь, его театральность меня несколько раздражала.

«Почему именно он приехал в аэропорт?»

— Не удивляйтесь, что встретить вас поручили мне, — неожиданно сказал Морис, выводя меня к стоянке машин.

Я вздрогнула и остановилась. Способность людей проникать в чужие мысли меня пугает истораживает. То, что Морис обладает этой чертой, мне стало ясно с первых минут встречи.

— Дмитрий Павлович рассматривал несколько вариантов нашей встречи. По всей вероятности, моя мобильность и наличие небольшой, но очень шустрой машины сыграли свою роль, и вот я перед вами.

— Вы очень хорошо говорите по-русски, — заметила я.

— Это комплимент! Однако поверьте, моей заслуги в этом нет. У меня была русская мама, русская няня, русская гувернантка, затем...

Морис подошел к желтому «Пежо» и, забросив чемодан в багажник, предложил сесть в машину.

— К тому же, вот уже десять лет я работаю русскоязычным гидом. Каждый божий день вожу по Парижу русские группы, так что постоянно тренируюсь и совершенствуюсь. Можно сказать, мы с вами почти коллеги: вы преподаете литературу, а я знакомлю туристов с историей и искусством Франции.

— Чудесно! — оживилась я. — Надеюсь, вы будете гидом и для меня?

— Не сомневайтесь! — ответил он.

Моя авиапопутчица оказалась права: стоило желтому «Пежо» пересечь кольцевую дорогу, город взял меня в плен. Несмотря на прохладную погоду, Париж выглядел повесеннему. Каштаны выбросили вверх свежие зеленые листья, бульвары пестрели клумбами с аютиными глазками, молодая трава выглядывала из ровных прямоугольников, окруженных невысокими бордюрами. Многочисленные фонари подсвечивали стройные ряды домов, окна которых были украшены ставнями и замысловатыми решетками. Я крутила головой и в восхищении ерзала на кожаном сиденье машины.

— Нравится? — искоса взглянув на меня, спросил Морис.

Он поправил свою нелепую шапку и небрежно закинул за плечо выбившийся шарф.

— Еще пара недель, и Париж будет пахнуть каштанами и кофе, — добавил он.

— По-моему, так однажды сказал Тургенев: «Париж пахнет каштанами и кофе».

— А вас не проведешь! — улыбнулся Морис.

— И не пытайтесь! — Я приоткрыла окно машины и глубоко вдохнула прохладный парижский воздух. — Удивительное ощущение! Действительно пахнет кофе.

— Кофе у нас везде и, замечу, очень неплохой.

Морис осторожно притормозил и пропустил стайку девушек, переходящих дорогу. Так же, как и большинство московских девушек, юные парижанки были одеты в джинсы и яркие куртки. Длинные полотняные сумки через плечо, кроссовки на ногах, минимум косметики на оживленных лицах. Девушки как девушки! Странно было другое: переходя дорогу, они продолжали болтать и даже не глядели по сторонам.

— Кажется, что у них нет чувства опасности! — заметила я.

— Так оно и есть, наши пешеходы чувствуют себя на дорогах слишком раскрепощенными, — проворчал Морис, нажимая на тормоз.

На сей раз дорогу переходил старик, тащивший за собой две больших сумки.

— Клошар! Сейчас пойдет на другую сторону улицы и устроится около ближайшего вентиляционного люка.

— Зачем?

— Чтобы согреться, — усмехнулся Морис. — Это же бомж! Вот он и таскается от одного люка к другому. Видите, круглые решетки на асфальте? Там выход теплого воздуха из метро. Ночи еще холодные, вот клошары и устраиваются на решетках.

— И много у вас бомжей?

— Не знаю. Может быть, двадцать тысяч, может быть, больше.

Я удивленно повела плечом.

«Странно! В таком красивом городе — и бомжи! В Москве их присутствие не удивляет. Можно сказать, к бомжам мы даже привыкли, а здесь... Здесь так чисто, цивилизно!»

— У нас очень лояльные городские власти. Время от времени специальные службы снабжают клошаров одеждой, приглашают помыться, побриться.

Морис криво ухмыльнулся и добавил:

— Что тут говорить, демократическое общество! Права человека и его свободы стали всеобщей навязчивой идеей!

Похоже, он не одобрял излишнюю лояльность властей.

— Париж, Маргарита Владимировна, разный! Когда я вожу по городу туристов, я показываю им парадный Париж. Они с удовольствием слушают о выдающемся префекте Османе, который создал облик современного города; о бульварах, разбитых на месте пяти насыпей; о площадях, дворцах, скверах. Не буду перечислять, сами услышите. Однако я не акцентирую внимание на проблемах города. Зачем? Люди приехали посмотреть на Париж, а проблем и дома у всех хватает.

Мы выехали на широкую улицу, где движение автомобилей напомнило мне Москву. Автомобильный поток разбивался на две реки, текущие навстречу друг другу, и время от времени возникали небольшие пробки.

— Похоже на Москву? — спросил Морис.

В очередной раз я удивилась его прозорливости.

— Это бульварное кольцо. Для Парижа двустороннее движение не характерно. У нас все больше улиц, где машины идут в одном направлении. Вот и приходится кружить по городу.

— Я смотрю, у вас популярны небольшие машины.

— Правильно заметили! С большими машинами — хлопотно: парковаться — проблема, с гаражом — опять проблема. Видите, сколько у нас мотоциклистов, самый мобильный транспорт!

Я кивнула головой, и тут же задохнулась от восторга. Мы проезжали мимо помпезного здания, украшенного колоннами, статуями, позолотой.

— Опера Гарнье, — с гордостью сказал Морис. — Наш театр оперы и балета. Перед ним, как правило, я и собираю свои группы.

Он слегка притормозил и, пригнувшись ко мне, показал на ступени, ведущие к входу в театр.

— Видите? Если захотите, можете прийти сюда завтра к девяти часам. У меня обзорная экскурсия по Парижу.

— Не обещаю, — ответила я. — Мне хочется побродить одной.

— Хороший вариант! — тут же согласился он и полез в бардачок. — Вот карта Парижа, вы можете обойти весь город за три дня.

Мы подъехали к красивому серому дому и остановились.

— Я вас провожу, — сказал Морис, выходя из машины. — Номер моего телефона у вас есть. Если захотите пообедать, звоните.

— Пожалуй, перекушу дома. Кое-что я захватила с собой.

— Как хотите. Только не забудьте позвонить Дмитрию Павловичу.

«Боже, как это я забыла!»

Моя рука потянулась к сумке, но Морис уже шел по направлению к большой двери, и, боясь потеряться, я быстро двинулась за ним.

«Сейчас войду в квартиру и позвоню».

— Ключи не забыли? — спросил Морис.

— По-моему, нет, — растерянно сказала я и полезла в сумку.

Он рассмеялся, и ослепительный ряд зубов в очередной раз отвлек меня от главной мысли этого момента: «Где ключи?»

— Нашла! — радостно воскликнула я и достала красивую ключницу, на каждой петельке которой висел отдельный ключ.

— Смотрю, вы несколько рассеянны, Маргарита Владимировна!

— Бывает! — коротко ответила я.

На площадке второго этажа мы остановились. Морис подошел к двери, обитой кожей и искусно украшенной фрагментами тонкой металлической ковки.

— Вот вы и дома! — сказал он.

Стараясь не выдать охватившего меня волнения, я стала открывать дверь. Один замок, второй, третий. Я помнила наставления Дмитрия Павловича и четко следовала его инструкциям. Наконец дверь открылась, и передо мной оказался большой холл, заставленный книжными шкафом. Казалось, я никуда не уезжала. Еще минута — и в холл выйдет Дмитрий Павлович. Он крепко прижмет меня к велюровому домашнему пиджаку, поцелует в макушку и скажет:

— А вот и Мариночка пришла!

— Я пойду?

Морис вопросительно смотрел на меня, и, казалось, ждал приглашения.

— Спасибо! — быстро ответила я и протянула руку для прощального приветствия.

— Пожалуйста, — грустно ответил он.

— Мне надо немного отдохнуть.

— Конечно, конечно! Такая длинная дорога!

— К тому же, разница во времени.

— Сколько сейчас в Москве?

Я посмотрела на часики:

— Одиннадцать вечера. Уже поздно!

— В Париже жизнь только начинается, — с улыбкой заметил Морис.

— До встречи!

Я подхватила чемодан и закрыла дверь перед его носом.

— До встречи, Рита! — послышался через дверь голос Мориса. — Жду вашего звонка.

— Жди! — прошептала я и полезла в сумку за телефоном.

«Милый дедушка, как же я про тебя забыла!»

Я нашла номер Дмитрия Павловича и, присев на чемодан, стала ждать ответа.

— Мариночка, это ты? — послышался родной голос.

— Дедушка, прости, что сразу не позвонила! — закричала я в телефонную трубку.

— Я и не удивляюсь! — послышался короткий смешок. — Париж тебя заставит забыть обо всем на свете.

— Обо всем, — продолжала орать я, — только не о тебе!

Новые впечатления роились в голове, и возбуждение нарастало. Почему-то казалось, что из-за большого расстояния между нами дедушка плохо слышит, и я старалась говорить как можно громче.

— Я знал, что ты приземлилась благополучно.

— Морис тебе звонил?

— Да, как только в аэропорту сообщили о прибытии самолета. Как он тебе понравился?

— Самолет?

— Нет! — засмеялся Дмитрий Павлович. — Морис!

— Морис? — переспросила я. — По-моему, он пижон!

Посмотрев на дверь, я понизила голос.

— Морис встретил меня в аэропорту, довез до квартиры, рассказал массу интересных вещей...

— Вот и хорошо! — ответил Дмитрий Павлович. — Морис — воспитанный, интеллигентный человек. Забыл тебе сказать: он сын моей старой приятельницы.

— Да, да, слушаю, дедушка!

За дверью послышались легкие шаги.

«Сразу не ушел, — подумала я. — Значит, про «пижона» слышал».

— Как впечатления?

— Потрясающие!

Я вскочила на ноги и заходила по холлу.

— Теперь понимаю, почему ты так часто вспоминаешь Париж!

— У тебя еще все впереди! — с легкой грустью сказал Дмитрий Павлович. — Этот город раскрывается постепенно.

— Я уже почувствовала.

— Посмотрела квартиру?

— Нет! Пока что стою в холле и вижу знакомые книжные шкафы.

Я включила свет и охнула.

— Дедушка, по-моему, тут шикарно!

— Рад, что тебе нравится, не буду мешать. Отдыхай с дороги.

— Дедушка, я тебя очень люблю! Не болей, пожалуйста!

— Уже поправляюсь, позвони завтра.

— Обязательно! Целую!

— Спокойной ночи, Мариночка!

— Спокойной ночи!

Я положила в сумку телефон и вздохнула:

«Только бы не расхворался!»

Желание посмотреть квартиру отвлекло меня от страха за здоровье Дмитрия Павловича, и, сбросив у порога туфли, я медленно двинулась к комнатам.

— Ух ты! — невольно воскликнула я, войдя в гостиную.

Свет от старинной люстры разбежался в разные стороны, и я увидела множество картин, развешанных по стенам комнаты. Картины смотрели друг на друга, и в их размещении был особый смысл. Справа от меня висели пейзажи. Здесь был и луг, и сосновый лес, и пышная тропическая растительность, и липовая аллея с солнечной дорожкой, и степь. Особенно трогательным был луг. Высокая трава еще не высохла от росы, и маленькие капли, отражая солнечные лучи, были похожи на рассыпанные бриллианты. Одинокие колокольчики, повернув нежные головки навстречу солнцу, казалось, слегка жмурились от яркого света. Большие луговые ромашки одобритительно кивали бело-желтыми коронами, а над всем этим великолепием кружили две птицы. В дрожащем утреннем мареве птицы были еле заметны, но их присутствие ощущалось всеми органами чувств. Казалось, что до тебя доносится их одинокая песня, слышится легкий шелест небольших крыльев.

«Птицы похожи на человеческие души, — подумала я, замороженная картиной. — Души поют гимн летнему утру, а их хозяева мирно спят в высокой траве».

Я дотронулась до холодного стекла картины и провела пальцем по зеленой траве.

«Может быть, эту картину написал мой прадедушка?»

По левой стене висели натюрморты, и похоже, они были написаны одним художником. Видимо, этому человеку было присуще зимнее настроение: в его картинах преобладали белые, блекло-голубые, серовато-зеленые тона. Одинокая лилия в изящной вазе; хрупкая обледеневшая ветка, небрежно брошенная на стол; плоская тарелка, заполненная еловыми шишками, — от всего этого веяло холодом и унынием.

Я отошла от двери и еще раз посмотрела на картины.

«Кажется, что друг на друга смотрят жизнь и смерть. Радостная, светлая жизнь и блеклая, таинственная смерть».

Я подошла к окну и отстранила тяжелую парчовую штору. Огромное окно было вровень с полом, и мне показалось: еще шаг — и я окажусь на улице. Подо мной несся плотный поток машин, витрины магазинов — ярко украшены, веранды ресторанов заполнены людьми. Несмотря на наступающую ночь, Париж не спал и был оживлен. Аккуратно задвинув штору, я опять оказалась в царстве картин. Казалось, в комнате застыли мысли людей, живших здесь много лет назад. Наверное, эти люди тоже смотрели на бульвар, сидели в уютных парижских ресторанчиках, пили вино. А сейчас их нет, совсем нет! Они ушли, а картины, в которых часть их души, остались. Жизнь и смерть, тело и душа. Мне хотелось смотреть на эти картины, хотелось разгадать их тайну.

Я оглянулась. В комнате стояли тяжелые кресла, между ними висели бронзовые бра. Я выключила люстру и включила бра. Часть картин ушла в тень, часть стала выглядеть ярче, осмысленнее. На картине с лугом уже не было видно птиц, а трава, казалось, ловила последние лучи солнца.

«Удивительно, все в этой комнате удивительно! Почему дедушка не вывез эти картины? Наверное, он скучает без них».

Мой взгляд привлек большой предмет, стоящий в углу комнаты. Я встала и подошла к нему.

«Арфа! Неужели дедушка играл на арфе? Не может быть! Наверное, на ней играла моя прабабушка? Или Натали?»

Мысль об этих женщинах вызвала легкий трепет, и, надеясь найти следы их присутствия, я пошла в другие комнаты. Две из них, по всей вероятности, были женскими спальнями. Они походили на будуары, описанные в романах девятнадцатого века. Большие кровати с балдахинами, туалетные столики с хрустальными флаконами, мягкие пуфы и опять картины. В одной спальней были картины с пасторальными сценками, в другой — морские пейзажи.

Я осторожно взяла один из хрустальных флаконов и открыла пробку. Запах жасмина, смешанный с легким ароматом роз, вырвался наружу, и мне показалось, что в комнату вошла женщина в длинном шелковом платье. Эта женщина ласково посмотрела на меня, приветливо улыбнулась и исчезла.

«Екатерина Владимировна! Вот, оказывается, кто жил в этой комнате».

Я подошла к платяному шкафу и открыла дверцу. Множество платьев. Все они пахли нафталином и, как ни странно, духами своей хозяйки. Погладив старинное кружево, я закрыла шкаф и направилась на кухню.

«А мама ничего этого не знала! Как бы обрадовалась, увидев Париж! Ей не довелось познакомиться с Дмитрием Павловичем, увидеть комнаты своей бабушки, тети...»

Резкий звонок мобильного телефона остановил мои мысли на полпути. Я вскочила и бросилась к сумке.

— Алло! — тревожно крикнула я. — Алло!

— Риточка! Я вас напугал? — раздался приятный мужской баритон.

— Нет! То есть, да!

Я уже поняла, что это — Морис. Звонок оторвал меня от грустных воспоминаний и вовремя перенес в реальность.

— Уже отдохнули?

— Рада, что позвонили.

— Одиноко?

— Нет, тут другое! Квартира наполнена запахами моих предков.

— Может быть, на время надо нарушить воспоминания?

— Пожалуй, вы правы.

— Я зайду за вами, постараюсь развеять минорное настроение.

— Хорошо, — ответила я и устремилась к чемодану.

«Пожалуй, надену маленькое платье».

Перевернувшись юбки и брюки, я вытащила темно-зеленое платье, которое накануне отъезда мы с Лялькой купили в Доме моды.

Спасибо ей! Натягивая на себя платье, я вспомнила, как мы носились по магазинам и выбирали платье, брюки, сапоги...

Я посмотрела в овальное зеркало, висевшее в прихожей, и собственный внешний вид мне понравился. Накинув плащ, я прошла перед зеркалом. Высокие каблуки и длинные полы плаща зрительно увеличили рост, бледность лица растворилась в полумраке прихожей,

а вместе с ней улетели усталость и легкая грусть. Я улыбнулась и запела, пытаюсь подражать голосу Эдит Пиаф.

Звонок в дверь прервал мою песню, и я загремела замками.

— Какая женщина! — увидев меня на пороге, воскликнул Морис. — Настоящая метаморфоза!

— Куда идем?

— На Монмартр, куда же еще! — ответил Морис, продолжая меня рассматривать.

— Тогда вперед!

Я закрыла квартиру и зацокала каблуками по мраморной лестнице.

— У вас в Москве все такие волшебницы? — спросил Морис, бережно придерживая меня за локоть.

— Все!

— Загадочна женская душа! — улыбаясь, сказал Морис. — А русская душа загадочна вдвойне!

— На это утверждение мне ответить нечего!

— Почему?

— Потому что оно справедливо!

Я с удовольствием посмотрела на огни бульвара Хаусманн.

— Как я мечтала о Париже последние три месяца!

— А раньше не мечтали?

— Раньше даже подумать об этом не могла!

— Почему?

— Потому что была не знакома с дедушкой.

Видимо, Морису трудно было понять, какая тут связь. Пожав плечами, он подвел меня к такси, стоявшему недалеко от дома, и открыл заднюю дверь.

— Думаю, самое время перейти на «ты», — предложила я, усаживаясь в машину.

— С радостью!

Мы ехали по Парижу и молчали.

«Видел бы меня сейчас Олег Александрович. Не узнал бы! Такая красotka! Едет по Парижу! И куда? На Монмартр! А если бы он узнал, что я еду в ресторан, к тому же — не одна! Пожалуй, он сказал бы: «Ночью в ресторан ездят только падшие женщины и мафиози!» А я — ни то ни другое! Вот так-то, нестыковочка получается!»

Я гордо подняла голову, и презрительная гримаса пробежала по моему лицу.

— Что-то не так? — встревоженно спросил Морис.

— Все очень хорошо! — улыбнулась я, и гримаса юркнула в заветный сундучок, где хранились мои эмоции.

«Конечно, за три месяца я сильно изменилась! Вспомнить, например, мой предновогодний поход в ГУМ: замученная жизнью тетка, ни больше ни меньше! Правильно Варька тогда сказала: «Вся ты, Мариш, какая-то скукореженная!» А теперь мое «Я» вырвалось наружу, и оказалось, оно и не такое робкое, как всем представлялось!»

Я вспомнила Ляльку. Провожая меня в аэропорт, она одобрительно заметила: «Наконец-то в тебе появилась женщина!»

«Господи! Что же нужно русской бабе, чтобы почувствовать в себе женщину? Деньги, внимание, любовь? Наверное, и то, и другое, и третье! Но в моем случае все это дал не муж, не любовник, а старенький дедушка! Хотя, зачем так? Дедушка, — это верно, но не

старенький! Дмитрий Павлович еще сто очков форы даст современным мужчинам! А кто такие эти современные мужчины? Вот Морис, например. Пижон! А что прячется за его пижонством?»

Я повернулась к Морису. Он смотрел в окно и, казалось, о чем-то размышлял.

— Это Сена? — увидев набережную большой реки, спросила я.

— Сена, — как эхо отозвался он. — А рядом Лувр.

«Лувр! Я проезжаю мимо Лувра! Дворец французских королей!»

— Вот мы и приехали, — сказал Морис.

Передо мной возвышался огромный холм, на вершине которого стоял белый храм.

— Монмартр и базилика Сакре-Кер, — пояснил Морис.

Он повел меня к лестнице, ведущей на вершину холма.

— Осилишь двести тридцать семь ступеней?

— Запросто!

Мы поднимались все выше и выше. Где-то посреди лестницы Морис свернул налево, и через пару минут мы оказались перед небольшим домом.

— Дом-квартира Ренуара, — сказал он и подошел к бетонной стене, возвышавшейся рядом с домом.

Я приблизилась к Морису и в свете одинокого фонаря увидела голову и ногу человека, как бы проходящего сквозь стену. Было ощущение, что это реальный человек, который, казалось, через минуту появится перед нами.

— Эта скульптура — творчество Жана Марэ.

— Артиста?

— Да.

«Жан Марэ и скульптура! Оказывается, артисты обладают не только большой фантазией, но и оригинальным юмором! Вот где открывается Париж!»

— А теперь — в ресторан, — сказал Морис и, властно взяв меня под руку, повел назад к лестнице, ведущей на Монмартр.

Спустя два часа я уже рассказывала Морису о впечатлении, которое он произвел на меня в аэропорту. Мы сидели в небольшом ресторанчике на Монмартре и пили вино. Временное похолодание, спустившееся на Париж, стало отступать, и, глядя в окно ресторана, я ощущала наступающую весну, праздность гуляющих туристов, тайну Монмартра и массу других милых мелочей. Вкусный ужин, вино, присутствие интересного мужчины — все это вместе подняло тонус и разогрело меня. Мои щеки пылали, глаза радостно смотрели на окружающий мир, и мне захотелось пооткровенничать.

На нашем столике горела свеча, и ее огонь отражался не только в глазах, но и в стоящих перед нами фужерах. Морис задумчиво крутил ножку фужера и наслаждался игрой света, дрожавшего внутри вина. Казалось, он полностью поглощен этим занятием, и мой рассказ нимало не занимает его. Однако я ошибалась. Стоило мне замолчать, он взглянул на меня, и я почувствовала теплый живительный поток. Было ощущение, что на меня смотрит южная душная ночь. В этой ночи смешались жар земли, запах трав, мерцание звезд, ласка, таинственное и магическое притяжение. Я торопливо поднесла фужер к губам и опустила глаза. Глоток вина прибавил к ощущению южной ночи неповторимый вкус темного душистого винограда.

— Хочешь, расскажу, какой показалась мне ты? — спросил Морис.

«Боже мой! Сейчас он все испортил!»

— Я приехал в аэропорт задолго до твоего приземления, мне не сиделось на месте. Казалось, что тут особенного? Давний приятель матери позвонил и попросил встретиться свою родственницу.

«Записывай, — сказал Дмитрий Павлович, — самолет компании Air France, рейс номер 576, прилетает в Париж в 20 часов. Ты встретишь Маргариту Владимировну, отвезешь ко мне на квартиру и, если она захочет, проводишь ее в ресторан. Помнишь мой адрес?»

— Помню, — ответил я.

— Вот и хорошо! В таком случае я — твой должник. Позвони накоротке, когда встретишь.

— Не знаю почему, но поручение Дмитрия Павловича выбило меня из колеи. Я правильно сказал: «выбило из колеи»? — спросил Морис и тревожно посмотрел на меня.

— Как ты боишься сделать ошибку!

— Не боюсь, просто стараюсь не делать! — ответил Морис, и в его глазах вспыхнула холодная льдинка.

«Может быть, показалось?»

Тем временем мой кавалер поднял фужер и, посмотрев на свечу сквозь вино, аккуратно поставил его на место. Его манипуляции с фужером были непонятны.

— Так вот, стоя в аэропорту, я думал: «Интересно, как выглядит Маргарита Владимировна?»

— Ты даже не знал, сколько мне лет?

— Я и теперь не знаю, сколько тебе лет, а тогда... Тогда мне твой дедушка даже не описал тебя.

— И правильно сделал.

Морис бросил быстрый взгляд в мою сторону и взял сигарету. Я уже успела заметить,

как он реагирует на настроение собеседника. Заметив малую толику недовольства, Морис или предлагал бокал вина, или начинал вертеть в руках какую-либо вещицу, или рассказывал нечто интересное и познавательное. В любом случае он переводил разговор на другую тему.

— Забыл тебе сказать, — закурив, продолжил Морис, — прощаясь, Дмитрий Павлович попросил повесить на шею табличку с моим именем.

— Дедушка позвонил мне за час до вылета и сказал только одно: «Тебя встретит Морис».

Я тоже взяла сигарету и закурила.

«Совсем разбаловалась! Сигареты, вино, неспешные разговоры за полночь, загадочный мужчина...»

В глазах Мориса блеснула радостная искорка.

«Каков талант! Опять успел перехватить мою мысль! — восхитилась я и быстро скрестила под столом ноги. — Но я его перехитрю!»

Если бы я рассказала о своем приемчике посторонним, меня бы сочли за идиотку. На эту тему я предпочитала говорить только с самыми близкими подругами. К таковым я относилась: Ляльку, Нюту и Варьку. По моему глубокому убеждению, которое основывалось на подсознательном суеверии и собственном жизненном опыте, скрещенные ноги и пальцы позволяет сберечь собственные мысли от постороннего посягательства.

— Как медленно продвигается наш разговор! — услышала я. — И в этом виновата ты!

Морис положил свою ладонь на мою и осторожно прижал ее к столу. Продолжая держать ногу на ногу, я подумала:

«Каким двояким он кажется! С одной стороны — большой позер; с другой — очень мил: умеет развеселить, мастерски рассказать забавную историю. Правда, иногда он меня страшит. Его глаза... Какие удивительные у него глаза! И тело... большое, сильное мужское тело. Кажется, в его объяснениях можно спрятаться от всех неприятностей...»

Я еще крепче сжала ноги и строго посмотрела на Мориса. Он с неохотой убрал руку и опять потянулся за сигаретой.

— Когда ты подошла, я был приятно удивлен. Маленькая, хрупкая, в тебе есть что-то от француженки: легкая поступь, точеные ножки. Но больше всего меня поразили твои глаза.

«И он про глаза!»

— Твои глаза — очень русские: большие и бездонные. Они похожи на два озерца, заполненных прозрачной зеленой водой.

— Ты хорошо знаешь глаза русских женщин? — язвительно спросила я.

Морис отвел взгляд и смущенно заметил:

— Я видел многих русских женщин. Ты же знаешь, туристические группы следуют одна за другой. Женские глаза — особенные: в них есть необъяснимая прелесть. Когда я разговариваю с туристами, стараюсь смотреть им в глаза. По их взгляду можно понять: интересно им или не очень, достаточно информации или нет. Чаще всего меня привлекают светлые глаза. Они — то ясные, то прозрачно-холодные, как лед в горном ручье, то подернуты серовато-зеленой поволокой. Когда я увидел тебя в аэропорту, мне показалось, что я взглянул в два холодных лесных озерца. Они еще не проснулись от холодов, поэтому в них плавали ледяные иголки и...

— Как ловко ты меня поддел! — перебила я.

— Нет, нет! Ни в коем случае, я всего лишь передаю свои ощущения. Ощущения от тебя!

Он окинул меня тревожным взглядом и продолжил:

— А еще — твои волосы. Они напоминают спелую пшеницу в жаркий июльский день.

«Черт знает что! Полный набор опытного ловеласа. Еще немного — и я брошусь в объятия Мориса со словами: «Как поэтично! Бери меня!» Бедный Морис! Как он старается!»

— Пора уходить, — сказала я вслух.

Морис потянулся за кошельком. Мы встретились глазами, и его взгляд словно спросил:

«Ну как? Понравилось?»

«Слишком банально!»

Мне показалось, что Морис стал меньше ростом. Он поднялся, и мы вышли из ресторана.

«Очень самолюбив, не любит проигрывать!»

Я была довольна. А почему бы и нет? Париж, Монмартр, рядом красавец мужчина, ощущение, что ты — желанна.

«Хороший вечер! Мой кавалер наговорил кучу комплиментов, а мне хоть бы хны! Но, как бы то ни было, удовольствие я получила! А Морис не получил ничего! Ничего! Действительно неплохое словечко!»

Я оглянулась на базилику и, прижавшись к Морису, спросила:

— А почему она называется Сакре-Кер?

— В переводе это значит «святое сердце», — профессионально ответил он.

— Красивое название!

Настроение Мориса вмиг улучшилось, и он живо отреагировал:

— Это не просто святое сердце, это сердце Христа, кровоточащее за человечество.

«Домашняя заготовка опытного гида», — улыбнулась про себя я.

— Базилику построили в конце девятнадцатого века, — продолжил Морис, — и первое время французы называли ее «национальным тортом».

— На торт не похоже!

— Не похоже.

«И все-таки он хочет произвести впечатление!»

— Теперь куда? — спросил Морис.

— Не знаю, куда ты, а я — домой.

— Хорошо!

Морис поднял руку и остановил такси.

До бульвара Хаусманн мы доехали молча. Выходя из машины, я легко прикоснулась губами к щеке Мориса и со всей теплотой, на которую была способна, сказала:

— Спасибо, ты подарил мне чудесный вечер!

Морис вспыхнул от радости и прошептал:

— Рита, ты удивительная женщина!

Я помахала ему рукой и уверенной походкой подошла к знакомому подъезду.

«Удивительная женщина! — повторяла я, поднимаясь на второй этаж. — Удивительная!»

Войдя в квартиру, я поняла, как устала.

«Неужели мы познакомились только несколько часов назад? Странно! Если бы он не переигрывал, кто знает, как бы закончился этот вечер?»

Я разделась, умылась и отправилась искать место, где бы лечь спать.

«В будуаре не хочу, пусть там останется все как есть».

Я заглянула в дальнюю комнату и поняла: здесь спальня-кабинет Дмитрия Павловича.

Аккуратно сняв шелковое покрывало, я нырнула в просторную кровать и прижалась к подушке.

«Дедушка! Родной мой, хороший!» — прошептала я.

Те, у кого много родственников, конечно, меня не поймут. Я же готова была целовать подушку, на которой когда-то покоилась голова единственного родного мне человека.

Нет смысла перечислять то, что называется достопримечательностями Парижа. Те., кого они интересуют, могут взять справочник и почитать на досуге. Однако даже самое внимательное чтение не даст представления об очаровании этого города. Чтобы его ощутить, почувствовать, вжиться в него, надо не спеша пройтись по его улицам и площадям. Надо настроить свою душу на те мистические волны, в которых он живет. И тогда город приоткроет свои парадные двери, впустит в апартаменты, предназначенные для друзей, и удостоит чести заглянуть в святая святых — в его душу.

Думаю, что подобный процесс познания характерен не только для Парижа, но и для Москвы, Лондона, Рима и любого другого города, имеющего историю и характер. Моя попутчица была права: каждый город имеет характер, особенный и неповторимый! Главное, захотеть его узнать и почувствовать. Захотеть!

Все последующие дни я с утра и до позднего вечера ходила по Парижу. Не только ходила, смотрела, восхищалась, но и чутко прислушивалась. В первый день я отправилась к Сене. По карте, которую мне подарил Морис, я быстро сориентировалась и без проблем дошла от бульвара Хаусманн до Опера Гарнье. Далее, поглядывая по сторонам, свернула на авеню De L'Opera, и перед моими глазами открылось все великолепие Лувра. Однако к встрече с ним я была не готова и, робко взглянув на дворец, пошла вдоль набережной по направлению к острову Сите. Нельзя сказать, что я заранее планировала маршрут. Нет! Моя интуиция подсказывала, куда идти, на что смотреть, где остановиться. Так, например, я долго стояла на берегу Сены. Может быть, причина — моя робость, ведь впереди возвышался Нотр-Дам; а может быть, я захотела посмотреть на главную реку Парижа. Так или иначе, я стояла на набережной и смотрела по сторонам. Недалеко от меня расположился книготорговец, притуливший лоток к бетонному парапету, тянувшемуся вдоль Сены. Это был старик с трубкой во рту и черной повязкой на правом глазу. Он поглядывал на туристов, выбегавших из автобусов, и, ухмыляясь, посасывал трубку. Те, в свою очередь, мельком смотрели на открытки, разложенные на лотке, и, не задерживаясь, спешили за гидом. Окружив его плотным кольцом, они напряженно следили за его рукой и, как болванчики, поворачивались то сюда, то туда.

«Посмотрите налево, — говорил гид. — Вы видите Сите. Этот остров представляет «начало всех начал» Франции, колыбель французской столицы. Еще в III веке до нашей эры здесь обитало кельтское племя паризиев. Примерно в 52 году до нашей эры римские завоеватели, пришедшие в Галлию, поселились на острове, дав ему название Лютеция.

Туристы беспрестанно щелкали фотоаппаратами, я же смотрела на старика и, казалось, слышала его мысли.

«Что вы можете узнать от вечно спешащего гида? Набор дат, перечисление стилей, подробности из жизни королевской семьи? Разве это Париж? Нет! Город не терпит суеты! Впрочем, как и все остальное».

Я перевела взгляд на серые воды Сены. Казалось, под моими ногами течет не река, а нынешний день, история, жизнь.

«Действительно, кругом сплошная суета! А за ней — ничего. Впрочем, почему ничего? Кое-что уловить можно! Всего лишь чуть-чуть, как любит говорить Татьяна Леонидовна. Это чуть-чуть такое ненастоящее и поверхностное, что его можно назвать маской. Маска

города... В городе можно покрасить забор, подновить дом; его можно преподнести с самой выгодной стороны. А почему бы и нет? Между городами тоже существует соперничество. Все так же, как и у людей».

Я оторвалась от Сены и, приветливо кивнув старику, направилась к острову.

— Мадам! — приподняв широкополую шляпу, крикнул мне вслед старый книготорговец. — О'ревуар!

На Нотр-Даме зазвонил колокол. Я повернулась к собору и перекрестилась.

— Господи! Подари мне любовь!

Я смотрела на главный собор Парижа и трепетно готовилась к встрече. Наконец, судорожно вздохнув, я перешла мост, затем площадь и вошла внутрь Нотр-Дама. Звуки органа, встретившие меня, были потрясением. Я села на лавочку, и мне показалось, что я нахожусь внутри божественного мироздания. Летящие вверх своды, витражи, колоннады, капеллы...

«Аве Мария!» — запел орган.

Я вздрогнула. Вместе с органом в моей душе запел другой голос. Это был голос Эсмеральды:

— Аве Мария!

Ты меня прости:

Я никогда не молилась в жизни,

Аве Мария!

В твоём доме стою пред тобою,

Аве Мария!

Всего лишь несколько недель назад мы с Дмитрием Павловичем ходили на «Notre Dame de Paris».

— Вот он, мой Нотр-Дам, — подпевал дедушка. — Здесь всегда хорошо!

Воспоминания отвлекли от мыслей о божественном мироздании, и, бросив прощальный взгляд на орган, я вышла из собора.

«Вот он, мой Нотр-Дам, здесь всегда хорошо! — направляясь к скамейке, повторяла я. — Надо позвонить дедушке».

Услышав родной голос, я встрепенулась и закричала в трубку:

— Дедушка! Как ты там?

— Поправляюсь, не беспокойся! Какие новости?

— Звоню от Нотр-Дама. Только что слушала орган, а выйдя, пропела твой куплет.

— Какой куплет?

— Помнишь мюзикл?

Я пропела четыре строчки, и Дмитрий Павлович хрипловатым голосом подхватил:

— Это дом мой родной!

— Ты не представляешь, как я потрясена!

— Почему же? Представляю! Где ты побывала?

— Вчера ужинала с Морисом на Монмартре, а сегодня гуляла вдоль Сены.

— Смотрю, не спешишь!

— Зачем спешить? Я наслаждаюсь!

— Жан-Полю звонила?

— Да. Мы договорились о встрече.

— Не забудь передать ему папку с бумагами.

- Не забуду!
- Где спала?
- На твоей кровати! Я прижалась к подушке и стала шептать ей ласковые слова.
- Наверное, переутомилась.
- Я пыталась прорваться к тебе сквозь расстояние. Ты не слышал, что я шептала?
- Нет! Наверное, в это время я спал.
- Я говорила: «Родной мой, хороший!»

Мне показалось, что Дмитрий Павлович всхлипнул.

- Квартира — настоящий музей! — продолжала я. — Особенно поразили картины.
- Среди них есть уникальные.
- Так и подумала. А скажи мне, натюрморты написаны одним художником?
- Да. Их написал твой прадед. Еще в те времена, когда пытался понять тайну оттенков.
- Он был не очень веселым человеком.
- Трудно сказать. По словам матушки, он был компанейским.
- Судя по натюрмортам, он — грустный романтик!
- А что тебе понравилось?
- Луг! — не задумываясь, ответила я.
- Так и думал! Ты сама похожа на луг.
- Все, заканчиваю! Целую тебя!
- Взаимно!

Я радостно потянулась.

«Здорово: свобода, независимость, впереди — открытия!»

— Кого я вижу!

Приятный мужской голос раздался за спиной, и меня охватил запах хорошего парфюма.

Я обернулась.

- Морис! Как ты здесь оказался?
- Ищу тебя по всему Парижу!
- Серьезно?
- Конечно, нет! Я здесь с группой туристов из северных городов России. Поедешь с нами?
- Не хочу, лучше пройду пешком.
- Тогда до вечера! Я позвоню.
- Вечером я ужинаю с Жан-Полем.
- Кто это?

Игривый тон Мориса испарился, его бархатные глаза превратились в черные точки, а ноздри начали подрагивать.

«Ничего себе! Видимо, считает, что у него уже есть на меня права».

- Жан-Поль — это почтенный человек лет так семидесяти.
- Как ты меня напугала! Где ты его нашла?
- Я его не искала. Жан-Поль Анно — дедушкин нотариус.
- Слава Богу! А я уж подумал...
- Надо меньше думать!

— И это говоришь ты? Познакомившись с тобой, я решил, что ты только и занята своими бесконечными мыслями! Я за тобой целый вечер следил!

Морис улыбнулся и встал со скамейки.

— Северные народы России ждут меня! С грустью, но я вынужден бежать к ним.

Он остановился и добавил:

— Хотя, если откровенно, мое сердце стремится только к тебе!

— Тогда звони! Постараюсь закруглиться с Жан-Полем к десяти часам.

Я махнула рукой и встала.

— Очаровательно! — воскликнул Морис, направляясь к своим туристам. — Каково сказано: «Закруглиться!»

С господином Анно мы договорились встретиться в семь часов вечера. У меня было еще достаточно времени, чтобы побродить по Латинскому кварталу и захватить домой переодеться.

«Французы очень серьезно относятся к приему пищи, — говорил Дмитрий Павлович. — Для них посещение ресторана — особый ритуал, поэтому одеваться надо корректно. Это дань уважения не только собеседнику, пришедшему с тобой, но и к ресторану, его традициям, кухне».

Я не хотела походить на самовлюбленную эгоистку, которой собственное удобство важнее внешних приличий, поэтому, придя домой, полностью сменила одежду и обувь. Вместо куртки и брюк — плащ и длинное платье в классическом стиле, вместо кроссовок — туфли.

Следуя принятому мною правилу: по возможности больше ходить пешком, я загодя вышла из дому и, не спеша, отправилась к площади Согласия. Оказавшись у сада Тюильри за двадцать минут до назначенного времени, я осмотрела фонтаны, успела представить гильотину, стоящую на площади много десятилетий назад, и мысленно помянула королеву Марию-Антуанетту, чья голова скатилась к ногам парижан. С чувством выполненного долга ровно в семь часов я подошла к решетке, за которой открывался вид на дворец французских королей.

— Мадам Белых?

Я обернулась. Передо мной стоял невысокий пожилой мужчина. Он был одет в серый костюм, светлую рубашку и темный галстук. Его полная фигура с заметным брюшком выдавала любителя вкусно поесть. Несмотря на почтенный возраст, щеки мужчины были румяны, а глаза молодо блестели.

— Месье Анно?

— Он самый! — весело сказал мужчина и в знак приветствия тряхнул седыми кудрями.

«Какой забавный! Ни за что бы не подумала, что он — нотариус».

Я улыбнулась и протянула руку.

— Приятно познакомиться!

— Взаимно! — ответил господин Анно и обхватил мою руку мягкими горячими ладонями.

Он окинул меня взглядом и одобрительно причмокнул губами.

— Как приятно, что вы говорите по-французски! Честно говоря, вопрос общения меня немного волновал.

— Боюсь, мой французский — не идеален!

— Очень приличный! — продолжая улыбаться, заметил господин Анно. — Как мне вас называть?

— Рита.

— Рита, — повторил он, грассируя первую букву. — Хорошо, пусть будет Рита.

Он взял меня под руку и направился к машине, стоящей недалеко от площади.

— Ваши планы не изменились?

— Нет.

— Тогда едем ужинать!

Эта мысль привела господина Анно в отличное настроение, и его глаза, утопавшие в

жирных складках, заблестели еще ярче.

— Я отвезу вас в уютный ресторанчик, — открывая передо мной дверцу машины, сказал он. — Там и поговорим.

Жан-Поль сел за руль и направил машину в сторону Триумфальной арки.

— Если не возражаете, сделаем небольшой крюк. Как говорится, нагуляем аппетит! — весело сказал он, перестраиваясь в плотном потоке машин.

Конечно, я не возражала. Мне нравился толстячок-нотариус, нравилась его машина, нравилось то, что мы ехали по Парижу. Я смотрела в окно и любовалась городом.

— Вот и приехали, — сказал Жан-Поль, остановив машину около Rue des Beaux-Arts. — Перед вами — легендарный отель!

— Легендарный?

— Конечно! У нас что ни отель, то легенда.

Впоследствии я не раз убеждалась, что французы любят легенды. С трепетом вам поведают, что здесь бывал Золя, там — Бальзак, сюда заходил Жан Маре, а этот ресторан любил Жерар Филип. Даже в деревнях найдется пара-тройка историй, связанных с тем, что по ближайшей дороге проезжала Мария Медичи, маркиза Помпадур или Маргарита Валуа; а на этом пустыре когда-то стоял дом, где останавливался Наполеон, Марат или Шарль де Голль.

Ресторан, в который привел меня господин Анно, был небольшим и очень уютным. Он был отделан в стиле «необарокко» и органично вписывался в историческую канву города. Метрдотель предложил нам столик на двоих, и господин Анно вопросительно посмотрел на меня.

— Вы хотите сама сделать заказ? — спросил он.

— Нет, нет!

— В таком случае мы закажем следующее...

Жан-Поль причмокнул губами и, не заглядывая в карту, обратил к официанту мечтательный взор.

— Будьте добры, суп с телятиной и смесью из жареных орехов, филе си-баса, пюре из оливок с кунжутом, хрустящие лангустины в цитрусовом масле, жареные фиги с мороженым, кофе-эспрессо в большой чашке.

Он остановился и, грустно вздохнув, посмотрел на меня.

— Прямо скажу, не шикарный обед! Что делать! Врачи посадили меня на диету. Но, глядя на вашу хрупкую фигуру, думаю, надо добавить...

— Не надо ничего добавлять! — воскликнула я. — Думаю, даже то, что вы заказали, мне не осилить.

— Н-да! — только и сказал господин Анно и с недоумением повернулся к официанту.

Казалось, за этим многозначительным «н-да!» последует фраза: «Хлипкий народ пошел! Если бы не мое здоровье, будьте уверены, голубчик, к этим скромным блюдам я бы прибавил...»

Господин Анно сердито потрянул кудрями, возмущаясь диетой, на которую посадил его доктор, и спросил:

— Как вы думаете, Рита, мы можем ограничиться «Kir royal»?

— Я не знаю, что такое Kir royal.

— Мадам не знает, что такое Kir royal! — воскликнул господин Анно. — Тогда пьем только Kir royal!

Официант, улыбнувшись краешком губ, отошел от нашего столика, а мой почтенный нотариус, оживившись от мысли, что в ожидании заказа можно поговорить о еде, начал соло, посвященное любимым блюдам и винам.

— Начнем с того, что Kir royal — это шампанское с небольшим количеством ликера из черной смородины. В любом парижском кафе или ресторане вы можете заказать себе Kir royal. Возможен другой вариант — просто Kir. В таком случае вам подадут белое вино, смешанное с тем же ликером. И то и другое — идеально для гипертоников и хрупких дам. Однако, думаю, чуть позже надо заказать Pineau...

Увидев, что я не знаю и Pineau, Жан-Поль всплеснул руками и, наклонившись ко мне, зашептал:

— А это уже кое-что покрепче! Великолепный напиток! Но пить его лучше в конце обеда. Ничего сложного: коньяк и виноградный сок, только и всего. Но если учесть, сколько видов коньяка есть во Франции, то можете себе представить, какие вкусовые букеты может дать Pineau!

Испугавшись, что в ожидании ужина мне придется выслушать лекцию, посвященную французским коньякам, я сказала первое, что пришло в голову:

— У нас за обедом чаще всего пьют водку!

— О, водка! Русская водка — это очень хорошо! — еще больше оживился господин Анно. — Русскую водку я часто пил с Дмитрием Павловичем!

— Мы с дедушкой тоже пили водку! На Новый год! А потом пели песни.

— Чудесно! Думаю, в вашей холодной стране надо пить именно водку!

Круглое лицо нотариуса перестало излучать добродушие, а ноздри небольшого носа воинственно раздулись. Казалось, господин Анно увидел перед собой серьезного противника, с которым придется вступить в серьезную борьбу.

— Дмитрий Павлович научил меня правильно пить водку, — оставаясь сосредоточенным, сказал он.

«Дедушка, оказывается, большой специалист по спиртным напиткам!» — улыбнулась я.

— Думаете, я забыл эти советы? — увидев улыбку, воскликнул господин Анно. — Я никогда ничего не забываю!

Он поднял массивную голову и, выпятив нижнюю губу, сказал:

— Во-первых, водку надо пить маленькими глотками, давая ей возможность омыть всю полость рта. Во-вторых, перед употреблением водку надо обязательно охладить до десяти градусов. В-третьих, она требует особого стола.

Господин Анно расслабился и зашевелил губами.

— Не подумайте, Рита, что перед вами Гаргантюа, — перестав шевелить губами, сказал он. — Качественные алкогольные напитки, будь то вино, коньяк или водка, создавали столетиями, поэтому было бы кощунственно пить залпом то, что требует уважения и внимания. Согласны?

— Конечно, это достойно уважения!

— Не скрою, приятно слышать. В вашей поспешности я почувствовал искренность, а она, поверьте, в жизни встречается не так часто.

Он улыбнулся официанту, принесшему Kir royal, и посмотрел на бокал, со дна которого поднимались розовые пузырьки.

— Так вот, лучше всего водку употреблять «под горячее».

Он чмокнул губами и отпил небольшой глоток Kir royal.

— Например, пельмени, блины с икрой. К ним можно добавить квашеную капусту, грибочки, моченые яблоки. Однако лучше всего — соленый огурец!

Я оживилась. Что и говорить, разговор о водке не мог оставить меня равнодушной. Я чувствовала, что нотариус, с пафосом рассуждавший о нашем национальном напитке, стал мне симпатичней. Перечисление блюд, принятых есть под водку, приблизило меня к господину Анно быстрее, чем все усилия Мориса, восторгавшегося моими загадочными глазами.

— Мы с дедушкой закусывали водку солеными огурцами и селедкой, — сказала я.

— Правильно! Ничего лучшего и не придумаешь! Дмитрий Павлович хорошо это понимал. Помню, когда мы только что познакомились, а это было очень давно, он пригласил меня к себе домой. На столе стоял небольшой графинчик, чуть запотевший от холода, две рюмки и тарелка с тонко нарезанными огурцами. Затем появилась вазочка с крошечными грибочками. «Рыжики! — с гордостью сказал Дмитрий Павлович. — Царская закуска!» С тех пор я ни разу не видел рыжиков.

Господин Анно вздохнул.

— Не представляете, Рита, какое я тогда получил удовольствие! Можно сказать, что графинчик водки, тарелка огурцов и рыжики скрепили наш союз.

— В то время дедушка и в России ни разу не был!

— Не был! — кивнул господин Анно. — Однако как он о ней говорил! Честное слово, у меня слезы текли!

Я представила себе, как Дмитрий Павлович подливал нотариусу рюмку за рюмкой, и опять улыбнулась. Видимо, дедушка пользовался любой возможностью, чтобы почувствовать себя сопричастным к родине предков. А у Мориса этого нет! Сколько бы шапок-ушанок он ни надевал, русским его назвать нельзя.

— «Запомните Жан-Поль, — говорил мне Дмитрий Павлович, — никогда не смешивайте водку ни с чем другим. Никогда! Если это забудете, водка вам будет мстить весь следующий день». Каково сказано!

Я с пониманием кивнула и, таинственно улыбаясь, полезла в сумку.

— Дедушка не забыл, каким вы были хорошим учеником. Он прислал вам подарок.

На столе появился пакет, и Жан-Поль не замедлил в него заглянуть.

— Узнаю друга! — воскликнул он. — Charmant! Русская водка, к ней икра и...

Он закатил глаза и с благоговением прошептал:

— Рыжики! О!!!

Его радость была такой заразительной, что официант, принесший заказанные блюда, тоже воскликнул:

— Charmant!

Господин Анно поднял баночку рыжиков, полюбовался на нее и произнес:

— Из России!

— Да, да! Россия! — повторил официант. — Богатая страна!

Я с симпатией посмотрела на официанта, затем на господина Анно и кивнула головой.

Всю оставшуюся часть ужина Жан-Поль вел со мной остроумную беседу на темы, уже никак не связанные с едой и напитками. Казалось, как только появилась еда, он утратил интерес к кулинарной теме и с удовольствием переключился на меня. Его обаяние, легкость в разговоре привели к тому, что через час он уже получил все основные сведения обо мне, а еще через полчаса представил себе нынешнюю жизнь Дмитрия Павловича.

— Не знаю, как у вашего дедушки хватило мужества покинуть Францию, — заметил он, вытирая губы. — Оставить знакомых, квартиру, привычный мир! Для этого нужно иметь очень сильный характер! Вы говорите, до встречи с вами он чувствовал себя никому не нужным человеком. Этого и следовало ожидать! И тем не менее, десять лет назад Дмитрий Павлович уехал... Конечно, я поддерживаю с ним связь, но мне и в голову не приходило, что он — один!

Господин Анно замолчал и долго глядел на меня.

— Видимо, в Россию его позвал голос крови, — неожиданно сказал он. — Вы же тосковали по родной душе?

— Да!

— Вам обоим очень повезло!

Жан-Поль взял бокал и, приветливо кивнув, осушил его до дна.

— Однако вы, Рита, не должны забывать, что Дмитрий Павлович — в преклонных годах.

— Не говорите так! Надеюсь, дедушка будет жить долго!

— Не сомневаюсь! — поспешно сказал господин Анно. — Судя по вашему рассказу, Дмитрий Павлович бодр, энергичен. К тому же, жизнь для него приобрела новый смысл.

— Спасибо! Поговорив с вами, я как будто побывала дома. Вы — очень душевный человек, и этот ужин я никогда не забуду!

— Будьте уверены, я — тоже!

Мы уже допивали кофе, когда позвонил Морис.

— Еще не освободилась? — спросил он.

— Думаю, через полчаса выйду.

— В каком ресторане вы ужинаете?

— «Rue des Beaux-Arts».

— Буду ждать тебя возле входа.

— Договорились, Морис!

Во время телефонного разговора господин Анно, не знавший русского языка, внимательно смотрел на меня. Стоило мне убрать телефон, он спросил:

— Морис? Это ваш парижский знакомый?

— Да! Но прежде всего он — знакомый дедушки.

— Вы давно его знаете?

— Сутки, — ответила я.

— Будьте осторожны, Рита. Особенно теперь!

— Почему теперь?

— Вы не замужем?

— Нет!

— Не спешите, прошу вас! Прислушайтесь к словам старого холостяка.

— Не скрою, мне приятно ваше отеческое беспокойство, — улыбнулась я, — но, право, для него нет никаких причин! В обозримом будущем претендентов на мою руку и сердце нет.

— Как знать, — пробормотал господин Анно. — Как знать!

— Совсем забыла! Дедушка просил передать вам пакет!

Покопавшись в сумке, я достала довольно измятый большой конверт и протянула его Жан-Полю.

— Молодость, молодость! — покачал головой он и стал аккуратно разглаживать конверт. — Разве можно так обращаться с документами?

Я опустила глаза.

— Ну-ну, я же вас не ругаю! — господин Анно одобряюще подмигнул. — Те, кто не имеет отношений с документами, не представляют, насколько важной может быть даже маленькая бумажка. Иногда ничтожная квитанция вырастает в ценнейший документ!

Он открыл кейс и, положив конверт в особое отделение, добавил:

— То, что сейчас вы передали, — очень важные бумаги.

Господин Анно поднял руку, и официант принес счет. Достав кредитную карточку, мой новый знакомый расплатился и тяжело встал.

— Пора и по домам! — сказал он. — Вы не находите?

— Не знаю, что и сказать.

— Молодость, молодость! — опять покачал головой господин Анно. — Она вечно ищет приключений!

— Мне уже тридцать шесть! Какая тут молодость!

— Разве это годы! Что такое тридцать шесть? Это юность! В этом возрасте только-только начинаешь осмысливать происходящее.

Мы подошли к дверям, и господин Анно задержался у входа.

— Возьмите мою визитку и продиктуйте номер вашего мобильного телефона.

— Пожалуйста.

— Если понадобится, звоните. Можно и не по делу, просто так.

Господин Анно улыбнулся.

— Давняя дружба с Дмитрием Павловичем дает право его родственнице обращаться ко мне в любое время и совершенно бесплатно.

— Спасибо! Мне было с вами интересно.

— Польщен!

Мы вышли, и к нам тут же подошел Морис. На сей раз на его голове красовалась широкополая шляпа.

— Позвольте представить, — обратилась я к нотариусу, — Морис.

— Жан-Поль.

Господин Анно внимательно посмотрел на Мориса и, резко повернувшись, пошел к своей машине. Он помахал рукой, тяжело сел на водительское место и нажал на стартер.

— Колобок! — проводив взглядом нотариуса, сказал Морис.

— А мне кажется, он — прелесть!

Я повернулась к Морису и спросила:

— Как ты думаешь, будет неприлично, если сейчас я поеду домой?

— Не хочешь со мной провести остаток вечера? — изумился Морис.

— Извини, мне надо побыть одной и подумать.

— Не слишком ли много ты думаешь? Женщинам это не идет!

— Я не привыкла придерживаться моды! К тому же, с тобой мы уже сегодня виделись.

— Мне кажется, я не заслужил такого тона.

— Извини!

Похоже, Морис обиделся. Чтобы нейтрализовать свою бестактность, я спросила:

— У тебя завтра есть экскурсия?

— Как всегда!

— Куда едешь?

— Повезу туристов посмотреть замки Луары.

— Можно с вами?

Лицо Мориса вспыхнуло от удовольствия, и он улыбнулся.

— За эти два дня ты совсем заморочила мне голову!

— Ни за что не поверю! Просто ты не привык к сопротивлению!

— Вот как! — только и сказал он.

— Так можно поехать?

— В машине есть всего лишь одно свободное место, и оно рядом со мной.

— Прекрасно! В таком случае его займу я!

— Не передумашь?

— У меня нет другого варианта, до замков Луары пешком не дойти.

— Справедливое замечание! К нему можно только добавить длину нашего пути. Как тебе нравится автопробег в пятьсот километров?

— Очень нравится! Тем более рядом с тобой!

— Ну, Рита, ты и штучка! — воскликнул Морис. — Поехали, отвезу тебя домой.

Расставаясь, мы договорились, что в восемь тридцать я буду на ступеньках Орега, Послав Морису воздушный поцелуй, я выпорхнула из желтого «Пежо» и устремилась домой.

Утро следующего дня было солнечным и прохладным. Я шла к Опера и, как девочка, радовалась всему, что встречалось мне на пути. Вот рядом остановилась необычная машина, и водитель, вытащив из кузова нечто, похожее на трубу пылесоса, стал тщательно вычищать круглую решетку, окружившую большое дерево. А вот прямо на меня выскочил долговязый паренек, обнимая бумажный пакет с торчащими из него длинными батонами. «Pardon, madam!» — воскликнул он. Запах свежее испеченного хлеба защекотал мне ноздри, и я глубоко вздохнула. Однако уже другой запах закружил мою голову, и, радостно воскликнув: «Кофе!», я устремилась в кафе.

— Двойной эспрессо и круассан, — обратилась я к бармену.

— Момент! — ответил он, и передо мной появилась чашка, верх которой украшала аппетитная кофейная пенка. На красивой салфетке лежал румяный круассан, напоминавший удлинённый домик улитки.

Я сидела в кафе и, забыв обо всем на свете, завтракала. Редкие посетители были однообразны в своем выборе: кофе и круассан. Через некоторое время небольшой зал уже купался в крепком кофейном аромате, и чтобы вытащить меня из кафе, должны быть поистине форс-мажорные обстоятельства. Роль такого обстоятельства сыграл телефонный звонок.

— Рита, ты где? — раздался встревоженный голос Мориса.

— В кафе, — ответила я.

— Случайно не знаешь, сколько времени?

Я посмотрела на часы.

— Восемь сорок! Бегу!

— Стоп! Не беги! — приказал Морис. — Еще не хватало, чтобы ты попала под машину. Говори адрес, я подъеду.

— А твоя группа?

— Группа уже в автобусе. Слушаю адрес.

Я повернулась к бармену и попросила сказать мне улицу и номер дома, где находилось кафе. Передав информацию Морису, я быстро допила кофе, расплатилась и вышла. Передо мной тут же остановился маленький микроавтобус. Передняя дверь распахнулась, и я увидела довольную физиономию Мориса.

— Садись, — сказал он.

— Доброе утро!

— Доброе утро! — ответили мне шесть пассажиров-туристов.

— Привет кофейному фанату! — улыбнулся Морис и вывел автобус на основную трассу.

— Это твоя машина? — спросила я.

— Конечно! — гордо ответил он. — Когда у меня маленькая группа, я выступаю в роли гида и в роли водителя одновременно.

— Здорово!

— Я рад, что ты наконец-то со мной.

— Спасибо!

Некоторое время мы ехали молча, затем Морис заговорил. Он рассказывал об улицах, по которым мы проезжали, о нравах парижан, о ценах в парижских магазинах. Казалось, что

Морис в ударе. Его речь перемежалась стихотворными строчками, шутками, сравнениями. Туристы, удобно расположившиеся в салоне автобуса, задавали вопросы, смеялись, тянули шею вслед мелькавшим историческим объектам. Чувствовалось, что Морис завоевал их симпатию, и в автобусе быстро воцарилось радостное настроение неких единомышленников.

Я посматривала на него со стороны, и признаюсь, он мне нравился все больше и больше. Длинные волосы не были прикрыты экзотическим головным убором и волнами опускались на плечи. Глаза скрыты за солнцезащитными очками, тонкие пальцы уверенно держали руль. Мы выехали из Парижа.

«Сто двадцать, сто сорок, сто пятьдесят!» Мой взгляд не отрывался от спидометра. «Сто шестьдесят!»

— Морис! — не выдержала я. — По-моему, слишком быстро!

— Боишься! Теперь ты в моих руках! — с дьявольской улыбкой прошептал он.

— Мальчишка! — ответила я и тут же перестала бояться.

Морис снизил скорость и, как ни в чем не бывало, продолжил свой рассказ.

— Замки Луары — таинственное место. Мы проедем через маленькие города, окруженные полями и виноградниками, насладимся вкусом молодого вина, дегустация которого пройдет в винном погребеке при замке Амбуаз, подышим мягким воздухом, опускающимся в долину Луары.

Я слушала и, глядя на проносившиеся мимо поля, размышляла:

«Конечно, он — позер. Ну и что? Он вырос среди французов, а французы любят производить впечатление. Вот, например, господин Анно. Тоже хотел произвести на меня впечатление. Артистически рассказывал о том, что знает и любит; при этом был эмоционален, любезен, игрив. А Морис — красивый мужчина, образованный, обаятельный. Он знает, что нравился женщинам, поэтому флиртует и наслаждается жизнью».

— Вдоль Луары и ее притоков расположилось около ста двадцати замков, — тем временем говорил Морис. — Большинство из них было возведено в период расцвета Возрождения, в конце пятнадцатого — начале шестнадцатого века. Один из самых крупных королевских замков — замок Шамбор, к которому мы сейчас подъезжаем.

Наш маленький автобус въехал в аллею, и перед нами появился замок. Его крыша была перегружена фонарями, башенками, фронтонами и каминными трубами.

— Выходим, — сказал Морис, останавливаясь на большой асфальтированной площадке, за которой виднелся парк, разбитый перед замком.

— Замок Шамбор пережил период расцвета в середине пятнадцатого века, так как в это время сюда переехал весь французский двор.

— Зачем? — удивленно спросила одна из туристок.

— Париж был взят англичанами, у короля и его придворных не было выбора, — ответил Морис, остановившись у ворот, от которых начиналась аллея, ведущая к замку.

Он шел впереди группы, а мы семенили за ним. Шаги Мориса были широкими, сильная фигура выдавала пристрастие к тренажерному залу, а некоторая небрежность в одежде — предпочтение богемному стилю.

Как выяснилось впоследствии, туристы, входившие в группу, были москвичами. Это пожилые семейные пары, одна из которых выделялась своей начитанностью. Две другие просто считали престижным побывать во Франции и посмотреть то, что положено в рамках семидневной программы. Эта четверка никаких вопросов не задавала и послушно ходила за Морисом, доверчиво глотая любую информацию.

«Подобные люди наслаждаются уже тем, что видят французские замки, — думала я. — Допускаю, что им интересны легенды, забавные факты, природа. Однако архитектура, живопись их абсолютно не волнуют».

Морис оценил уровень образования людей, составлявших его группу, в один момент и, приплюсовав к своим туристам меня, решил работать на максимальных оборотах. Не переварив огромного количества информации, вылетавшей из его уст, две пары решили самостоятельно походить вокруг замка, а с Морисом осталась я и двое интеллектуалов.

Так как экскурсия по долине Луары продолжалась в течение целого дня, подобное распределение повторялось около каждого замка, и чаще всего мы ходили вчетвером: Морис, я, Иван Андреевич и его жена — Ася Алексеевна. Оказалось, что эти почтенные люди — математики и работают в Москве в Академии Наук.

«Наверное, они знают Олега», — подумала я.

Впоследствии мое предположение подтвердилось. Когда разговор зашел о старинных монетах, Ася Алексеевна рассказала Морису, что в их отделе работает известный нумизмат, человек необычайно эрудированный и потрясающе талантливый.

«Мир тесен. Как это ни банально, но факт», — пронеслось в голове, и я постаралась больше слушать и меньше говорить.

Морис, заметив мою молчаливость, решил, по-видимому, что я нахожусь под впечатлением его рассказов. Он постарался закрепить свой успех и обрушил на нас шквал информации. Цитаты классиков, рассуждение о тонкостях архитектуры, рассказы о частной жизни французского двора, сравнительный анализ парковых зон, разбитых в итальянском и английском стилях, — все это было необычайно интересно.

Я слушала и наслаждалась. Было видно, что Морис поймал кураж, и причиной его, по всей вероятности, была я. Не скрою, подобная мысль доставляла мне удовольствие, поэтому я слушала и одновременно следила за его мимикой, жестами, позами. Морис, конечно же, чувствовал мой взгляд, и его, как у нас говорят, понесло.

Он рассказывал о внешнем виде французских замков до Ренессанса, после Ренессанса, причинах, приведших к таким изменениям, об итальянских архитекторах, привезенных во Францию Карлом VII, о Франциске I, Леонардо да Винчи. Маленький автобус вез нас от замка к замку, и вслед за Шаверни, где, по утверждению Мориса, были самые знаменитые во Франции псарни, уже следовала крепость Фужер Бьевр, чья крыша была покрыта серыми каменными пластинами.

Самое сильное впечатление произвел замок Шенонсо. Думаю, не только на меня. Замок на воде, венецианская мозаика, по которой ходили Екатерина Медичи и Диана де Пуатье; комнаты пяти королей; галерея, построенная на мосту; парк с восхитительными клумбами... Что там говорить! Это был не замок, а настоящее чудо! Чудо, загадочное, обросшее легендами и преданиями, насыщенное любовью и ревностью. Уезжая, я бросила последний взгляд на большую дверь, ведущую в замок, и увидела наверху изображение саламандры.

— Символ Франциска I, — пояснил Морис.

По дороге к автобусу он успел рассказать о страстной любви Генриха II к красавице Диане де Пуатье.

— С этой любовью, — говорил Морис, — не справились ни ревность Екатерины Медичи — жены короля, ни увядание Дианы, бывшей старше короля на девятнадцать лет. Любовников разлучила смерть — король погиб на турнире, а прекрасная Диана оплакивала его до своих последних дней.

Во время рассказа Морис смотрел на меня грустным бархатным взглядом, и мне казалось, что он признается в любви и клянется в верности до самого гроба.

Я беспомощно оглянулась. Наши попутчики уже садились в автобус и не видели моей растерянности.

Я села в автобус и стала поглядывать на дорогу. Морис, как ни в чем ни бывало, уже рассказывал про замок Амбуаз, манящий нас еще более загадочными и таинственными историями.

— Замок Амбуаз связан с жизнью королей Карла VIII, Людовика XII и, конечно же, Франциска I, которому удалось пригласить во Францию знаменитого мастера Леонардо да Винчи. В Амбуазе итальянец провел последние годы своей жизни. Вы сможете почтить память великого Леонардо в часовне Святого Юбера, месте его захоронения на территории замка, — говорил Морис, ловко управляя маленьким автобусом. — Но прежде, чем мы поднимемся в замок, нас ждет обед и обещанная дегустация вин.

Туристы оживились. Даже интеллектуалы Иван Андреевич и Ася Алексеевна заулыбались и в ожидании приятной перемены стали нетерпеливо поглядывать вдаль. Наконец показался причудливый ансамбль Амбуаза, и автобус въехал в городок с одноименным названием.

Наш обед проходил в небольшом винном погребе, расположенном в цоколе замка. Мы сидели за большим столом, делились впечатлениями и ели простые блюда, обычные для местных жителей. На некоторое время совместная экскурсия превратила нас в сплоченную группу. Мы вместе проехали сотни километров, вместе прошли по каменным плитам замков, вместе провели целый день. Несмотря на то, что не было личных разговоров, дорога нас сблизила, и обед прошел в непринужденной дружеской обстановке. После дегустации вин наша маленькая компания стала походить на семью, выехавшую на воскресный пикник. Все оживленно говорили, обсуждали достоинства французских вин, показывали сувениры, купленные в местных магазинчиках. На замок Амбуаз не было уже сил, и даже могила Леонардо да Винчи не вызвала должного уважения и почитания. Мы устали и хотели домой.

Морис почувствовал общее настроение и быстро закруглился с экскурсией по замку. Мы спустились к автобусу и, расположившись в креслах, бездумно стали смотреть в окна и слушать музыку. Морис уже ничего не рассказывал, он был сосредоточен на дороге.

В Париж мы вернулись поздно вечером. Автобус подъехал к Орега и высадил туристов. Они долго и сердечно благодарили Мориса, а Иван Андреевич сказал:

— Не думал, что нам так повезет! Вы, Морис, не только хороший гид, но и разносторонне развитый человек.

— И не только! — с чувством добавила Ася Алексеевна. — Вы необыкновенно артистичный мужчина!

— Спасибо! — улыбаясь, ответил Морис. — Я старался, чтобы экскурсия вам понравилась.

— Все было очень хорошо! По приезде в Москву мы будем рекомендовать вас нашим знакомым.

— Рад буду показать им Париж, — скромно ответил он. — Вот мои координаты.

Морис раздал визитные карточки и сел в автобус.

— Могу встретить ваших друзей в аэропорту и устроить их в гостинице, — крикнул он.

— Будем иметь в виду! — донеслось в ответ, и Морис нажал на газ.

— Домой?

— Да, — ответила я.

— Что-то сегодня ты немногословна.

— Нахожусь под впечатлением экскурсии.

— Понравилось?

— Я увидела тебя с другой стороны. Честное слово, ты был великолепен!

Мы доехали до моего дома, и, выходя из автобуса, я сказала:

— Завтра в восемь вечера жду тебя около Opera.

— Есть предложение?

— Хочу пригласить тебя в ресторан на праздничный ужин.

— По какому поводу?

— Повод — серьезный, хочу отметить наше с тобой знакомство.

Морис посмотрел на меня и осторожно взял мою руку. Он приблизил ее к своим губам и, поцеловав, молча кивнул головой.

— До вечера! — сказала я и, нежно чмокнув его в щеку, пошла к подъезду.

На пороге дома я остановилась и, увидев, что маленький автобус по-прежнему стоит около тротуара, послала Морису воздушный поцелуй.

В глубокой задумчивости я поднялась в квартиру, включила свет и подошла к картине с лугом.

«Ты сама похожа на нескошенный луг» — вспомнила я слова бабушки.

«Нескошенный луг. Почему бабушка так сказал? Может быть, он почувствовал, что у меня не было настоящей любви? Или за его словами кроется отношение к моей сущности?»

Не ответив на эти вопросы, я перевела взгляд на верхнюю часть картины и увидела двух птиц, парящих среди лучей встающего солнца.

«Две одинокие души. Они летят каждая сама по себе, а затем встречаются. Они приближаются друг к другу и создают пару, которая по сути — целое».

Я отошла от картины и устало села в кресло.

«Может быть, и мы с Морисом — одно целое?»

Телефонный звонок прервал мои размышления.

«Морис!» — радостно подумала я.

Я достала из сумки мобильник: «Бабушка! Опять забыла позвонить!»

— Алло! Мариночка! — услышала я слабый голос.

— Бабушка, я только что хотела тебе звонить!

— Видишь, как мысли передаются, а я все-таки тебя опередил!

— Что-то мне голос твой не нравится. Как ты себя чувствуешь?

— Ничего страшного. Есть небольшие проблемы, только и всего!

— Что случилось?!

Я почувствовала, как коленки задрожали, и присела на корточки прямо в середине комнаты.

— Что ты всполошилась! — Дмитрий Павлович постарался засмеяться, но у него это плохо получилось. — Обычные старческие дела: то давление подскочит, то сердце кольнет.

— Врача вызывал?

— Зачем врач, я и так все знаю!

— Нет, это не разговор! Кто же так к своему здоровью относится?

— Я! — последовал короткий ответ. — И ничего, как видишь, живу. Вот сейчас рюмочку выпью, и полегчает.

— Какую еще рюмочку! Дедушка, ты меня убиваешь! Пожалуйста, прошу тебя, вызови врача! Хочешь, я Ляльке позвоню?

— Зачем устраивать панику? Ей-богу! Вот и сказать ничего нельзя, сразу всполошилась! Я позвонил, чтобы услышать твой голос, узнать парижские новости, а ты: «Вызови врача!».

— Ну, не знаю, — начала отступать я.

— Разберемся. Я же не в деревне живу, в Москве!

— Обещаешь, если что...

— Обещаю. Теперь поговорим о тебе.

— У меня все здорово! Вчера встречалась с господином Анно. Он — душа! Поговорили об особенностях французской кухни, воздали должное русской водке.

— Жан-Поль — большой специалист по части еды и питья! — хрипло засмеялся дедушка. — Но он не так прост!

— Я это заметила. За его внешней непринужденностью прячется большой опыт общения.

— Молодец! Правильно заметила! Жан-Поль — хороший психолог. К тому же, обладает потрясающим чутьем на людей.

— Ты не представляешь, как он обрадовался твоему подарку! Господин Анно держал в руках баночку рыжиков с таким почтением, будто и не грибы это, а письмо английской королевы.

— Так я и предполагал.

Казалось, что на другом конце телефонной линии дедушка удовлетворенно вздохнул.

— Как и у меня, у Жан-Поля не было настоящей семьи, — сказал он. — Так что мы оба — старые холостяки!

— Добавлю к этому, очень обаятельные холостяки!

— Спасибо! — ответил дедушка. — Тогда уж можно и продолжить: довольно состоятельные холостяки!

Так как материальные дела дедушки и господина Анно меня не интересовали, я пропустила это добавление мимо ушей.

— А сегодня я увидела несколько замков Луары и выслушала целую лекцию про французских королей.

— В кабинете Медичи была?

— Да.

— Она была умной женщиной, однако, как показывает мой опыт, это качество не приносит радости.

Что-то в интонациях дедушкиного голоса мне не нравилось. Пропала воздушная легкость, обычно присутствующая в его разговорах, а вместе с ней пропала и живость. Казалось, что наш разговор плетется по дороге, как несмазанная телега. Я решила его оживить.

— Нашу экскурсию вел Морис. Он, оказывается, интеллектуал и прекрасный рассказчик!

— Не сомневаюсь! Пару раз на светских вечеринках мне приходилось наблюдать за его непринужденным разговором. Тогда он мне очень понравился.

— Ты говорил, что Морис — сын твоей знакомой.

— Да, он из старой эмигрантской семьи. Его мать — из дворянского рода Луниных. Очень красивая была женщина!

Дедушкин голос взволнованно дрогнул, и мне показалось, он грустно вздохнул.

«Наверное, она ему нравилась», — предположила я и, желая поговорить о семье Мориса, спросила:

— А как поживает его мать?

— Она давно умерла. Морису было в то время лет двадцать. Мне пришлось ему кое в чем помочь. Сама понимаешь, трудно в этой жизни встать на ноги без поддержки.

— А почему он работает гидом?

— Наверное, нравится, — ответил дедушка. — Кстати, у Мориса хорошее образование: он закончил исторический факультет Сорбонны. Затем у него был свой бизнес, но после дефолта в России он разорился.

— А как был связан его бизнес с Россией?

— По-моему, у него был ресторан, работающий на русские туристические группы. Чтобы выплатить долги, Морису пришлось продать не только ресторан, но и собственную квартиру.

— Где же он живет?

— Некоторое время он жил у меня, затем устроился управляющим к какому-то своему знакомому.

— Как управляющим? Я что-то не понимаю, Морис же — гид!

— Одно другому не мешает. Он живет в небольшом поместье в пригороде Парижа, следит за садом, а днем работает гидом.

Мысль, что Морис следит за садом, повергла меня в такой шок, что я на минуту замолчала. Дедушка, почувствовав мое замешательство, взял разговор на себя.

— Я же тебе рассказывал, Мариночка, квартиры во Франции стоят дорого. Продав материнскую квартиру, Морис остался ни с чем. Теперь заработать на другую квартиру — трудно. Тем не менее, он старается. По большому счету, Морис — неплохой человек, однако его страсть к легким деньгам не раз приводила к определенным трудностям: и для него, и для его семьи.

— А у Мориса есть семья?

— Теперь нет. Лет пять назад он развелся. А когда-то у Мориса была и жена, и сын. Именно с ними он и жил в моей квартире.

Я представила себе, как Морис спал на дедушкиной кровати, как рядом лежала его жена, и мне стало не по себе.

— Через пару дней пойду в Лувр, — бодро сказала я, закрывая разговор о Морисе. — До сих пор не могу настроиться на этот музей! Робею, наверное.

— Это у тебя от избытка эмоциональности, — заметил дедушка. — Я давно уже понял, что ты себя недооцениваешь.

— Значит, ты считаешь, что я чего-то стою? — полушутя, полусерьезно спросила я.

— Ты, Мариночка, удивительная женщина: тонкая, мягкая и мудрая. Только время твое еще не пришло. Я же говорил тебе, ты похожа на нескошенный луг, свежий и нетронутый.

— Со скромными луговыми цветочками! — засмеялась я.

— А луговые цветочки, к твоему сведению, имеют больше всего высококачественного нектара. Не случайно пчелы предпочитают их, а не холодных садовых красавиц.

— Если бы мужчины были похожи на пчел!

— Да, моя голубушка, в этой жизни только к старости начинаешь понимать, что яркие фантики — это всего лишь кусочки раскрашенной бумаги!

Похоже, дедушка устал от разговора, и я решила закруглиться.

— Ты не возражаешь, если завтра я позвоню тебе где-нибудь в обед?

— Буду очень рад! Во второй половине дня придет Анна Макаровна, а до обеда я буду совсем один.

— Ты выпьешь вместо водочки валокордин? — спросила я.

— Если ты так настаиваешь... — вздохнул дедушка.

— Выпей, пожалуйста! Ну, например, за мое здоровье!

— За твоё здоровье, моя милая, я выпью целый пузырек!

— А вот этого делать не надо! Целую!

— До свидания, Мариночка!

До моего отъезда в Москву оставалось четыре дня.

«Может быть, поменять авиабилет? — подумала я, укладываясь спать. — Дедушка один, ему нездоровится. Наверное, сидит в своем кресле и скучает. Представляю, как он обрадуется, увидев меня! Я его быстро поставлю на ноги, а когда в лицее пройдет выпускной вечер, мы с ним уедем в Париж на два месяца».

С этой мыслью я и уснула.

Все следующее утро меня терзала тревога. С одной стороны, тревога была горькой и болезненной, она билась в голове, и тогда я шептала: «Дедушка, родной, только не болей!» С другой стороны, тревога была сладкой и щемящей, и тогда перед затуманенным взором появлялся Морис. Его бархатные глаза смотрели на меня и как будто спрашивали:

«Ну что ты решила? Или по-прежнему бегаешь за своими лихорадочными мыслями?»

Я не бегала за своими мыслями, я в тревоге бродила по Парижу, одновременно видя и не видя его. Даже погода соответствовала моему настроению: шел дождь, и город, погружившись в печальные мысли, грустно вздыхал вместе со мной.

Не видя другого выхода, как спрятаться под крышей какого-нибудь музея, я отправилась в Лувр. Посещение знаменитых галерей Лувра я планировала на последние дни пребывания в Париже. Однако погода изменила мои планы, и я робко вошла под своды стеклянного купола, под которым находился вход в музей. Остановившись перед кассой, я достала телефон. Набрал дедушкин номер, я смотрела на длинную очередь, состоящую из желающих попасть в Лувр, и слушала длинные гудки.

«Где же дедушка? — с тревогой думала я. — Он сказал, что до обеда будет дома».

Я решила позвонить Ляльке.

— Слушаю, — растягивая первый слог, отозвалась она.

— Лялька, милая, привет!

— Кого я слышу! Ритуля! Как Париж? Что-нибудь себе прикупила?

— Потом расскажу. У меня к тебе просьба. Выполнишь?

— Все, что в моих силах!

— Ты не могла бы зайти к дедушке? Он не берет телефонную трубку. Похоже, у него проблемы.

— Ты думаешь? Я заходила к Дмитрию Павловичу сразу после твоего отъезда. Температуры у него уже не было, он шутил; сетовал, что отправил тебя в Париж одну.

— По-моему, сейчас у дедушки не простуда! Я вчера с ним разговаривала, и его голос мне очень не понравился!

— Ты думаешь, сердце?

— Да!

Мой голос поник, и, отойдя от кассы, я умоляющим голосом прошептала:

— Лялька, дорогая! Прошу тебя, сходи к нему прямо сейчас! Посмотри, что там, как, поговори с ним. Хорошо?

— Договорились! Ты меня перехватила около двери. Шла на работу.

— Так ты сходишь?

— Уже иду!

— Сразу позвони! Жду!

Я вышла на улицу и встала около стеклянного купола. Дождь охлаждал мои пылающие щеки и тонкими струйками стекал по лицу. Струйки дождя подхватывали слезы и растворяли их в своем неспешном потоке. Моя тревога переросла в дурное предчувствие. В ожидании Лялькиного звонка я достала сигарету и закурила.

«Хороша первая встреча с Лувром!» — пронеслась шальная мысль и, кольнув меня в сердце, вылетела наружу.

«Мне сейчас не до бессмертных творений! — бросила я ей вслед. — Только бы с дедушкой было все нормально!»

«Не надо было его оставлять! А то невтерпеж стало! Париж! Столько мечтала об этой поездке! А что в результате? Старик болеет, а я мечусь перед Лувром! Может быть, дедушка ждал, что я останусь?»

Я судорожно затянулась. Дождь шел все сильнее и сильнее.

«Дедушка, прости! — шептала я, обращаясь к хмурому небу. — Хочешь, я сегодня вернусь назад? Хочешь?»

Ответом на мой запоздавший вопрос было только шуршание дождя.

«Я больше никуда не поеду без тебя! — продолжала шептать я. — Честное слово! Буду всегда вместе с тобой!»

Может быть, я грезила, а может быть, и существует некая телепатическая связь, но перед моими заплаканными глазами появился до боли знакомый образ. Образ слегка дрожал в сыром парижском воздухе и, наконец приобретя четкие контуры, опустился передо мной. Я увидела высокого старика с гладко выбритым лицом. Его волосы были тщательно зачесаны назад. Умные, добрые глаза смотрели на меня из-под старинного пенсне, а рука, затянутая в тонкую кожаную перчатку, опиралась на трость с набалдашником. Бескровные губы старика приоткрылись, и он чуть слышно сказал:

— Прощай, моя голубушка!

— Дедушка, не уходи! Не уходи!!! — закричала я.

Мужчина, проходивший мимо меня, обернулся и посмотрел в ту сторону, куда был направлен мой взгляд.

По дорожке сада Тюильри медленно шел высокий старик. Он удалялся все дальше и дальше. Казалось, он уже не касается мокрой каменной крошки, казалось, он парит.

— Мадам? — мужчина повернулся ко мне, и на его лице застыл вопрос, смешанный с неподдельным изумлением.

— Дедушка!!! — закричала я и побежала за фигурой, медленно растворяющейся в парижском небе.

В моем воспаленном мозгу произошло, вероятно, временное помутнение. Я слышала громкий, противный звон и, в безмолвном крике открыв рот, смотрела на исчезающую фигуру.

«Телефон! Звонит телефон!»

Наконец-то до меня дошло, что громкий звон — это сигнал моего телефона. Я посмотрела на телефонное табло и облегченно вздохнула:

«Дедушка! Это он звонит!»

Я закричала в трубку так громко, как только могла:

— Дедушка! Я тебя только что видела!

На некоторое время между Парижем и Москвой повисла многозначительная пауза, затем раздался встревоженный Лялькин голос:

— Это не дедушка! Алло! Рита, я тебя не поняла. Кого ты только что видела?

— Откуда у тебя дедушкин телефон?

— Мой разрядился.

— Что? Что случилось? — истошно заорала я.

— Боюсь, у меня плохие новости, — голос Ляльки стал несколько глуше. — Я только что вызвала «скорую помощь».

— Лялька! Умоляю тебя! Отвези его в самую лучшую клинику! Не жалея денег!

Можешь позвонить Варьке, она все устроит.

— По-моему, тебе надо вернуться, — ответила она.

— Я уже бегу домой, а затем еду в аэропорт. Как только поменяю билет, сразу лечу.

— Только не суетись, прошу тебя!

— Сделай, что в твоих силах! — закричала я в телефонную трубку.

— Ритуль, успокойся!

— Обязательно позвони мне из больницы!

— Хорошо! — ответила Лялька и дала отбой.

Я выскочила на дорогу и стала ловить такси. Не помню, как доехала, как собрала вещи, как закрыла квартиру, как добралась до аэропорта, поменяла билет, прошла паспортный контроль. В памяти остались лишь два коротких телефонных разговора. Первый был с Морисом. Я позвонила ему и, захлебываясь от слез, сказала:

— Морис, я уезжаю. С дедушкой плохо!

— Рита, подожди! — крикнул он в ответ. — Я сейчас приеду!

— Нет, нет! Через полчаса самолет. Ты не успеешь! Позвони мне в Москву.

Второй разговор был с Москвой. Я стояла около выхода на посадку когда опять зазвонил телефон.

— Да! Слушаю!

Я сжала в руках телефон и замерла.

— Мариш, это Варвара! — послышался низкий женский голос.

— Варька? — удивилась я.

— Меня попросила позвонить твоя подруга...

Варька запнулась и, справившись с волнением, продолжила:

— Дмитрий Павлович сейчас в Центральной клинической больнице. Я тебя встречу. Каким рейсом вылетаешь?

Я автоматически сказала номер рейса и тихо спросила:

— Что с ним?

— Дмитрий Павлович в больнице! — повторила Варька. — Ты меня слышишь?

— Да!

— Жду тебя в аэропорту. До встречи!

«Объявляется посадка на самолет, следующий из Парижа в Москву. Пассажиры рейса номер... просим пройти на посадку...»

Четыре часа, в течение которых продолжался полет, я сидела, отвернувшись к окну, и смотрела в никуда. Я не плакала, ни о чем не думала, никого не вспоминала. Я превратилась в камень, бесчувственный, холодный камень.

Как объяснила мне потом Варька, такое состояние бывает у человека в моменты сильного перенапряжения или волнения. Главная задача организма в таких ситуациях — отключить эмоции. Варька говорила, что помочь себе я могла только одним: как следует выплакаться. Однако как только я услышала, что дедушка в больнице, мои слезы высохли и появились лишь спустя полтора месяца. Именно тогда я и почувствовала некоторое облегчение. Проплакав неделю, я перешла из стадии невыносимого, оупляющего страдания в стадию тихой скорби.

Прилетев в Шереметьево, я прошла паспортный контроль и, выйдя в зал ожидания,

растерянно оглянулась.

— Привет! — послышался голос Варьки. — Поехали?

Я кивнула и послушно пошла за ней. Выйдя на стоянку автомобилей, я увидела Варькин золотой джип.

— Поедем сразу в больницу!

— Конечно! — ответила Варька.

Всю дорогу мы молчали. Я ощущала себя маленьким комком нервов, в центре которого сидел страх. Этот комок пульсировал и ждал развязки. Как потом выяснилось, Варька уже знала, что дедушка умер. Однако, будучи опытным психотерапевтом, она понимала: печальный вестник навсегда останется в памяти как плохой вестник. Думаю, ей не хотелось выступать в этой роли.

Известие о смерти дедушки сообщил врач реанимационного отделения. Как сейчас помню этот момент: мы стоим с Варькой в приемном покое, к нам идет молодой врач, одетый в хирургический костюм. Я пытаюсь прочесть приговор на его лице, но это невозможно: у врача — маска. Он подходит и коротко объясняет ситуацию: больной Дмитрий Павлович Гагарин поступил в Центральную клиническую больницу в четырнадцать часов. Диагноз — обширный инфаркт. Врачи боролись за его жизнь, но сделать ничего не могли. Если бы пациента привезли раньше, то как знать...

Врач развел руками и сказал дежурную фразу:

«Выражаю вам наши соболезнования».

Передо мной опять появился дедушка. На сей раз он мелькнул в глубине больничного коридора и, грустно посмотрев на меня, чуть слышно прошептал:

«Видишь, какая незадача! Смерть, Мариночка, — коварная старуха! Она всегда не к месту!»

Эта фраза, как обухом, ударила меня по голове, и я поняла, что дедушка действительно умер. Страх, таившийся внутри, вырвался наружу, и я закричала. Варька и врач кинулись ко мне, но не успели.

Я упала на пол и потеряла сознание.

Очнулась я в больничной палате ЦКБ. К моей руке была подведена капельница, а рядом сидела Варька. Она с печалью смотрела на меня, и по ее полным щекам текли слезы.

В больнице пришлось пролежать месяц. На нервной почве у меня отказали ноги и началась жесточайшая депрессия. Целый день я лежала в постели и тупо смотрела в стену. Я не интересовалась здоровьем, не отвечала на телефонные звонки, никого ни о чем не спрашивала. Я практически ничего не видела, не слышала и не осязала. Моя жизнь сузилась до трех месяцев, в течение которых мы с Дмитрием Павловичем были вместе. Остальное было уже не жизнью, а жалким прозябанием!

Эти три месяца я тщательно разобрала на дни, часы, минуты. Затем выбросила все то, что не относилось к бабушке. Оставшиеся воспоминания я лелеяла и берегла, как самое драгоценное. Даже собственный день рождения не вывел меня из погружения в крохотный мирок, в котором сосредоточилось все нынешнее существование. Я взглянула на огромный букет цветов, принесенный Варькой, кивком поблагодарила Ляльку и Нюту за сверточки, лежавшие на тумбочке, и опять нырнула туда, где были только я и бабушка.

По всей вероятности, так сходят с ума. Если бы не Варька, забравшая меня к себе, я бы превратилась в идиотку, крутившую свои мысли по кругу. Варька ухаживала за мной, как за тяжело больным ребенком. Она поила меня какими-то каплями, делала массаж, выводила гулять, а главное — постоянно говорила со мной. Она упорно вытаскивала меня из созданного мною мирка и, как опытный лоцман, вела мое сознание к спасительному берегу. Наконец наступило время, когда я поняла: жизнь продолжается, за окном — май и последние полтора месяца я пробыла в одуряющих сумерках.

Я переехала в свою квартиру и стала готовиться к выходу на работу. К тому времени занятия в лицее уже закончились, прошел последний звонок и одиннадцатый «Б» должен был сдавать выпускные экзамены.

Варька приезжала ко мне каждый день. Мы пили кофе, болтали, и я чувствовала, что передо мной сидит не подруга, а опытный врач. Этот врач внимательно наблюдал за моей реакцией, следил за глазами и постоянно делал какие-то важные для себя выводы. Наконец Варька сказала:

— Через пару дней можешь выходить на работу. Ноги у тебя — в норме, с головой — тоже порядок, таблетки будешь пить по прежней схеме, а два раза в день — обязательный звонок.

— Какой звонок? — удивилась я.

— Будешь звонить мне два раза в день, — терпеливо пояснила Варька. — Утром и вечером. Ты же не хочешь, чтобы, бросив дела, я неслась к тебе через всю Москву?

— Не хочу.

— И еще: пора уже общаться с остальным миром.

Я посмотрела в окно. К этому моменту остальной мир для меня ограничивался большим каштаном. Он уже выбросил вверх свои белые цветы, и в шелесте листьев мне слышалось:

«Смотри сюда! Неужели ты не видишь: наступила весна!»

— С сегодняшнего дня ты включишь свои телефоны, и домашний, и мобильный, — продолжила Варька. — К тому же, тебе надо позвонить в Париж.

— В Париж? Зачем мне звонить в Париж?

— Ты должна поставить в известность нотариуса Дмитрия Павловича.

Я послушно кивнула головой.

— Затем надо убрать квартиру, сходить за продуктами, привести себя в порядок.

Варька глянула в полуоткрытое окно на каштан.

— Какой красавец! Радуетя! Жизни радуется!

Она высунулась в окно и шумно вздохнула.

— Как я люблю май! В воздухе носится пьянящая энергия, и кажется, что к тебе возвращается молодость.

Внимательно посмотрев на меня, она спросила:

— Ты со мной не согласна?

— Почему же? Согласна, — вяло ответила я.

— А тебе не приходилось видеть фонарь, заряжающийся от сети?

Я кивнула. У меня был такой фонарь, его подарил Олег. Помню, он подключил его к розетке и сказал: «Эта вещица удивительно похожа на тебя. Стоит ей подзарядиться, она функциональна — ярко светит и даже может согреть. Выключишь из сети, и, поработав некоторое время, фонарь начинает тускнеть».

Варька нахмурила брови и больше ничего не спросила. Положила руки мне на голову, начала делать массаж. Казалось, ее ладони убирают ключья отработанной энергии и включают невидимые источники тепла. Варькины губы зашевелились, и до меня донеслись неясные слова молитвы. Закрыв глаза, я внимала этим словам, и по мере того, как они проникали в сознание, во мне зарождался светлый лучик. Он был похож на крохотный бенгальский огонь и словно бы разгорался в груди. Наконец, тепло сосредоточилось в районе солнечного сплетения.

«Придай силы страждущей и обессиленной», — услышала я.

Луч задрожал, стал медленно подниматься вверх, задержался в районе ключиц, прошел в верхнюю часть позвоночника и, сжавшись до яркой точки, ринулся вниз... Казалось, но позвоночнику спускается серебристая молния.

«Принеси мир в душу ее!»

Молния неслась вниз, и каждый позвонок отвечал ей слабой вибрацией. К ним присоединились мышцы, сосуды, кровь... Очищающий поток несся вслед за молнией, а вместе с ним в мое тело вливалась жизнь, невидимая и неосязаемая. Она бурлила в моих жилах и заставляла дрожать каждую жилку, каждую клеточку.

«Спаси и сохрани! — прошептала я. — Господи Всемогущий!»

— Вот и хорошо! — устало сказала Варька. — Теперь я могу вздохнуть спокойно: наконец-то ты начала поправляться.

Она посадила меня в кресло и добавила:

— Завтра у тебя будет другое настроение, а сейчас отдохни. Закрой глаза и отдохни.

Я свернулась в клубок и заснула. Тело горело, как будто бы меня растерли пчелиной мазью, в голове пульсировала кровь. В ее движении не было ничего нездорового и опасного. Кровь гнала свежую энергию, а вместе с ней новую жизнь.

«Вчера не догонишь», — прошептала я и провалилась в темноту.

Я неслась вниз, и наконец перед моими глазами появился проблеск яркого света. Падение замедлилось, и я оказалась перед темной дверью. Но сквозь ее щели струился солнечный свет, и в его ярких лучах кружились вихри бесчисленных пылинок. Я осторожно открыла дверь и увидела, что стою на берегу громадного озера. Это было уже другое озеро. Его окружали высокие сопки, поросшие вековыми деревьями. В центре озера блестело ярко-желтое пятно, а над ним висело неправдоподобно большое солнце. Не отрывая взгляда от

солнца, я пошла по узкому пляжу, покрытому крупными обкатанными камнями. Камни блестели на солнце, и от обилия света на глаза навернулись слезы. Они скатывались по щекам, а на их месте возникали новые. Я смотрела на озеро, на фиолетовые берега, на солнце и плакала. Вместе со слезами из меня выходили боль и отчаяние последних месяцев. Было ощущение, что в ярком солнечном свете скорбные мысли сгорают, а их место занимают другие — молодые и легкие.

Глубоко втянув живительный воздух, я посмотрела вдаль и увидела древнюю старуху. Она шла мне навстречу, и каждый ее шаг сопровождали удар бубна и перезвон колокольчиков, свисающих с диковинного плаща. На коричневой руке, сжимавшей бубен, виднелись затейливые узоры. Они двигались в такт бубну и, казалось, жили самостоятельной жизнью.

Старуха поравнялась со мной и, взглянув в глаза, спросила:

— Помнишь третье гадание?

В памяти появилась яркая картинка: Москва, Лялин переулок, старый двор. На скамейке — старуха. Ее ноги обуты в стоптанные пыльные ботинки, седые космы выглядывают из-под желтого вязаного шарфа. Стоп! Совсем недавно я видела подобный шарф. Но где? Мысли заметались, и вот уже перед глазами — Париж, аэропорт, высокий мужчина лет сорока. На его шее красовался желтый вязаный шарф. Мужчина курил и поглядывал по сторонам. Я решительно направилась к незнакомцу, и, заметив мое приближение, он радушно улыбнулся.

— Наверное, вы встречаете меня?

— Если вы — Маргарита Владимировна, то да!

Он протянул руку и представился:

— Морис.

— Очень приятно, Рита.

— Вы позволите называть вас Марго?

— Лучше Рита, я же не француженка.

— А как называют вас друзья?

— Самые близкие — Мариной.

— Когда-нибудь я назову вас так же!

Старуха ударила по бубну, и многочисленные колокольчики тревожно зазвенели.

— Вот-вот! И чего тебя туда понесло! Жила бы себе спокойно, ан нет!

— Морис! — прошептала я.

— Тоже мне фрукт! Сплошное гнилье!

Старуха плюнула под ноги и ударила в бубен. Затем еще, еще и еще! Резкие удары бубна походили на рыдания, звон колокольчиков — на поминальный плач. Мне стало страшно. Хотелось убежать, заткнуть уши, закрыть глаза. Однако что-то неуловимое, движущееся по старческой руке притягивало взгляд, и, смахнув слезы, я увидела клубок змей. Они ползли по левому запястью старухи и походили на вылезшие наружу вены. Вот одна из змей вынырнула из клубка и посмотрела в мою сторону. Из черных глаз потянуло холодом, и показалось, что мозг заполняют ядовитые испарения.

От ужаса я вскрикнула и схватила старуху за руку.

Острая боль, громкие удары бубна и темнота.

— От завтра не уйдешь! — послышался старческий голос. — Не уйдешь!!!

Видимо, любая жизнь находится под контролем Высших сил. Чаще всего мы не осознаем их присутствие, не верим в них. Но вот наступает момент, и в жизни все меняется. То, что было незыблемым, рушится; то, о чем не помышляли, приходит и занимает свое место. И тогда возникает ощущение, что Некто, могущественный и непостижимый, ведет нас по жизни и время от времени направляет то в одну сторону, то в другую. Эти повороты сбивают с толку, заставляют беспомощно озираться, приводят к неизбежным потерям, вдребезги разбивают старое. Тогда, измученные происходящими переменами, мы поднимаем голову и, глядя в бесконечное небо, восклицаем:

«Господи, помоги!»

И этот возглас означает одно — просветление. Наконец-то человек осознал: он — лишь крохотная частица целого, а испытания, посланные ему, не случайны.

Такие мысли появились во мне после Варькиной молитвы и последующего за нею сна. Мне хотелось осознать, понять, что со мной произошло. Я вспомнила про дневник и, достав его, попыталась составить план на ближайшие дни.

29 мая 2006 г. Постепенно набираюсь сил. Боль от потери отступает. Появляются новые мысли, а вместе с ними — планы на будущее. Наверное, моя жизнь выправляется.

Я на минуту задумалась и, погладив бархатную обложку дневника, продолжила:

Надо:

1. Позвонить Адамычу.

2. 1 июня выйти на работу.

Обсудить с Ньютой экзаменационный материал и сценарий выпускного вечера.

4. Связаться с господином Анно и Морисом.

Моя рука на мгновение замерла, и я подумала:

«Морис! Он так старался понравиться. Как нехорошо, что не позвонила ему!»

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить того, кто безраздельно владел моими мыслями за день до смерти дедушки. Морис предстал в той же шапке-ушанке, в которой я его увидела впервые.

«Славный, пижонистый Морис! Наверное, производить впечатление у него в крови».

Я посмотрела на исписанный лист и, повертев ручку, написала:

«Морис и господин Анно знали дедушку в его парижском прошлом. Следовательно, он — в их памяти».

Ручка на мгновение задрожала и стала водить круги по плотной розовой бумаге.

«Память! После человека остается только память. Вещи, дела, привычки, отношения остаются на Земле, в Вечности они не нужны. А значит, все это мало стóит».

Я уже готова была задать вопрос: «А что стоит много?» — но вовремя остановилась. У меня возникло непреодолимое желание посидеть на диване, который купил Дмитрий Павлович. Я вошла в большую комнату и, поглядев на нарядную обстановку, подумала:

«За один месяц дедушка успел переоборудовать всю квартиру. Он проявил такую настойчивость, что пришлось подчиниться. Казалось, ему доставляло удовольствие заниматься переустройством. Дедушка консультировался с Лялькой, ездил по магазинам, часами сидел в Интернете. Все это время я жила в его квартире, и, по-моему, ему это нравилось. Мы вместе ужинали, вместе проверяли сочинения, обсуждали текущие новости,

слушали музыку. В этот месяц мы оба почувствовали, что такое настоящая семья. Не надо было следить за словами, надевать приличествующие случаю маски. Я чувствовала: меня ждут, мне рады, обо мне заботятся. Садилась за стол и ощущала блаженство. Блаженство было многомерным и состояло из радости, что тебя любят; из мысли, что тебя никто не перевоспитывает; из удовлетворения, что твою работу ценят, и еще из десятка непередаваемых нюансов. Одним словом, я приходила домой!»

Резкий, нетерпеливый звонок не оставил шансов на новые потоки слез, уже дождавшихся своей очереди. Телефон не звонил так давно, что я уже успела от него отвыкнуть.

«Зачем он звонит? Я ни с кем не хочу говорить!»

«Ты должна общаться с миром, — послышался голос Варьки. — Должна!»

Я вздохнула и подняла трубку.

— Слушаю.

— Рита! Риточка! — раздался взволнованный голос. — Наконец-то ты отозвалась! Я места себе не находил! Что случилось? Как Дмитрий Павлович?

— Морис! — ахнула я.

— Да, да!

— Дедушка умер. Два месяца назад.

— Ох! — голос Мориса на мгновение пропал. — Я чувствовал, чувствовал, что случилась беда. Такой человек... и ушел!

— Спасибо, Морис! Спасибо за эти слова.

— С тобой все в порядке?

— Сейчас да.

— Что значит сейчас?

— Я лежала в больнице, затем — дома. Теперь — все ничего.

— Ничего, — повторил Морис. — Хочешь, приеду?

— Нет, нет!

Я запнулась. Тишина, повисшая между Москвой и Парижем, нарушалась слабыми тресками и тихим жужжанием.

— Я сама приеду. В начале июля.

— Обещаешь?

— Да!

— Целую тебя!

— До встречи!

Я положила трубку и прижала руку к груди. Мое сердце громко ухало, и этот звук напоминал удары колокола Нотр-Дама.

«Бам, бам, бам!» — стучало в висках.

«Дум, дум, дум, дум!» — вторило сердце.

Неторопливый ход мыслей был нарушен, и я в волнении заходила по комнате. Жизнь ворвалась в меня, стучала в окно, лезла в уши.

«Морис!»

31 мая я вышла на работу. В лицее стояла непривычная тишина. Никто не бежал по коридорам, никто, притулившись у подоконника, не списывал домашние задания. Я подошла к парадной лестнице и растерянно огляделась.

«Надо было позвонить Нюте. Похоже, в лицее сейчас никого нет».

— Маргарита Владимировна, дорогая! Рад вас видеть!

Меня обхватили пухлые руки, и, обернувшись, я увидела Адамыча.

«Как всегда, подкрадывается незаметно».

Я приветливо улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте, Александр Адамович!

— Не представляете, как я рад! Как рад! — елеиным голосом проговорил Адамыч.

«Сколько же в нем сиропа! Не человек, а леденец!»

Образ конфеты, укутанной в обертку с названием «Адамыч. Леденец с начинкой», заставил меня вновь улыбнуться. Адамыч сцепил толстые пальцы и, положив их на свой внушительный живот, замурлыкал:

— Оказывается, вы уже улыбаетесь! Очень хорошо!

Он поднял брови и изобразил скорбь.

— Как мы за вас волновались! Как переживали! Такое несчастье! И крепкий человек не выдержал бы, а тут — хрупкая женщина.

Адамыч заметил тень, пробежавшую по моему лицу, и тут же сменил тему.

— Ваши ребята очень скучали! «Когда выйдет Маргарита Владимировна? Будет ли на экзамене? А на выпускном?» Мне кажется, они вас искренне любят!

Адамыч от удовольствия прикрыл маленькие глазки, и могло показаться, что в любви 11 «Б» есть и его заслуга.

«Что это он так расшаркался? — думала я, глядя на лоснящееся лицо директора. — Раньше за ним этого не наблюдалось. Может быть, действительно сочувствует?»

— Надеюсь, увидеть вас на работе. Сами понимаете, экзамены!

За немудреным словом «экзамен» проглядывались десятки сочинений одиннадцатых классов, изложения девярых, устные экзамены по литературе и русскому языку.

— Я уже вышла.

— Как вы меня обрадовали!

— А что, в лицее никого нет? — спросила я, предупреждая новое извержение сиропа.

— Почему нет! Учителя на рабочих местах, готовятся к экзаменам.

Он покотился к лестнице.

— Хотите вас провожу?

— Что вы, Александр Адамович! Не стоит беспокоиться, сама дойду!

Мысль, что Адамыч будет сопровождать меня по лицу, была нелепа, и, кивнув ему, я быстро пошла к кабинетам. Около одного из них я остановилась и заглянула в дверную щель. За учительским столом сидела Нюта и штамповала тетрадные листы. Просунув голову в дверь, я тихо сказала:

— Здравствуй, Нюта!

— Ритка, солнышко мое!

Нюта бросилась ко мне.

— Смотри-ка, какой молодец! — она прижала меня к своей пышной груди. — А я вот, видишь, занимаюсь «интеллектуальной работой»! Кураторы — в запарке, а в нашем лицее кто крайний?

— Анна Сергеевна!

— Правильно! Анна Сергеевна и листки проштампует, и бархатную скатерть постирает, и...

— Зачем бархатная скатерть? — перебила я.

— Не догадываешься? Для показухи, милая! Адамыч говорит, что на экзамены пожалует важная комиссия, а чиновники только за бархатной скатертью могут сидеть, иначе нельзя. Иначе им своих функций не выполнить!

— Нют, я что-то не пойму. Что тут происходит?

— А происходит вот что! — Нюта воткнула кулаки в талию и вызывающе задрала голову. — Лицею, оказывается, надо срочно пройти аттестацию. Для этого Адамычу придется в течение полугода кормить, поить, ублажать, привечать всяких проходимцев. Они, видите ли, должны свои закорючки на бумагах поставить! Заняли теплые места! Твое счастье, Рит, что ты с этой публикой не сталкиваешься! Пауки, настоящие пауки! Толку от них никакого, а кровь пьют. К примеру, не вышла ты на уроки, весь лицей чувствует. А они? Не придут на работу, и не надо! Никто не почувствует! Хотя, что я? Очень почувствуют.

— Кто?

— Мы! Дышать станет легче!

— Я смотрю, ты по-прежнему воюешь?

— Да я бы рада не воевать!

— То-то Адамыч ласковым стал! Наверное, репетирует встречу с начальством.

— И не только! Он теперь всегда будет любезен.

— С кем?

— С тобой, с кем же!

— Это настораживает.

— Расслабься! — Нюта тяжело села за стол и закричала. — Ноги стали отекают, не могу долго стоять. Даже на уроках, как квочка, сижу.

— Так что изменилось в отношении директора ко мне? Ты ведь знаешь, я никогда не любила начальства.

— Знаю! — махнула рукой Нюта. А говорит он так сладко потому, что я проболталась. Сама знаешь, какой у меня язык! Лягнула как-то, что ты — потомок князей Лопухиных, да еще и добавила: «Маргарита Владимировна — единственная наследница».

— Зря!

— Не обижаешься?

— На тебя — нет!

В Нютиных глазах заблестели слезы. Чтобы не смущать подругу, я подошла к окну. Стадион пуст, газоны подстрижены, асфальт подметен. Я повернулась к Нюте. Она опять штамповала экзаменационные листы.

— Забыла тебе сообщить: завтра к вам приедут гонцы. Я твоим мальчикам велосипеды заказала. Мама будет дома?

— Будет, — ответила Нюта и тут же встрепенулась.

— Велосипеды! С какой стати?

— Что?

— Зачем ты тратишься? У моих пацанов все есть!

— Ой ли? Может, сбавишь обороты? Я для Антошки и Тимошки — крестная мать! Моя обязанность — им помогать.

— А моя?

— У тебя — тысячи обязанностей! И пожалуйста, не порть мне радость. Я выбрала хорошие велосипеды с кучей всяких наворотов... К тому же мне подобные траты не в тягость, а у тебя — денежные проблемы.

— Это верно. Мой шакал опять в бегах. Не звонит, алиментов не платит. Где его черти носят, не знаю!

— Давай помогу!

Я взяла печать, штемпельную подушку и стала ставить штампы лица на странички школьных тетрадей.

* * *

Весь июнь я была загружена под завязку. Навалившиеся дела одновременно и выматывали, и способствовали моему окончательному выздоровлению. Мне уже трудно было представить, что полтора месяца назад я, апатичная и вялая, ничем не интересовалась. Теперь за день я успевала сходить на очередной экзамен, на репетицию или на педсовет, переговорить по телефону с родительским комитетом, съездить в ресторан, где планировался выпускной вечер. К этому нужно добавить вечерние беседы с Лялькой, Нютой, Варькой (телефонные и очные), затем — домашние дела. Временами мне некогда было даже подумать, и, признаюсь, меня это радовало.

Пребывая в таком режиме, я четко усвоила две истины. Первая: заикливаться на своих мыслях — занятие довольно опасное, поэтому время от времени надо идти в люди. Вторая (старая и проверенная многими поколениями): движение — это жизнь! К этому надо еще добавить мое стремление к совершенствованию и борьбу с собственными недостатками.

— Растешь, Мариш! — увидев меня в очередной раз, воскликнула Варька. — Пройдет пара лет, и станешь Совершенством!

— Вот что мне не грозит, это совершенство! — ответила я. — До него так же далеко, как до той звезды.

Я высунулась в окно и поглядела на далекую звезду, выделяющуюся среди других. В свое время я не спросила Олега Александровича об этой звезде, а сама... сама я называла ее просто: Звезда — звезда с большой буквы.

Варька тоже высунулась в окно и, посмотрев на небо, заметила:

— Теоретически до любой звезды можно долететь.

— А практически?

— Нереально!

— Как воз с плеч! — тут же отреагировала я. — Терпеть не могу всякие совершенства!

Варька искоса поглядела на меня и засмеялась:

— Человек с развитым чувством юмора всегда устойчив.

— Варь, подожди минутку! — я потянулась за листком бумаги. — Хотелось бы записать.

— Что записать?

— Соберу твои высказывания и издам отдельной книжкой.

— Издеваешься?

Варька сощурила глаза и раздула ноздри.

— Почему же? Разве ты не достойна? И название такой книге придумала: «Советы опытного психотерапевта».

Варька добродушно улыбнулась.

— Мне не нужна слава, я — самодостаточна.

— Об этом мы как-нибудь поговорим.

— И об этом поговорим, и о другом.

* * *

Господину Анно я позвонила в середине июня. Услышав о смерти дедушки, он едва вымолвил после долгого молчания:

— Как же так! И не повидались...

Жан Поль тяжело вздохнул и сквозь слезы сказал:

— Рита, запомните одно: Дмитрий Павлович был не только моим многолетним клиентом, но и другом. По телефону не положено говорить о таких вещах, но я все-таки скажу: в документах, что вы привезли в Париж, помимо прочих бумаг, было заверенное русским нотариусом завещание. В нем вы объявляетесь наследницей имущества Дмитрия Павловича в России. Кроме того, мне даны четкие распоряжения в отношении его собственности во Франции.

Я ничего не ответила.

— Вы меня слышите?

— Да, господин Анно.

— Бумаги оформлены по всем правилам, поэтому в течение полугода вы должны вступить в наследство.

— Я собиралась приехать в Париж в начале июля.

— Буду вас ждать.

Господин Анно сделал паузу и, видимо, взяв записную книжку, сказал:

— Будьте добры, продиктуйте адрес вашей электронной почты. В ближайший день-два я напишу вам письмо, где будет перечень документов, которые вы должны собрать к отъезду. Все вопросы с налогом на наследство мы решим при встрече.

— Хорошо, — ответила я.

— До свидания! Буду ждать.

Положив трубку, я почувствовала растерянность. С одной стороны, я догадывалась, что в этом направлении дедушка предпринял какие-то шаги; с другой — мои финансовые амбиции были настолько ничтожны, что любое излишество приводило в трепет. Я не была расчетлива и не умела распоряжаться деньгами. Если бы такая ситуация сложилась у Олега, он бы быстро все «разрулил». Мало того, от подобного занятия он получил бы удовольствие и вник бы в проблему наследства со всей ответственностью.

Я уже успела уйти на кухню, когда опять зазвонил телефон.

— Слушаю.

— Риточка, что с тобой? Почему я не могу дозвониться?

— Здравствуйте, Татьяна Леонидовна!

— Нехорошо, Риточка, нехорошо! Забыла меня — не заходишь, не звонишь. А ведь я тебе всегда рада! Конечно, я понимаю, со старухой неинтересно общаться...

— Ни в коем случае! — перебила я. — Ни в коем случае не принимаю ваши упреки. Мне всегда было с вами интересно, а рассказы о театре меня просто завораживали.

— Спасибо, милая! Сама понимаешь, чем старше становишься, тем больше капризов. Так что не сули!

«Сказать или нет? — тем временем думала я. — Тринадцать лет знакомства нельзя назвать шапочным».

После разговора с господином Анно я чувствовала себя не в своей тарелке.

«Пожалуй, поболтаю!»

Слово за слово, и наш разговор перешел на мои проблемы. Ласковый говорок Татьяны Леонидовны основательно меня расслабил, и я вкратце рассказала ей события последних месяцев.

— Кто бы мог подумать! — воскликнула она. — Встретить дедушку около дома! Ой, Риточка, я сейчас заплачу!

Татьяна Леонидовна громко высморкалась и продолжила:

— Помнишь, я советовала тебе искать родственников?

— Да, да!

— Я тебе не говорила, что предпринимала со своей стороны некоторые шаги?

— Первый раз слышу.

— Было-было, моя милая! Не говорила потому, что боялась сглазить. Я обратилась к одному режиссеру, чья родственница работала в Инюрколлегии.

— И каков результат?

— К сожалению, никакого! Но я тебе скажу так: Господь сам одаривает того, кого считает достойным.

Она помолчала и добавила:

— А бывает и наоборот.

— Как поживает Олег Александрович?

— Скрипит понемногу.

Я улыбнулась.

«Надо же, какой она нашла точный глагол — скрипит!»

— Последнее время Олег стал брюзгой, — продолжила Татьяна Леонидовна. — Все ему не так, все не этак! Я, конечно, его жалею, но и тебя понять могу. Олег нагоняет такой пессимизм, что впору лечь и умереть. А жить с подобными мыслями нельзя! Мне и врачи говорили: «Постарайтесь общаться только с теми, кто физически и психически здоров».

— Вы думаете, у него — проблемы?

— Нет, нет! Ты меня неправильно поняла! Слава Богу, Олег здоров, но...

«Очевидно, ей неловко говорить, что сын — мрачный, нелюдимый человек, а с возрастом эти качества только усилились».

— Вы извините, Татьяна Леонидовна, мне должны позвонить.

— Поняла, поняла, дорогая! Еще только пару слов. Олег говорил, что забыл у тебя какие-то бумаги. Не Бог вещь какие важные, но...

«Вот почему она позвонила!»

— Что за проблема! Пусть заходит.

— Дело в том, что он уже заходил, но у тебя другие замки!

— Совершенно верно! У меня был ремонт, заодно поменяли и дверь.

— Когда ты бываешь дома?

— Сложно сказать. Я весь день в бегах, ведь у меня в этом году выпуск. Могу сказать точно — двадцать пятого до обеда буду дома.

— Рада была поговорить! Береги себя!

— Постараюсь. До свидания, Татьяна Леонидовна.

— До свидания, Риточка!

«Зачем я сказала про двадцать пятое? — Я положила трубку на место. — Впрочем, маловероятно, что Олег сможет прийти в первой половине дня».

Пять дней до выпускного вечера я безвылазно сидела в лицее. Надо было оформить актовЫй зал, заполнить аттестаты, обговорить с родителями порядок вручения подарков и цветов, продумать прочие атрибуты праздника. К тому же, мы с Нютой редактировали сценарий выпускного вечера, подбирали музыку, вылавливали учителей на репетиции, подписывали похвальные листы и грамоты.

В результате времени для себя практически не оставалось.

Я позвонила Ляльке и договорилась с ней, что двадцать пятого утром она сделает мне парадное личико и проконтролирует экипировку.

Лялька явилась в девять утра и, посмотрев на меня, вынесла приговор:

— Никуда не годишься!

— Что, совсем плохо?

— Бледная очень! — коротко ответила Лялька. — Но это не проблема.

Она достала внушительную косметичку и стала раскладывать баночки, тюбики, флакончики и кисточки.

— Сейчас увидишь работу мастера, — любовно разглядывая свое хозяйство, добавила она.

Лялька посадила меня лицом к окну и стала наносить на лицо крем. Я ощущала ее легкие прикосновения, слышала напряженное дыхание, ловила оценивающие взгляды. Она то подходила ко мне, то отодвигалась к окну.

«Вот почему Лялька так эффектно выглядит! Наверное, в ней — нераскрытый талант художника».

— Самое трудное сделала!

Лялька оглядела меня со всех сторон и протянула зеркало.

— Посмотри!

Я взглянула на себя и пришла в ужас. В зеркале отражалась фарфоровая маска.

— Ну как?

— По-моему, ужасно!

— Кто бы говорил! — возмутилась Лялька и отобрала зеркало. — Классная работа!

Она недовольно нахмурила брови и стала готовиться к следующему этапу. Ее губы обиженно вытянулись, а пальцы перебирали карандаши и коробочки с тенями.

— Ты когда-нибудь видела, как пишут картины?

Лялька осторожно провела по моим бровям чуть влажной кисточкой.

— Нет.

— Художники сначала грунтуют холст, а затем наносят рисунок.

Лялька взяла тонкий серо-зеленый карандаш и провела им по контуру глаз.

— Главное, не делать резких и ярких линий — они старят. Линии должны быть притушенными, слегка размытыми. Это все равно как игра теней.

Зажав в руке три тюбика с помадой, она стала подбирать подходящий цвет.

— Знаешь Мерилин Монро?

Я кивнула.

— Так вот, без макияжа она была блеклой, неинтересной женщиной. Однако стоило ей подкрасить губы, нанести на глаза голубоватые тени, и она преображалась. Кстати, к губам

Монро относилась очень серьезно. Она пользовалась тремя контурными карандашами и несколькими оттенками губной помады.

Лялька мазнула по губам жидкой помадой и продолжила маленькую лекцию:

— Если в центр губ положить небольшой светлый мазок, губы станут более пухлыми.

Продолжая комментировать свои действия, она принялась за ресницы.

— Сейчас с косметикой — никаких проблем. Даже для коротких ресниц нашли выход.

Достаточно нанести специальную тушь, и ресницы удлинятся в два раза. Смотри!

Лялька опять протянула зеркало и, увидев мое восхищенное лицо, скромно отошла в сторону.

— Волшебница! — воскликнула я. — Ты — просто волшебница! Никогда не думала, что могу так выглядеть!

— Жаль, фотоаппарата под рукой нет. Можно было бы сделать фотографии — до и после.

Я продолжала любоваться собой. Лицо было похоже на раннее утро, зеленые глаза в обрамлении длинных ресниц напоминали проснувшийся лес, губы — нераспустившиеся розы, легкий румянец на щеках казался полоской зари.

— Теперь займемся волосами.

Лялька достала фен и принялась за укладку.

— Только прошу тебя, — прокричала она сквозь гудение фена, — постарайся ничего не есть. Сама понимаешь, помада сотрется.

Ради того, чтобы выглядеть как сейчас, я готова была не есть, не пить и не спать.

— Конечно, я тебе дам помаду и карандаши. Если глаза и губы «поплывут», сама подкрасишь. Но только смотри, никаких слез! Поняла?

Как обойтись без слез на выпускном вечере, я не знала. Однако такое лицо ко многому обязывало, и я дала обещание — сдерживать эмоции из последних сил.

— Волосы лежат хорошо! — с одобрением сказала Лялька. — Теперь — наряд.

Она устремила к гардеробу и стала разглядывать его содержимое.

— Хорошо, что мы с тобой раньше кое-что прикупили, а то выбирать было бы не из чего. Разве что подарок Олега Александровича, черный костюм.

Я посмотрела в гардероб. Костюм производил впечатление монашки, окруженной яркими нарядами девушками.

— Пожалуй, возьмем вот это.

Лялька достала серое длинное платье.

— Надевай!

Платье было легким, открытым, с тонкими бретелями. Шелковистый трикотаж струился по телу и напоминал ткань, из которой шьют костюмы киногороев.

— Посмотри, как преобразилась! — воскликнула Лялька. — Час назад была похожа на тину, а теперь — романтическая красавица!

Я взглянула в зеркало. Конечно, красавица — это сильно сказано, но глаза, кожа, волосы настолько изменились, что оставалось только удивляться.

— Плохо то, что к этому платью нет туфель и манто.

— С ума сошла! — воскликнула я. — Какое манто! Я же иду не на королевский прием, а на выпускной вечер!

— Туфли мы, конечно, найдем, — не слушая меня, продолжала размышлять Лялька, — а манто заменит маленький пиджачок-болеро.

— Такого у меня нет!

— Расслабься, сейчас принесу.

Через минуту Лялька вернулась с коробкой и блестящим пакетом.

— Хорошо, что размер ноги у нас одинаковый, — сказала она и вытащила из коробки серебристые босоножки.

— Примерь!

Я надела босоножки и почувствовала, как плечи распрямились, голова откинулась назад, а спина выпрямилась.

— Что значит обувь! — Лялька одобрительно цокнула. — Я уже давно поняла: обувь, руки, прическа — вот три причины женского очарования.

— А лицо?

— Лицо — это то, что дано от природы, но если женщина идеально причесана, обута, с маникюром на руках, — так или иначе, она привлечет внимание.

— Чье же внимание привлекать на выпускном? Там — только дети и учителя.

— Неважно! Главное, увидев тебя, все присутствующие ощутят праздник.

Лялька накинула мне сшитый из мелкой черной сетки пиджачок-болеро и добавила:

— Ничего лишнего — абсолютная гармония!

— Ты — удивительная женщина! Теперь представляю, как проявляются твои дизайнерские способности.

— Может быть, некоторым я и кажусь вертихвосткой, но внутри себя ощущаю удивительный порядок. Правда, этого никто, кроме Лопушка, не видит, поэтому и считают меня обычной тряпичницей.

Она отстранилась и, посмотрев на фотографию Дмитрия Павловича, стоявшую на стеллаже, добавила:

— Могу тебе признаться, он был одним из немногих, кто сумел разглядеть во мне настоящую суть.

— Дедушка был мудр. К тому же, тонкий ценитель прекрасного. Он всегда восхищался твоей женственностью.

— Знаю, — вздохнула Лялька. — Именно поэтому с ним было так хорошо! Дмитрий Павлович смотрел на женщину, как на загадку, дополняющую и украшающую жизнь.

Мы помолчали. Я стояла во всем блеске праздничного «прикида», как сказали бы мои дети, и думала о том, что Лялькины слова — это тоже память. Память о дедушке.

— Все! Пора на работу!

Лялька собрала вещи и направилась к двери.

— Желаю хорошего вечера!

— Спасибо!

— Не забудь накинуть плащ. Вечером — нежарко, к тому же для будничной, серой Москвы ты выглядишь слишком нарядной.

— Возьму такси.

— Правильно!

Лялька остановилась посреди коридора и еще раз оглядела меня.

— Все-таки три месяца знакомства с Дмитрием Павловичем не прошли даром, — добавила она и, послав воздушный поцелуй, скрылась в своей квартире.

Я закрыла дверь и в который раз посмотрела на себя в зеркало.

«Лялькина роль — играть бодрячку. Она эту роль выбрала и с ней успешно справляется.

Своего рода — защитная маска. А дома ее видят такой, какая она есть. Видят и любят. Не пойму, зачем она надевает маску при мне?»

Звонок в дверь, и вопрос повис в воздухе.

«Наверное, что-нибудь забыла».

Открыв дверь, я отступила назад. Передо мной стоял Олег Александрович. Он рассматривал меня, и в его небольших глазах отражались растерянность и недоумение. Последнее проявлялось сильнее всего, и, как в прежние времена, я ощутила желание объясниться и оправдаться. Однако, поколебавшись, пересилила себя и сказала:

— Не ожидала.

— Мне нужно кое-что забрать.

— Проходи.

Я с интересом посмотрела на бывшего мужа. Светлый летний костюм, коричневые ботинки, черный портфель. Подбородок несколько тяжеловат, волосы — с заметной сединой, под глазами наметились дряблые мешочки, руки — белые, холеные, не знающие физического труда. Настоящий начальник! Опытный, зрелый. И в то же время от комплексов никуда не уйдешь! Видимо, что-то не получалось, что-то постоянно мучило и грызло. Выражение его лица напоминало гримасы пациентов стоматологических поликлиник. Так и вижу: они сидят перед кабинетом, а на лицах — страх, боль и чуткое внимание к звукам, доносящимся из-за дверей.

— Давненько здесь не был, — заходя в квартиру, сказал Олег Александрович.

Он огляделся, и его лицо сморщилось.

— Шикарно живешь! Интересно узнать, на какие доходы?

Никогда не видела налоговых инспекторов, но мне кажется, если они что-то спрашивают, то именно таким тоном.

— Имеешь в виду ремонт?

— Тут не только ремонт, но и новая мебель! И не дешевая, замечу!

— Хочешь кофе?

— Не откажусь.

Я отправилась на кухню и включила кофеварку.

«Интересно знать, что передала ему Татьяна Леонидовна? Такое впечатление, что она не сказала про дедушку».

— Видимо, у тебя богатый спонсор, — предположил Олег Александрович, заходя в кухню. — Думаю, такой ремонт стоил около десяти тысяч долларов. Плюс — мебель...

Он опять сморщился.

— Все это профинансировала «подруга»?

— Не угадал, — ставя чашку, ответила я.

— Судя по запаху, и кофе — другой.

— Жизнь не стоит на месте.

— Здесь ты права.

Олег Александрович сел в кресло и перевел на меня взгляд.

— Хочется сделать тебе комплимент.

— Что же мешает? Сделай.

Он поперхнулся и, достав безукоризненно чистый платок, вытер губы.

— Складывается впечатление, что ты побывала в руках опытного массажиста, косметолога и парикмахера, — справившись с кашлем, сказал Олег Александрович.

— В таком случае комплимент не мне.

— И разговаривать стала по-другому.

— За эти полгода я много поняла.

— Что же ты поняла?

— Что такое любовь, семья...

Олег Александрович поставил недопитую чашку и зло прищурился.

— А раньше у тебя не было семьи?

Он запнулся и добавил:

— И любви.

— Думаю, нет! Вместо них была фикция.

— Фикция? Помнится, ты часто употребляла слова, не понимая их значений.

— Тебе это казалось. Как филолог, я обязана понимать значение слов. А что касается слова «фикция», то оно для нашей семьи — подходило. Разве не так? Ведь фикция — это несуществующий.

— Вот как?

— Надо признаться, нам так и не удалось создать семью. Про любовь я говорить не хочу!

— Почему же?

— Олег, не обманывай себя! Неужели ты веришь, что в нашем случае была любовь?

— Мне казалось, что да. По-моему, ты меня любила, да и я был к тебе очень привязан.

«Вот оно что! Настоящий Нарцисс! Важно, чтобы любили только его».

— Придется тебя разочаровать! Насколько понимаю, я принимала за любовь восхищение перед эрудицией. Согласись, это разные понятия?

— Значит, теперь ты познала самую, что ни на есть, настоящую любовь!

В голосе Олега Александровича зазвенели знакомые колючие нотки.

— И да и нет. У меня появился человек, который любил и заботился обо мне.

— Почему же так грустно? К тому же в прошедшем времени. Ты что? Надоела своему любовнику?

— Олег, честно скажу: твоя недоброжелательность меня больше не трогает. Что касается прошедшего времени... Человек, который меня любил, умер.

— Умер?

Олег Александрович удивленно поднял брови, и через мгновение по его узким губам заскользила ядовитая усмешка.

— Ловкая, оказывается, женщина! А я даже не подозревал! Вытряхнула по максимуму, а теперь говоришь: «Умер».

— Думай что хочешь!

Я так отвыкла от подозрительности, которую распространял вокруг себя Олег, что почувствовала необходимость впустить в кухню свежий воздух.

«Зачем ему что-то объяснять? Он всегда жил в состоянии борьбы со всем и вся. Слава богу, в моей жизни его больше нет. Лялька права, я изменилась. По-видимому, появилось ощущение внутренней свободы. Не хочу никому служить, не собираюсь доказывать, что я — хорошая. Хватит! «Долго на цыпочках не прстоишь», — говорила бабушка и была права. Надо стоять на полной ступне, и пусть тебя принимают такой, какая есть».

В подтверждение этой мысли я пошевелила пальцами ног, сжатых парадными Лялькиными босоножками, и усмехнулась.

«А ведь сейчас я — на цыпочках. Правда, по другой причине. Мои пятки подпирают очаровательные тонкие каблочки».

Я открыла окно и высунулась наружу. Около подъезда стояла небольшая машина, рядом — молодая женщина лет тридцати. словно почувствовав взгляд, женщина подняла голову, и наши глаза встретились.

«Забыла вызвать такси!» — пронеслась мысль.

Я резко отпрянула от окна и взяла телефонную трубку.

— Такси? Будьте любезны, запишите мой номер телефона. Хотела бы заказать машину на тринадцать часов. Что? Нет не надо бизнес-класс. Куда поедем? Недалеко, по центральному району. Да, расценки знаю. Адрес? Диктую.

Я продиктовала адрес и повернулась к Олегу Александровичу.

— Извини, мне надо собираться.

— Куда-то собралась?

— Тебя это не касается! По-моему, ты хотел забрать какие-то бумаги.

— Как я в тебе ошибался! Думал...

— Олег, я знаю, что ты обо мне думал; догадываюсь, о чем думаешь теперь. Для меня наша с тобой жизнь ушла в прошлое. Не надо ничего ворошить, ничего обсуждать. У тебя — свои дела, у меня — свои. Теперь мы — абсолютно чужие люди. Может быть, мои слова звучат резко, но это так.

Олег Александрович попытался изобразить презрительность, но, честное слово, у него это не получилось. Высокомерный взгляд не мог спрятать растерянность, за которой в свою очередь скрывалось отчаяние.

«Наверное, от моих слов — ему больно. А может быть, он меня любил?»

— В ящиках стола я еще не разбиралась. Там — все твои бумаги.

Олег Александрович вышел из кухни и направился в спальню. Я вспомнила ком из одеяла, пустое место на компьютерном столе, валяющиеся по квартире пакеты.

«Зачем он увез компьютер? Спросить? Да ну его! Что это изменит? И вообще... Ненужные разговоры, лишние эмоции. Теперь, наверное, смотрит на мой ноутбук. Думаю, в голове появились новые предположения. Да уж, можно себе представить! Сцепились со старыми мыслями в клубок и жужжат: «Греховна, фальшива, лицемерна, расчетлива».

Я услышала шаги и обернулась. Олег Александрович зашел на кухню и, покопавшись в кармане, вынул связку ключей. Положив их на стол, он взял сумку, набитую бумагами, и молча вышел.

— Прощай! — крикнула я.

— Прощай! — ответил он сквозь зубы.

Я подошла к столу и взяла ключи.

«Как в кино! Они расстались, и ключи — символ общего дома — были выброшены в окно».

Желая подыграть этому сценарию, я подошла к окну и вытянула руку над подоконником. Из подъезда вышел Олег Александрович. Он подошел к маленькой машине и, демонстрируя чувство оскорбленного достоинства, положил на сиденье сумку. Смахнув невидимую грязь, он величественно опустил на переднее место и закрыл дверцу. Женщина села за руль, и машина тронулась.

«Нашел себе новую служанку. На сей раз с машиной».

Я подошла к помойному ведру и выбросила ключи.

«Наша совместная жизнь не была поэтичной, поэтому последняя точка должна ей соответствовать».

Начало выпускного вечера было намечено на восемь часов. Мы с Нютой договорились встретиться в лицее в полвторого. Понимая, что меня ждет организационная суета, в лицей я приехала в джинсах и пуловере.

— Ты что? В таком виде и будешь? — ахнула Нюта.

— За кого меня принимаешь? В этом пакете — потрясающий наряд, он лично продуман Лялькой.

— Тогда я спокойна.

Нюта внимательно осмотрела меня и широко улыбнулась.

— Вижу руку мастера! Просто конфетка!

— Извини, конфетку напоминает Адамыч, а мы с тобой — отбивные!

— Как тебе моя прическа?

Только тут я обратила внимание, что непокорные Нютины вихры уложены, губы накрашены, а из-под челки выглядывают две темные дуги.

— Никак в парикмахерской побывала?

— Два часа проторчала! Пришла волосы уложить, а мастер уговорила на маникюр и брови.

Нюта вытянула перед собой пухлые руки и с гордостью посмотрела на ногти.

— Уж не помню, когда в последний раз в парикмахерскую ходила. Наверное, год назад. Дорого и некогда. Да и перед кем красоваться? Перед мальчишками?

— А Адамыч? Разве не мужчина?

— Адамыч — директор! Этим все сказано!

— Понятно. Что же ты сегодня красоту навела?

— Сегодня — святое! Можно сказать, общероссийский праздник. Надо быть при полном параде. Видишь, я даже костюмчик купила. Не бог знает что, но все-таки — обнова!

Нютин костюм состоял из пышной синей юбки в белый горошек и широкой блузы.

— Удачный!

— Нравится?

Нюта сделала танцевальное движение, и приподнявшаяся юбка обнажила ее полные ноги.

— Мама тоже сказала: «Хороший костюм, строгий и нарядный».

— А туфли? Лялька говорит, что главное для женщины — прическа, руки и обувь.

— Мало ли что она говорит! У Ляльки ноги от шеи растут, а на мои култышки нормальной обуви не купишь. К тому же, не выдержу я на каблуках, свалюсь и расплывусь, как квашня.

— Нют, что ты говоришь? Какая квашня? Ты — не квашня, а аппетитная булочка! Не то что я.

— Скажешь тоже! Булочка!

— Девочки! — послышался мурлыкающий голос. — У меня сегодня вся надежда — на вас!

Адамыч выкатился из-за угла и остановился. На нем был парадный костюм, яркий розовый галстук и лакированные ботинки.

— Нет слов! — воскликнула Нюта.

Адамыч радостно затряс головой и взял Нюту под руку.

— А вы, Анна Сергеевна, напоминаете сегодня яркий, большой георгин. Очень солидно выглядите!

Он одобрительно посмотрел на Нюту, затем — на меня.

— Маргарита Владимировна, а вы что?

— Не беспокойтесь, Александр Адамович! Скоро я тоже буду походить на георгин. Не большой, конечно, а маленький.

— Буду рад! Вы у нас — провожающая мама!

— Вот именно!

Я развернулась к актовому залу.

— Через час — генеральная репетиция. Не забудьте, Александр Адамович!

— Непременно приду, непременно!

Последующие пять часов мы с Нютой были в гуще подготовительной работы. Только тогда, когда появились выпускники, сопровождаемые эскортом из родителей, бабушек и дедушек, я убежала в кабинет переодеваться.

* * *

Выпускной вечер по традиции состоял из двух частей: официальной, проходящей в актовом зале лицея, и банкета. Банкет был заказан в Золотом зале ресторана «Екатерининский дворец». Заранее было оговорено меню, приглашен музыкальный коллектив, заказаны фуршет и фейерверк. На банкет мы предполагали отправиться ближе к полуночи, так как торжественная часть длилась обычно около трех часов.

Мы с Нютой сидели в президиуме и рассматривали выпускников. В этом году было четыре выпускных класса, поэтому предполагалось, что процесс вручения аттестатов затянется. Адамыч говорил уже торжественную речь, родители утирали слезы, фотоаппараты щелкали, видеокамеры работали, выпускники слушали.

Все шло по плану.

— Вы пришли в лицей восьмиклассниками, — говорил Адамыч. — За эти четыре года вы написали сто шестьдесят три контрольных работы...

Аплодисменты.

— Сдали сорок восемь зачетов...

Аплодисменты.

— Съездили в двадцать четыре музея. Прошли практику в музеях-усадьбах и заповедниках. Посетили Францию, Германию, Голландию и Италию. Ходили в походы.

Бурные аплодисменты.

— Ваша параллель удачно вписалась в общий коллектив и продолжила славные традиции лицея. Среди нынешних выпускников есть неоднократные победители окружных, городских...

Адамыч сделал многозначительную паузу и продолжил:

— ...российских олимпиад!

Аплодисменты.

— Вы вдохнули в эти старые стены молодую энергию, стали частью нашего лицейского братства!

— Ишь как разошелся! — заметила Нюта. — Никак кто-то из начальства сидит!

— От имени всего педагогического коллектива, — тем временем говорил Адамыч, — я говорю вам — спасибо! Спасибо за то, что хорошо учились! Спасибо за творчество, которое демонстрировали на этой сцене! Спасибо за вашу любовь!

Неожиданно Адамыч поклонился.

Бурные, продолжительные аплодисменты.

— Я же тебе говорила: Адамыч — артист! Может выступать перед любой аудиторией. А это, дорогая моя, — талант! Причем, замечу ради объективности, — наш директор говорит складно и всегда по существу.

— И что похвально, — подключилась я, — всегда без шпаргалки.

— Среди нынешних выпускников — восемь золотых медалистов, пятнадцать серебряных медалистов...

Зал встал.

— Впечатляет! — заметила я.

— Что хорошо, то хорошо! Не спорю. Честное слово, когда Адамыч выступает, я готова простить ему все! — Нюта от всей души хлопала в ладоши и улыбалась. — Готова простить мелкие пакости, которые он так виртуозно подстраивает; подглядывание, неуместные реплики в мой адрес.

— Ты имеешь в виду — георгин?

— Хоть бы и так! Надо же такое придумать!

— А мне показалось, это — комплимент. Может быть, он — твой тайный поклонник!

— Типун тебе на язык! Поклонник! Да я мужиков на пушечный выстрел не подпущу! Мне одного хватило. После него у меня на всех представителей этого пола — аллергия.

— Ой ли? А как же Тимошка и Антошка?

— Да ну тебя!

Нюта засмеялась и тяжело села на стул.

— Постояли и хватит.

— Рад вам сообщить, что в наш лицей прибыли гости.

Адамыч засветился и повернулся в сторону кулис. Оттуда в сопровождении завуча стали выходить незнакомые нам люди.

— Представитель Департамента образования города Москвы, заместитель префекта Центрального округа, начальник Управы муниципального района!

Адамыч сердечно пожал руки гостям и усадил их рядом с собой.

— Слово предоставляется...

Речи понеслись одна за другой. Мы с Нютой знали: в этих речах — ничего интересного. Гости есть гости. Они не работали в лицее, не стояли перед учениками множество уроков подряд, не утешали, не ругали, не хвалили, не болели за них. Словом, эти уважаемые господа не прожили с ними целых четыре года. Вот когда будут выступать учителя, тогда все потянутся за платками. А все почему? Потому что будут найдены такие сердечные слова, что впору уткнуться кому-нибудь в плечо, чтобы никто не видел мокрых глаз и распухшего от слез носа.

Тем временем выступления закончились, и началось торжественное вручение аттестатов. Сначала аттестаты вручали выпускникам одиннадцатого «А» класса, затем на сцену стали выходить «бэшки». В этом незабываемом действии мы с Нютой принимали

самое живое участие.

Первой на сцену поднялась Анечка Соловьева. Она была похожа на невесту. Белое, отделанное гипюром платье плотно облегло тоненькую фигуру и расширялось от талии пышным колоколом. Волосы собраны в замысловатую прическу, на руках — атласные перчатки. Анечка подошла к Адамычу, тот вручил ей золотую медаль и подарки от городского Департамента образования. Затем она направилась ко мне. Я вложила в ее тонкие пальчики аттестат, и девочка кинулась мне на шею. Зал стал аплодировать, а Анечка зашептала в самое ухо:

— Маргарита Владимировна, миленькая! Я не хочу уходить!

Рыдания стали подниматься из нутра к горлу, и я сдавленно проговорила:

— Мы с тобой не будем плакать, правда? Ты всегда сможешь прийти ко мне.

— Так грустно!

— Обещаю, этот выпускной — не прощание. У нас просто заканчивается один этап и начинается другой. Поняла? Теперь мы — не учитель — ученица, а друзья. Ну же, улыбнись! Смотри, тебя снимают на камеру.

Аня шмыгнула, повернулась к залу и помахала рукой. На сцену легко вспрыгнул ее отец и преподнес мне букет белых роз.

— Спасибо! — от души сказал он и крепко пожал мне руку.

Анечка уже стояла около Нюты и получала подарки от родительского комитета. Затем она перешла к секретарю, следившему за тем, чтобы в Книге учета была подпись владельца аттестата.

Мне приходилось одновременно выдавать аттестаты, говорить напутственные слова, шутить, улыбаться, позировать перед камерами. От улыбки, не сходящей с лица, губы стали слегка подрагивать.

— Смотри, не разревись! — тревожно поглядывая на меня, сказала Нюта. — Нам еще всю ночь прыгать.

— Держусь изо всех сил.

На сцену вышел Саша Гламуров. Он подошел ко мне и, осторожно взяв мою руку, поцеловал.

— Мы восхищаемся вами, Маргарита Владимировна. Вы — самая красивая!

Он на мгновение запнулся и добавил:

— И самая душевная!

Предательская слеза поползла по щеке, но тут откуда-то сверху послышался голос Ляльки: «Только не плакать!»

Я неловко прижала Сашу к себе и, как маленький ребенок, шмыгнула.

Началось вручение аттестатов выпускникам других классов, и для нас с Нютой наступил перерыв. Мы незаметно вышли за кулисы и плавно просочились в костюмерную.

— Не могу! — воскликнула Нюта. — Трогательно до слез! Какой год выпускаем, а привыкнуть невозможно.

Я слушала и молчала. У меня внутри дрожал каждый нерв, и знакомый стук колес твердил: «Ушли, ушли, ушли!»

— Ты меня слышишь?

— Да.

— Ничего ты не слышишь! Опять в себя погружаешься.

Нюта подошла к окну и выглянула наружу.

— Сколько машин! Все подъездные пути заставлены. И в основном — иномарки. Да, девочка моя, родители наших детей — люди не бедные!

— Поменяй тему, — сказала я. — Эта не подходит для праздника.

— Ты права!

Нюта полюбовалась на себя в зеркало и энергично повернулась ко мне.

— Хватит киснуть! Давай лучше проверим реквизит. Думаю, через полчаса нам выступать.

* * *

Сказать, что выступления учителей ждали, — значит ничего не сказать. В нашем лицее существовало много традиций, но учителя на сцене — это особый разговор. По традиции учителя давали концерты три раза в год. В конце сентября выступление предназначалось для учащихся, поступивших в лицей. Оно проходило после посвящения восьмиклассников в лицеисты. Второй выход был приурочен к Новому году. Это выступление вписывалось в общую программу праздника и включало в себя или сценку из лицейской жизни, или новогоднюю сказку. Третье выступление было прощальным приветом тем, кто четыре года жил напряженной лицейской жизнью, а теперь уходил из родных стен в жизнь, новую и неизвестную.

Прощальное выступление завершало торжественную часть и, наверное, было той пробкой, которая, выскакивая из бутылки, снимает напряжение и вызывает у присутствующих мысль: наконец-то начинается настоящий праздник.

Обычно сценарий готовился за два месяца до выпускного вечера. Он редактировался, дополнялся и переписывался. Учителя, умеющие петь и шутить, собирались на несколько репетиций, где пытались войти в предназначенную им роль. Не всегда получалось все сразу, однако час выступления приближался, и все, задействованные в концерте, на последнюю репетицию выходили в полной боевой готовности. Очевидно помогал многолетний опыт, а также спетость и некоторая спитость нашего непростого коллектива.

Я не случайно говорю «некоторая спитость». Разумеется, на работе учителя не пьют никогда. Исключение составляет выпускной вечер. Здесь уже никто и ничто не мешает слегка выпить и расслабиться после напряженного учебного года. Экзамены закончились, детей мы аттестовали, документы об окончании лицея выдали, и то, что происходит после торжественной части, никакого отношения к учебному и воспитательному процессу не имеет.

Чтобы снять нервное напряжение, за десять минут до выступления учителя традиционно закрывались в костюмерной и выпивали по рюмке коньяку. Когда звучал сигнал к выходу, коньяк уже начинал действовать. Как правило, никаких сбоев в процессе выступления не было, и еще долго в актовом зале слышались аплодисменты, а учителя принимали персональные комплименты от выпускников и их родителей.

Эти моменты были в нашей жизни особенными: они давали почувствовать, что артистизм — неотъемлемая часть педагогического мастерства. Уверяю, это не праздные слова! Как показывает опыт, завоевать внимание и расположение детей непросто. Для этого надо обладать многими качествами, главные из которых — блестящее знание предмета и артистизм.

Так как литературу в одиннадцатых классах преподавали мы с Ньютой, нам и поручили написать сценарий. К слову сказать, и предыдущие сценарии писали тоже мы. В силу известных обстоятельств нам не удалось приступить к этой работе заранее, поэтому сценарий писался наскоро и редактировался в последние дни. Несмотря на его несовершенство, мы выступили удачно и сорвали взрыв бурных оваций.

По нашим с Ньютой задумкам учителя должны были одеться в легкомысленные короткие юбочки и яркие футболки. Футболки были принесены из дому, а юбки нам сшила уборщица Анна Борисовна. Заранее было куплено розовое полотно, и Анна Борисовна, не мудрствуя, разрешила его на длинные прямоугольники. Затем она соединила ткань с двух сторон и собрала ее на широкую резинку. Отдавая дань габаритам Ньюты, для нее была сшита юбка особая: длинная и практически прямая.

Ведущим концерта был назначен Адамыч. Так как его роль не требовала специального костюма, он остался в черных брюках, белой рубашке и розовом галстуке.

Занавес поднялся, под рукоплескания зала Адамыч вышел на сцену и начал:

— Сегодня в нашем лицее с единственной гастролью выступит популярный песенный коллектив «Розовые пташки». Встречайте!!!

Зазвучала музыка, учителя выскочили на сцену, и раздался восторженный рев. Согласитесь, не часто можно увидеть собственных учителей в немыслимых, коротких юбках. К тому же те, кто еще несколько дней назад принимал экзамены, теперь прыгали, скакали и, с точки зрения педагогической этики, вели себя очень легкомысленно. На сцене было только два солидных человека: они, широко раскинув руки, приветливо смотрели в зал и посылали воздушные поцелуи. Этими людьми, конечно, были Адамыч и Ньюта.

Если Адамыч, старательно исполнявший роль конференсье, все-таки воспринимался как директор, то Ньюта походила на патронессу, выведшую на сцену своих желторотых подопечных. Ее жесты взывали к снисхождению и словно говорили: «Не судите строго, что с них взять! Молоды еще, несолидны!»

Вступительная мелодия, и, узнав «Фабрику звезд», ребята стали неистово хлопать. Мы подлетели к микрофонам и запели.

Нет смысла пересказывать выступление, его надо видеть. Как и все подобные мероприятия, оно включало в себя нюансы, характерные именно для лицея, а в песнях было все то, что составляло закулисную часть нашей жизни.

Мы пели, плясали, изображали, дурачились, и каждый наш шаг сопровождался овациями. Подобные выступления для выпускников были дороже, чем концерты приглашенных артистов. В них было свое, родное, выстраданное!

Наконец зазвучали финальные аккорды, учителя в прощальном приветствии подняли вверх руки, и на сцену устремились нарядные мальчишки и девчонки. В этот момент было абсолютное единение учеников и учителей, в этот момент актовый зал стал центром любви, верности, лицейского братства.

Родители смотрели на нас и наверняка завидовали. И было чему! Их дети четыре года жили насыщенной жизнью: с интересными поездками, походами, интеллектуальными марафонами... Но главное, что, несмотря на строгость и требовательность лицейских учителей, и дети, и педагогический коллектив составляли настоящую семью. И это ощущали все приходившие к нам гости.

А дальше были цветы, поцелуи, объятия, слезы и благодарные слова. Затем автобус, фуршет перед «Екатерининским дворцом», обильный ночной ужин, фейерверк, танцы,

воспоминания и объяснения в любви...

Солнечные лучи, пробивавшиеся через тяжелые портьеры Золотого зала, возвестили всем, что выпускной вечер и незаметно пролетевшая ночь закончились, и бывшие учащиеся, учителя и родители потянулись к выходу. На пороге ресторана они еще долго не могли расстаться, о чем-то еще говорили, спорили, чему-то смеялись и непонятно почему плакали. Родители провожали ребят до машин и развозили по домам.

Меня подхватил отец Анечки, и, махнув рукой Нюте, садившейся в другую машину, я устало опустилась на переднее сиденье «Ауди».

— А где Анечка?

— Прощается с ребятами. Я вас отвезу и за ней вернусь.

Машина неслась по пустым улицам, я смотрела в окно и думала:

«Вот уже четвертый раз заканчиваю одиннадцатый класс: первый — в семнадцать лет, второй — в двадцать восемь, третий — в тридцать три, четвертый — в тридцать семь. Сколько выпусков — впереди? И будут ли они вообще?»

Я знала, что одиннадцатый «Б» меня не забудет. Ребята будут звонить, приходить, раз в год мы обязательно будем собираться у меня дома. Но это уже будут другие встречи, другие взаимоотношения, другие разговоры, в этих разговорах появятся новые оттенки, новые нотки, новые темы. В них, безусловно, будут присутствовать воспоминания, и вопрос «А помнишь?» не раз прервет рассказы о замужестве, детях, работе. Первое время нам будет не хватать друг друга, затем настоящее поглотит прошлое, и мы разойдемся в разные стороны.

Однако у нас всегда будет точка, где время от времени наши дороги обязательно сойдутся. И эта точка — лицей. В этом слегка старомодном здании осталось детство, которое еще долго будет смотреть с фотографий, развешанных на стендах по всему лицу. Однако большая его часть останется в лицейском воздухе и составит особую, невидимую субстанцию, которая будет присутствовать в разговорах, выступлениях, голосах сотен детей, пришедших в лицей. И каждый раз мы, учителя, пытаюсь уловить голоса прошлых выпусков, будем напряженно прислушиваться. Однако звонок, топот ног, новые разговоры и проблемы потребуют нашего неустанного внимания, и, вздохнув, мы начнем все сначала.

— Вот и приехали!

Голос Игоря Владимировича вернул в действительность, и я очнулась.

— Устали? — с сочувствием спросил он.

— Нет, просто задумалась. Грустно после выпускного вечера возвращаться домой. Кажется, из жизни ушло что-то хорошее и бесконечно родное.

Игорь Владимирович кивнул и, устремив на меня большие глаза, по-мальчишески улыбнулся и сказал:

— Я сегодня первый раз смотрел выступление учителей. И знаете, глядя на вас, стоящих на сцене в трогательных розовых юбках, я подумал: «Как жалко, что у меня не было таких учителей!»

Он помолчал и добавил:

— Наверное, именно вы — по-настоящему счастливые люди!

— Насчет первой мысли — не возражаю, а вторая пришла к вам из-за эйфории праздника, — заметила я.

— Вы меня не поняли! Я имел в виду то, что вы работаете в особой среде, еще не

испорченной.

— Пожалуй, с этим утверждением соглашусь. Мне оно тоже приходило в голову. Может быть, именно поэтому я и задержалась в лицее. А что касается учителей, скажу вам так: большинство из них — одинокие люди.

— Почему?

— Наверное, это связано с тем, что школа поглощает человека, и близкие люди не выдерживают напряжения.

— Напряжения?

— Сразу видно, как далеки вы от школьных проблем, — устало улыбнулась я. — Работа с детьми делает человека или неврастеником, или заставляет задержаться в детстве.

— Неврастеники бывают не только в школах, — заметил Игорь Владимирович. — А что касается детства... По-моему, решать детские проблемы гораздо интересней, чем проблемы взрослых.

— Трудно сказать...

— Так или иначе, вы — настоящие герои!

— Куда там!

Я потянулась к ручке. Игорь Владимирович выскочил из машины, помог мне выйти и собрать с заднего сиденья огромный букет подаренных мне Цветов. Проводив до подъезда, прощаясь, сказал:

— Спасибо вам за Анюту! Мне кажется, после матери — вы для нее самый близкий человек.

Я не нашла что ответить, поэтому помахала розами и сказала:

— До свидания!

— До свидания! Приходите к нам в гости.

— Обязательно!

Я вошла в квартиру и с облегчением вздохнула.

«Трудно все-таки общаться с мужчинами!»

Расставив цветы по вазам, я уселась на пол и положила перед собой дневник. Внутренний голос шептал мне, что это последний выпускной. Взяв ручку, я посмотрела на утреннее солнце и написала:

26 июня. 7 часов утра. Выпустила в жизнь 11 «Б» класс. Тоскую. На выпускном вечере выглядела превосходно. Вела себя соответственно. С данного момента пребываю в очередном отпуске.

В Париж я приехала второго июля. Не знаю почему, но о дате приезда я не сообщила ни господину Анно, ни Морису.

В аэропорту я взяла такси и, сев рядом с водителем, стала задумчиво смотреть в окно. Мимо проносился пригород, а я вспоминала маленький желтый «Пежо» и франтоватого водителя в шапке-ушанке.

— Мадам первый раз в Париже? — спросил таксист.

— Второй.

— В какую гостиницу едем?

— У меня в городе квартира.

Он покосился в мою сторону и промолчал.

— Квартира на бульваре Хаусманн, — добавила я.

— Хороший район.

Некоторое время мы ехали молча. Я вновь открывала для себя Париж, а таксист, вероятно, пытался понять, как можно иметь квартиру в Париже, если приехал сюда второй раз.

— Мадам русская?

— Да, я из Москвы.

— Тогда все понятно, — улыбнулся он. — Мадам — новая русская!

Говорить об этом не хотелось. Пожав плечами, я загадочно покачала головой.

— Говорят, в России проблемы, — продолжал он. — А я что-то этих проблем не вижу. Русские едут с такими деньгами, что нам и не снились. Покупают дома, квартиры. Обедают в дорогих ресторанах. Платят хорошие чаевые. Если бы были проблемы, Париж не был заполнен русскими.

— Не все так просто, — отозвалась я. — Долгое время у нас не было возможностей ездить по миру, теперь появились.

— Мадам шутит! Можно ездить, экономя каждую монету, а можно жить в гостинице за тысячу евро в сутки.

Водитель покачал головой.

— И вы думаете, в таких номерах живут немцы или англичане? Нет! Они едут в отели эконом-класса. Вот так-то! А русским хоть бы что! «Вези, говорят, в самый дорогой отель!» А вы говорите «не все так просто». По-моему, у тех, кто тратит тысячи, — деньги шальные. Взять, например, меня. Чтобы заработать восемьдесят евро, я за рулем — десять часов.

«А мне, чтобы заработать восемьдесят евро, надо дать двадцать пять уроков по сорок пять минут каждый».

— Вам неприятно меня слушать?

— Нисколько! Вы, вероятно, давно за рулем, поэтому многое повидали.

— Это точно! Кого только не возил! А вот того, кто второй раз в Париже и едет в свою квартиру, — не припомню.

— Эта квартира — не моя, она принадлежала дедушке. Он здесь родился, а умирать уехал на родину.

— Вот оно что! Тогда понятно. Значит, вы приехали принимать наследство!

«Черт бы его подрал! Втянул меня в бесполезный разговор. И я хороша! Сидела бы и

молчала! Кому какое дело, зачем я приехала в Париж?»

Почувствовав мое внутреннее раздражение, он замолчал. Некоторое время царила тишина. Она привела мои мысли в относительный порядок, и они стали медленно разворачиваться в другую сторону.

«Его можно понять. Рабочий день — длинный. В машине только и общения, что с пассажиром. Поговоришь с ним — глядишь, будет что дома рассказать. Думаю, за годы работы таксисты становятся психологами. Тройка фраз — и ясно, какой человек рядом: надменный или разговорчивый, подозрительный или открытый. Если повезет — даст чаевые. Нет — просто так поговорит».

— Сейчас в Париже тяжело! Дышать нечем! — прервал молчание водитель. — Кто мог, уже из города давно уехал. Сидит себе где-нибудь на лужайке и дышит свежим воздухом.

— Ваша семья — за городом?

— Нет! Жена — в Париже. Говорит: «Кто же тебя покормит, когда домой вернешься?»
А сын — в армии.

— В Москве тоже душно! Порой даже облака какого-то неестественного цвета.

— Что говорить! Везде одно и то же! Живем как мутанты. К грязному воздуху привыкли, к замороженным продуктам — тоже. Попал бы в Париж мой прадед, тут же концы отдал. А я — ничего. Видно, привык.

«Вот она — общая тема! Здесь уже непонимания не будет. Везде — одно и то же».

Я искоса посмотрела на его измученное морщинистое лицо, темные круги под глазами. Подобное лицо было и у шофера, с которым я ехала в Шереметьево. Наверное, он тоже рассчитывал на чаевые и мечтал о лужайке за городом.

— Моя старуха без меня никуда! — с гордостью сказал таксист, и его лицо просветлело. — Вот уже двадцать пять лет вместе, а по большому счету, и не ссорились никогда.

— Вам повезло!

— Еще как! Жена — мой тыл! Целый день крутишь руль, устаешь как собака, а как подумаешь, что тебя дома ждут, — полегчает. Дом есть дом! Жена и поговорит, и покормит, и бутылочку поставит. Но главное — посочувствует. А человеку и не надо ничего больше!

«Вот еще одна общая тема. Знать бы, что дома ждут, и хорошо!»

Я вздохнула.

«А меня никто не ждет: ни в Москве, ни в Париже, ни в любом другом городе».

— Почти приехали, — сказал он. — Какой ваш дом?

Я назвала адрес и подумала:

«Странно! Еду по Парижу и не радуюсь».

Прислушавшись к себе, я не уловила никаких эмоций. Тихо, спокойно, нет трепетного ожидания, нет чувства связи между мной и Парижем. Почему? Может быть, за прошедшие три месяца ниточка порвалась? Или, потеряв дедушку, я утратила чувство радости?

— Вот и приехали.

— Спасибо!

Я расплатилась и, поколебавшись немного, дала десять евро чаевых.

— Вам донести чемодан? — засуетился шофер.

— Если не трудно.

— Всегда готов услужить очаровательной женщине!

«Как он оживился!» — направляясь к знакомому подъезду, подумала я.

— До свидания, мадам! Приятно было с вами поговорить.

— Счастливого пути!

Я поднялась в квартиру и, поставив чемодан, оглянулась. Все как и было. Вещи стоят, картины висят, платья пылятся в шкафу. А посреди этого великолепия стою я, жалкий потомок князей Лопухиных и Шаховских. У меня нет ни радости оттого, что я в Париже, ни восторга от мысли, что все это богатство — мое, ни гордости за принадлежность к великим княжеским родам.

«Может быть, я просто устала? Так устала, что чувствую — в жилах словно холодная вода с примесью тоски и одиночества».

* * *

Два дня я пыталась настроиться с Парижем на одну волну. Как прежде, сидела под сводами собора Нотр-Дам, однако божественной энергетики не чувствовала. Стояла на набережной Сены и не видела реки. Гуляла по саду Тюильри и не ощущала трепета перед многовековой историей. Казалось, что и я, и город погрузились в липкую испарину. Такое состояние мне не нравилось. Пытаясь из него выйти, я заставляла себя идти по новым маршрутам и искать новых впечатлений. Эйфелева башня, Марсово поле, дом Инвалидов, храм Мадлен, дворец Шайо. Душа по-прежнему спала и не хотела отзываться на то, что составляет красоту и славу Парижа.

Измучившись от пустоты, я отправилась в Латинский квартал. Мне захотелось побывать там, где голоса студентов заполняют многочисленные кафе, где под шелест каштанов родители гуляют с детьми. Однако, очутившись в знаменитом квартале, я не увидела ни студентов, ни детей. Лето внесло свои коррективы: студенты разъехались по домам, а дети — за город. Зато я увидела русских туристов, рассматривающих Сорбонну и внимательно слушающих гида.

Меня охватила нарастающая тоска. Возникло непреодолимое желание посмотреть вверх и, глядя на небо, завывать. Между тем, громадная туча нависла над городом и закрыла солнце. Резкий, порывистый ветер, пролетев по тротуарам, поднял клубы пыли. В надежде, что ветер принесет долгожданные перемены, я остановилась посреди улицы и стала ждать.

Пророкотал далекий гром, и ветер завыл громче, радостнее. Первые капли забарабанили по многочисленным тентам, натянутым над террасами кафе. Тело напряглось, и я почувствовала живительную энергию. Она шла сверху — от потемневшего неба, от громадной тучи и от порывистого ветра. Энергия разбудила мои нервы, ум, сердце. Желание выть пропало, и мне захотелось глубоко вздохнуть и, сняв надоевшую обувь, пробежаться по мокрым тротуарам, перекликаясь с ветром и громом.

«Гроза! — с наслаждением подумала я. — То, что мне нужно!»

Туча раскололась надвое, и вырвалась огненная стрела молнии. Раздался оглушительный треск, и от неожиданности я присела на корточки.

— Мадам! Нельзя стоять под грозой! — крикнул пробежавший мимо мужчина.

Он поднял меня с тротуара и потащил за собой. Мы укрылись в маленьком кафе, и я опустилась на ближайший стул.

— Молния может быть очень опасной, — укоризненно заметил мужчина. — Она убивает любопытных и неосторожных.

Я поблагодарила мужчину и отвернулась. Решив, что мне хочется уединения, он оставил меня одну.

Гром грохотал, не переставая, и потоки дождя заливали окна. День превратился в ночь, а в моей душе — ночь превратилась в день. Мне захотелось выпить вина, ощутить аромат свежемолотого кофе, оглянуться по сторонам. Я подняла руку, и к столику подошел официант. Профессионально улыбнувшись, он протянул мне меню. Я сделала заказ и удовлетворенно хмыкнула. Мысли, пребывавшие до сих пор в одуряющей дремоте, проснулись и от охватившего их возбуждения не могли найти себе места.

«Стихия! Она все ставит на свои места! Минуту назад царила сонная одурь, а теперь город, вымытый и помолодевший, ожил и пришел в себя. Потоки воды смыли пыль, ветер подхватил застоявшуюся энергетику и понес ее прочь. Париж стряхнул накопившиеся пороки и расправил каменные плечи».

Я обедала и смотрела в окно. Дождь еще шел, но молнии уже унеслись в пригород.

«С человеком — так же! Чтобы очнуться, тоже нужна встряска».

С удовольствием отхлебнув кофе, я полезла за сигаретой.

«Вот, например, я. Жила и жила. Как серая мышь! Была норка, в норке — кусок сыра. Туда побежала, сюда. Были проблемы, но какие? Маленькие, ежеминутные! Так бы и прозябала, если бы не Судьба. Она повернула все по-своему и заставила взглянуть на жизнь, как на нечто более сложное и непредсказуемое. Приняв это, я подумала: прежнее не вернется! Будут другие дни... а сейчас — самое что ни на есть настоящее и, находясь на гребне, я переживаю миг, за которым — полная неизвестность».

Я представила волну. Еще чуть-чуть — и волна обрушится. Она понесет к берегу, и будет ясно, что приготовила Судьба.

Свежий воздух привел меня в норму, и, выйдя на мокрую улицу, я опять почувствована Париж.

* * *

Вечером я позвонила Морису.

— Вот это сюрприз! — воскликнул он. — Только что о тебе думал!

— Ты за рулем?

Я слышала радио и характерный шум в кабине.

— Да, еду в свою усадьбу. Не представляешь, какая в Париже была гроза! Казалось, небо расколосось на две части и из трещины хлынула небесная река.

— Знаю. Во время грозы я была в Латинском квартале.

— Ты в Париже?

В трубке повисла тишина. Наконец Морис приглушенно выдохнул.

— От неожиданности чуть в кювет не улетел.

— Я приехала два дня назад.

— И не позвонила! Я разворачиваюсь и еду к тебе! — крикнул Морис.

— Нет, нет! Сегодня еще рано!

— Рано? По-моему, скоро ночь.

— Да, — ответила я. — Утру предшествует ночь.

— Не понял! При чем тут утро?

— Ты не мог бы со мной встретиться утром?

— Риточка, я сделаю все, что ты хочешь, — нежно сказал он. — Скажешь ночью, приеду ночью. Скажешь утром, так и будет.

— Спасибо, Морис. А как же твоя работа?

— Работа подождет. Где мы встретимся?

— Если не возражаешь, в Люксембургском саду.

— Чудное место! Во сколько?

— Буду ждать тебя около фонтана в одиннадцать утра.

— Ты, как всегда, оригинальна!

Я почувствовала, что Морис улыбнулся.

— Назначаешь свидание утром.

— Разве плохо?

— Да нет! Даже забавно! Как будто мы — два школьника-подростка.

— Наверное, я еще не отошла от школы.

— Вот за это тебя и люблю.

Сладкая истома пробежала по телу, и я тихо ответила:

— Целую.

— Ты — в Париже! Как я рад!

«Я не заслуживаю такого счастья! — думала я, шагая по дорожке Люксембургского сада. — Такое счастье бывает только в романах».

Я прижалась к Морису и вздохнула. Его бархатные глаза ласково посмотрели на меня, и зело залил новый поток тепла. Казалось, с этим теплом в меня вошло дыхание нагретой земли. Оно поддурмянило щеки, приподняло волосы, включило невидимую подсветку в глазах.

— Ты такая хорошенькая! — прошептал Морис. — В твоих глазах отражаются облака и солнечные блики.

Я замерла. Хотелось задержать этот миг, запомнить его, сохранить.

«Это нереально! — проснулась во мне прежняя мысль. — Говорю тебе, здесь что-то не так».

Мысль встрепенулась в потоке тепла, пульсировавшего в голове, и попыталась отвоевать себе необходимое пространство.

«Молчи, прошу тебя! Ты же чувствуешь, мне хорошо!»

«Против поцелуя — не возражаю, — огрызнулась мысль. — Прошу тебя об одном: будь осторожна! Ты же не девочка, в конце концов! Тридцать семь лет! Разве можно так расслабляться!»

«Может быть, тебя устраивает мое одиночество?» — возмутилась я.

«Одиночество меня не устраивает! — стала оправдываться мысль. — Я просто волнуюсь. Кому, как не мне, знать твою доверчивость. Не побоюсь этих слов, но прямо «детский сад», честное слово! Посмотри на Мориса. Кто он такой? Немного француз, немного русский. Хотя что я говорю! Какой он русский? Внук русской эмигрантки! Он же весь пропитан французским гламуром! Бульвары, кафе, шансон, вино, женщины, комплименты! Тем более, по профессии он — гид. А что это значит, не догадываешься? Огромное количество выигрышной информации — это раз! Общение с людьми, приехавшими отдохнуть и поглощать эту информацию, — два! И три, если хочешь, — напускное обаяние и множество ничего не значащих слов!»

«Как ты надоела! Сколько я себя помню, ты всегда мне что-то советуешь, чему-то учишь! Складывается впечатление, что в голове, кроме тебя, нет ничего другого. Прямо деспот! Кажется, что ты задвинула в угол все и вся и считаешь себя главным моим советником. Я устала от тебя! Понимаешь, устала! Если не чувствуешь, что мне хорошо, скажу тебе следующее: «Будь добра, исчезни! Дай насладиться этими минутами!».

Я открыла глаза и увидела перед собой губы Мориса. Посреди нижней губы притаилась маленькая симпатичная ямочка. Казалось, в ней сосредоточилась вся чувственность Парижа. Ямочка излучала любовь и страсть, она обещала наслаждение. Это было именно то, чего мне не хватало всю жизнь. Разве могла я прислушиваться к старой мысли, которая только и делала, что внушала:

«Будь осторожна, осмотрительна! Не доверяй своим чувствам!»

«Почему я не должна доверять чувствам? Что в этом плохого? Мне — тридцать семь, а настоящей любви так и не было. А она ходила где-то рядом, касалась своим шлейфом кого угодно, только не меня. Люди, попавшие в ее плен, наслаждались, страдали, возносились до звезд и падали в бездну. А что делала я? Учила языки, античную мифологию, историю

русской литературы; сдавала экзамены, поступала в аспирантуру, учила детей. А дальше? Дальше — пресная жизнь с человеком, напичканным математическими формулами».

— Какие удивительные у тебя глаза! — услышала я глухой голос Мориса. — В каждом из них блестит маленькая искорка. Кажется, будто на утреннем небе мерцают две звезды. Они уже готовы уступить место солнцу, но есть еще несколько мгновений. Звезды с любопытством смотрят на просыпающийся мир и говорят друг другу: «Как интересно и как опасно! Можно было бы спуститься, рассмотреть, что происходит на Земле, но... Как-нибудь в другой раз!» Они как будто боятся чего-то.

— Боятся? Чего же им бояться?

— Наверное, новых впечатлений.

Морис провел пальцами по моим ресницам.

— Вот и реснички им помогают. Они образуют надежную защиту от солнечных лучей, от взглядов, от...

Морис замолчал и поцеловал мои глаза: сначала один, затем другой.

— Ты хотел сказать что-то еще.

Я обхватила его за талию и уткнулась в велюровую футболку. Мне было тепло и сладко. Ворсинки футболки щекотали пылавшее лицо и испускали нежный запах амбры.

— Твои ресницы охраняют вход во внутренний мир, — продолжил Морис. — Они, как стражники — заботятся о том, чтобы никто не видел обитателей этой очаровательной головки.

— Кого ты имеешь в виду?

— Как ты похожа на испуганную птичку! — засмеялся Морис и покрыл мое лицо множеством поцелуев. — Кажется, что у тебя постоянно срабатывает инстинкт самосохранения. Каждое слово осмысливается, каждая фраза анализируется.

— Наверное, это профессиональное.

Я опять уткнулась в футболку. Среди благоухающих ворсинок я себя чувствовала, как на летнем лугу: собственное дыхание казалось ласковым ветерком, а пряный запах парфюма походил на запах цветов.

— В этой головке, украшенной дивными светлыми волосами, прячется множество собственных мыслей, — тихо сказал Морис, наклонившись к моему уху.

Он раздвинул прядь волос и зашептал:

— Эти мысли хотят быть самостоятельными, но управляет ими одна старушка, мудрая и опытная. Она очень осторожна. Главной ее заботой являются мораль и нравственность. Да и как иначе! Молодая женщина так уязвима! Кто, как не сторож, может ее уберечь! А соблазны все ближе и ближе! Они не стоят на месте, они работают! Работают денно и нощно! Вот подготовили площадку, вот — распахали, вот — засеяли семена. Соблазны терпеливо ждут. Один росточек, другой, третий. Теперь уже можно не прятаться за словами, теперь надо действовать: быстро и решительно. Соблазны подхватывают свою жертву и окунают ее в океан страсти.

Я вздрогнула и невольно отстранилась от Мориса.

«Опять! Опять он проник в мою голову! Кто он на самом деле?»

Но Морис с хохотом подхватил меня под мышки и закружил вокруг себя.

— Мы испугались! — закричал он. — Помогите! Нам не знакомо слово «страсть», оно пугает нас! В нем столько дьявольских нюансов! Как страшно, ведь страсть может разрушить

безгрешную Душу!

Морис двигался по дорожке и кружил меня, как вихрь. Моя юбка развевалась, волосы лезли в лицо, в голове стучало: «Страсть, страсть, страсть!»

— Ну как? Как теперь?

— Морис! — выдохнула я с нежностью.

— Девочка моя! Маришка!

Он опустил меня, в его глазах был вопрос: «Ты — моя?»

Я откинула голову и посмотрела на небо. Что я хотела увидеть в бледной синеве с серыми слоистыми облаками? Какой ожидала знак? Не знаю. Мое движение было произвольным.

Подняв голову, я беззвучно спросила: «Что это? Подарок или...»

И словно услышав мой вопрос, среди серой пелены появился просвет. Из него блеснул луч солнца и тут же исчез.

— Морис! — повторила я.

Его глаза напоминали водоворот: темная спираль неслась от края радужной оболочки и пропадала в зрачке. Зрачок походил на воронку, он затягивал, подчинял и лишал воли. Казалось, что загадочная, магнетическая сила подхватила мою душу и, вынув из тела, понесла ее в бездонный омут.

— Морис! — теперь уже простонала я, и этот стон был ему ответом.

Он почувствовал свою власть, почувствовал, что победил. Ни я, ни он не знали, сколько времени это будет длиться. Да это и не имело значения! Пусть миг, пусть месяц, пусть год. Для меня существовал только он, для него — только я. Он чувствовал себя мужчиной, я — женщиной. Женщиной, растворившейся в мужчине. И пусть я слаба и безвольна, полностью подчинена и опустошена. Такова цена за мгновения счастья.

* * *

С гребня волны я понеслась вниз, сначала ощущая только страх. Страх перед неведомой мощью, скоростью, напором. Бурлящая вода крутила, переворачивала, подбрасывала меня, и, оглохнув от ее рева, я вдруг почувствовала необыкновенную тишину. Страх пропал, я стала малой частью потока. Мощная энергия вдохнула новые силы, заставила почувствовать ее ритм и бесконечность Космоса. Передо мной проносились яркие звезды, меня касался жар пульсаров, свет и блаженство.

Раз за разом я переживала эти ощущения. Не успев отдышаться, я снова оказывалась на гребне волны и опять неслась вниз. За окном гостиницы, в которой мы остановились, по-прежнему шумел Париж, а в нашем номере пульсировало дыхание страсти.

Время от времени я приходила в себя и, всматриваясь в полумрак комнаты, думала:

«Вот оно — счастье! Сколько я буду пребывать в нем? День, неделю, год? Я чувствую непередаваемое единение со всем сущим, и это ощущение не сравнить ни с какими богатствами мира. Разве можно его приобрести за деньги? Разве оно имеет общее с тем, что называется «секс»? Тысячу раз — нет! Это чувство можно охарактеризовать как блаженство, как Божий дар, и достичь его без взаимной любви невозможно».

Я была уже не девочка и понимала, что счастье долгим не бывает. Я не ждала его конца, нет! Всецело своей неизбалованной душой я наслаждалась им и благодарила Судьбу за

неповторимые мгновения.

Мы провели в гостинице несколько дней. Ни у меня, ни у Мориса не было желания переехать в дедушкину квартиру. В ней жило прошлое Екатерины Владимировны, Натали, Дмитрия Павловича, а мы к нему не имели никакого отношения. Мы жили настоящим, и мне казалось, что оно может перерасти в наше будущее.

Однако Судьба распорядилась по-своему. Через три недели после встречи в Люксембургском саду Морис сделал мне предложение. Я с радостью согласилась и стала строить грандиозные планы. В них была я, Морис, наша любовь и наши дети. Я не задумывалась, где мы будем жить, вернусь ли я в лицей, останется ли Морис в туристическом бизнесе. Это было второстепенным. Главным было то, что мы любим друг друга!

Впоследствии я поняла, что подобные мысли себе может позволить неопытная молодежь. Солидные люди думают иначе.

Морис, по всей вероятности, относился именно ко второй категории. Он посоветовал мне встретиться с господином Анно и обговорить вопросы, связанные с наследством.

Что ж, надо так надо! Для Мориса я готова была на все.

Я позвонила Жан-Полю и договорилась о встрече. Господин Анно принял меня в кабинете своей нотариальной конторы. По его просьбе секретарь принесла нам по чашке кофе, и, удобно устроившись в креслах, мы начали неторопливый разговор.

Я рассказала о бедах, постигших меня после возвращения из Парижа, и Жан-Поль, выслушав рассказ, уверил меня в своей преданности. Мы обсудили возможность переноса праха Екатерины Владимировны и Натали в Москву. Наконец господин Анно перешел к главной теме.

— Хочу вам сказать, Рита, что до сих пор порядок наследования во Франции определяется Наполеоновским кодексом. Собственность подпадает при передаче наследства под налогообложение, и вопросами ее передачи занимается нотариус. Ставки оплаты нотариальных услуг закреплены законом и едины по всей Франции. Он помолчал и добавил: — Сумма, взимаемая за подобные услуги, составляет примерно один процент от стоимости недвижимости.

— Господин Анно, в таких делах я ничего не понимаю!

Жан Поль кивнул и улыбнулся.

— Четыре месяца назад вы передали мне пакет с документами. Эти бумаги Дмитрий Павлович сопроводил подробным письмом, где среди прочего выразил свое мнение о ваших деловых качествах. Он писал, что более непрактичного человека, чем вы, встречать ему не доводилось. Поэтому мне даны были указания, как помогать вам в том или ином случае. В частности, еще до вашего приезда в Париж Дмитрий Павлович оформил некоторые бумаги по договору дарения. Он их отправил с почтой FedEx, и, думаю, в будущем мне удастся перевести его парижскую квартиру на ваше имя. На его счету лежит приличная сумма, и часть денег вложена в ценные ликвидные бумаги. Если не вдаваться в расчеты, вы наследуете где-то около семисот тысяч евро.

Господин Анно внимательно посмотрел на меня и, не увидев почтения к столь солидной сумме, опять улыбнулся.

— Меня радует, что вы — не меркантильны. Поверьте опыту старого нотариуса: при наследстве, существенно меньшем вашего, у людей вспыхивают глаза и загораются алчные страсти.

— Я работаю уже четырнадцать лет и не могу сказать, что на меня деньги сыплются дождем. И тем не менее, для меня они — всего лишь средство для существования.

— Я уважаю вашу позицию. Позволю лишь заметить, что деньги дают некоторую свободу и власть.

— Зачем мне власть? И что такое свобода? Я готова ее продать за эти деньги.

— Вот эта точка зрения мне не нравится! Совсем не нравится!

Господин Анно тяжело встал и заходил по комнате.

— Эти деньги заработали не вы! — резко сказал он. — Если Судьбе было угодно распорядиться так, что на закате дней Дмитрий Павлович встретил родного человека, думаю, вы должны не транжирить его деньги, а оставить для следующих поколений.

— Вы меня не поняли! — стала оправдываться я. — Мне хотелось сказать, что если бы пришлось выбирать между семьей и деньгами, я выбрала бы семью.

— Это другое дело, — оттаял господин Анно. — Для женщины семья — сама жизнь!

— А для мужчины?

— Я бы сказал так: для мужчины — это часть жизни. Если случится, что у мужчины не будет семьи, он не ощутит большой трагедии. Останется работа, увлечения, друзья. В конце концов, мужчина изначально одинок! Взять, например, меня или Дмитрия Павловича. Так сложилась жизнь, что ни у него, ни у меня не было семьи. И ничего!

— Мне казалось, от отсутствия семьи дедушка страдал.

Я вспомнила высказывание Дмитрия Павловича о ненужном осколке и вздохнула.

— Все мы хотим большего. Однако, к сожалению, иметь все нам не дано. У одних есть семья, но нет денег. У других, наоборот, есть деньги, но нет семьи.

Жан-Поль подошел к столу, пошелестел бумагами и добавил:

— Мне кажется, это — скорее философский вопрос, а я, признаюсь, в этой науке не силен.

— Я тоже.

Господин Анно сел и посмотрел мне в глаза.

— Давайте вернемся к разговору о наследстве. Если помните, я вам сказал про семьсот тысяч евро. Это чистые деньги. Думаю, именно такая сумма вам достанется после уплаты налога, нотариальных издержек и так далее. Помимо нее, в Москве у Дмитрия Павловича осталась хорошая квартира. По московским ценам ее стоимость порядка трехсот тысяч евро. Так что, дорогая Маргарита Владимировна, вы стали миллионершей!

Я не знала, что и ответить.

— Зная вашу непрактичность, я кое-что приготовил.

Господин Анно протянул мне бумагу. В ней был перечень документов, необходимых для вступления в наследство в России.

«Для оформления наследства, — прочитала я, — необходимо:

1. Заявление о вступлении в наследство, оформленное у нотариуса.

2. Свидетельство о смерти наследодателя (оригинал и копия).

3. Справка из РЭУ.

4. Паспорт.

5. Подтверждение родства либо завещание (на завещании делается отметка о том, что оно не отменялось, не изменялось, новое не составлялось; эта отметка делается тем нотариусом, который составлял это завещание).

6. Правоустанавливающие документы на квартиру.

7. Справка БТИ об оценке квартиры, домовладения (на дату смерти), экспликация, поэтажный план.

8. Справка Москомрегистрации об отсутствии арестов и запрещений на квартиру.

Если наследуемая квартира находится в Москве, то органом государственной регистрации является Главное управление Федеральной регистрационной службы по Москве, куда надо представить следующие документы:

1. Свидетельство о праве на наследство + копия нотариальная.

2. Документы БТИ (поэтажный план и экспликация) + копии, заверенные БТИ (ксерокс не принимается).

3. Квитанция об оплате госпошлины.

4. Заявление о регистрации по форме».

Не знаю почему, но эту бумагу я прочитала очень внимательно.

— И все это мне надо собрать? — спросила я.

— Да. Завещание, оформленное русским нотариусом, я вам отдам.

— Где вы его взяли?

— В отличие от вас, Дмитрий Павлович был человеком практичным. Поэтому он заранее оформил необходимые бумаги и передал их мне на хранение. Помните, вы привезли большой конверт? Среди прочих бумаг в нем было и завещание на московскую квартиру.

— А почему дедушка не оставил его дома?

— Дмитрий Павлович вырос во Франции, поэтому привык хранить важные документы у нотариуса или в банке.

Господин Анно посмотрел на меня и задал неожиданный вопрос:

— Позвольте, Маргарита Владимировна, любопытствовать, а где хранятся ваши деньги и документы?

— В письменном столе.

— Непростительное легкомыслие! — воскликнул он. — Подозреваю, что ящики письменного стола даже не закрываются.

— Верно! Не закрываются. А зачем?

— Там же важные бумаги!

— Кому они нужны, кроме меня? А насчет денег... Их настолько мало, что и говорить не о чем!

— Теперь будет все по-другому. Вы должны привыкнуть хранить документы и деньги в банке. Насколько я знаю, на ваше имя Дмитрий Павлович успел открыть текущий счет. Вы знали об этом?

— Да, в конце февраля мы ездили в банк.

— И что вы там делали?

Похоже, Жан-Поль проверял мои деловые качества.

— Я написала заявление на получение пластиковой карточки и где-то расписалась.

— Надеюсь, вы ее не потеряли?

Взгляд господина Анно был таким укоризненным, что я почувствовала себя не выучившей урок школьницей. Открыв сумку, я стала искать карточку. Наконец на дне сумки я ее нашла и, облегченно вздохнув, протянула господину Анно.

— Да, ну и дела! — только и сказал он. — Такого я не ожидал!

Ответить мне было нечего. В кабине воцарилось молчание. Господин Анно что-то обдумывал, а я, опустив глаза, ругала себя последними словами.

«Идиотка! Сколько раз теряла кошельки, ключи, нужные бумаги!»

— Вижу, вы — абсолютно неделовой человек.

Господин Анно взглянул на мое несчастное лицо и, оттаяв, продолжил:

— Что делать! Каждому, как говорится, свое.

С этим утверждением не поспоришь, поэтому я с радостью кивнула.

— По роду деятельности я привык относиться к каждой справке, квитанции с большим вниманием. Вы же живете в мире ином — мире фантазий и грез. Наверное, в нем деньги и документы не имеют особой ценности.

— Ну почему же?

Я попыталась представить свою жизнь без денег и не смогла.

— Моя задача вам помочь, и я сделаю все, что в моих силах.

Господин Анно задумчиво покрутил мою карточку и, вернув ее, сказал:

— На ваш счет я буду перечислять ежемесячно две тысячи евро. Этих денег должно

хватить на текущие расходы. Если же понадобится больше, вы со мной свяжетесь, и этот вопрос мы уладим. Согласны?

— Да, да, конечно!

— Вот и хорошо!

Нотариус посмотрел в органайзер и продолжил:

— Чтобы я мог проводить операции по переводу денег, вы должны съездить со мной в банк и подписать кое-какие бумаги. Например, завтра.

— Хорошо! Давайте съездим завтра.

Я слушала господина Анно, а сама думала: как перейти к теме, ради которой я приехала.

— До которого числа у вас виза? — спросил Жан-Поль.

— По-моему, до второго августа.

— По-вашему или точно?

— Точно! Второго августа я должна улететь.

— Кстати! — господин Анно записал что-то в блокнот. — В Москву вы возьмете кое-какие бумаги и отвезете их во французское посольство. Напишете там соответствующее заявление на получение годовой шенгенской визы. У вас теперь во Франции собственность, поэтому проблем с оформлением визы не будет.

— Договорились.

— Ну вот! Вроде бы основные вопросы решены. Завтра мы созвонимся и встретимся в банке. До отъезда у вас еще есть время, и, думаю, нам не мешало бы вместе пообедать. Как вы к этой идее относитесь?

Господин Анно оживился, и его небольшие глаза заблестели. Их блеск напомнил мне первую встречу: обед в ресторане, беседу о французской кухне и водке. Передо мной был уже не строгий нотариус, а обаятельный и остроумный человек. Я радостно кивнула головой и сказала:

— Согласна.

— Тогда до завтра.

Нотариус встал и протянул для прощания руку.

— Мне хотелось бы обсудить еще один вопрос. Личный.

— Слушаю вас.

Господин Анно перестал улыбаться и опять опустил в кресло.

— В ближайшее время я хочу выйти замуж. Можно проконсультироваться, что для этого надо?

Видимо, Жан-Поль не питал иллюзий по поводу вопросов, которые я хотела бы обсудить. Однако такого он не ожидал!

— Замуж? — переспросил он, и от волнения его голос стал хриплым. — Вы хотите замуж?

— Что тут такого? Мне — тридцать семь лет. По-моему, давно пора.

— Я не смею возражать или что-то советовать, в конце концов, это личное дело. Но простите меня, старика, это как-то неожиданно!

Господин Анно уже справился с волнением и даже позвонил секретарю.

— Еще по чашечке кофе.

Он долго и внимательно глядел на мое лицо, пытаясь увидеть что-то совершенно недоступное его пониманию, и только после того, как секретарь поставила перед нами по

чашке с ароматным кофе, сказал:

— Консультироваться со мной можно только по правовым вопросам. Для замужества, с моей точки зрения, нужно только одно — любовь двух человек, мужчины и женщины.

— Я хотела поговорить не о любви. С ней — все в порядке! Меня интересует, что нужно сделать, чтобы оформить брачные отношения во Франции.

— Это уже другой вопрос! Позвольте вас спросить, Маргарита Владимировна, ваш жених — француз или русский?

— Француз! — спешно ответила я. — Русского происхождения.

— Не тот ли это мужчина, с которым я встретился, выходя из ресторана? Еще весной?

— Да, это он. По-моему, я даже вас представила.

— Помню, помню! Его зовут Морис. Не так ли?

Я утвердительно кивнула головой и с удивлением посмотрела на нотариуса. Его полное тело выпрямилось, взгляд стал жестким, а кисти рук сжались в кулаки. Господин Анно откашлялся и, одарив меня официальной улыбкой, сказал:

— Для начала вы с вашим женихом должны пойти в мэрию по его месту жительства. Там вам дадут список необходимых документов.

— Насколько я знаю, он живет у друзей.

— Вот как!

Господин Анно встал и, подойдя к окну, надолго задумался.

— В любом случае ваш Морис где-то зарегистрирован. Вы согласны? — наконец спросил он.

— Наверное.

— Сейчас я вам все напишу.

Нотариус подошел к столу и взял лист бумаги.

— В мэрию нужно предоставить: во-первых, копию вашего свидетельства о рождении с апостилем и ее перевод, — написал он и тут же спросил:

— Это понятно?

— Нет, — ответила я. — Мне неизвестно слово «апостиль».

В голове, как всегда, сработала профессиональная черта — выявлять и объяснять экзотические слова.

— Апостиль? — оживился господин Анно. — Это специальный штамп. Он ставится на официальных документах стран-участниц Гаагской конвенции.

— Зачем?

— Этот штамп удостоверяет подлинность подписи или печати, которыми скреплен документ. Без апостиля на свидетельстве о рождении ни одна мэрия ваши документы не возьмет.

— Вот как!

— Да, с этим строго. Если вы будете готовить документы во Франции, то сначала надо сделать копии, затем их нотариально заверить и только после этого поставить апостиль.

— И все?

— Конечно, нет! Вы еще должны сделать перевод копий либо у присяжного переводчика, либо в вашем консульстве. Затем перевод подшивается к основной бумаге и на него ставится печать о заверении нотариусом перевода. Так что работы хватит.

— Поняла! А что второе?

— Пишем дальше, — ответил господин Анно.

Похоже, процесс заполнения белого листа бумаги приносил ему такое же удовольствие, как и хороший обед.

— Второе — это фотокопия загранпаспорта, фотографии и медицинская справка для оформления брака.

— Медицинская справка?

— Да! По законам Франции будущий муж должен знать о состоянии вашего здоровья и наследственных заболеваниях.

— Разумно! — согласилась я.

— Идем далее, — Жан-Поль поставил жирную цифру «3» и написал:

— Для будущего супруга нужны: копия свидетельства о рождении; подтверждение о разводе, если он был женат ранее; удостоверение личности, документ, подтверждающий место жительства и медицинское свидетельство.

— Ясно.

Ровные буквы притягивали мой взгляд и вызывали уважение. Казалось передо мной рождается не просто памятка, а ценный документ.

— Затем собранные справки вы передадите в мэрию, мэрия опубликует сообщение о вашем предстоящем браке, и через десять дней после публикации вы можете заключать брак.

Господин Анно отложил ручку.

— Спасибо! Вы так подробно отвечаете на вопросы!

Я с благодарностью посмотрела на нотариуса.

— А можно задать еще один?

— Сколько угодно, Маргарита Владимировна! Отвечать на ваши вопросы — моя работа.

— Нет ли для брака между русской и французом каких-либо препятствий?

— А какие могут быть препятствия? Если человек хочет создать семью и отвечает определенным требованиям, никто не может воспрепятствовать ему выйти замуж или жениться.

— Определенным требованиям? — это словосочетание меня насторожило. — Каким требованиям?

— Не волнуйтесь! Они не представляют ничего особенного. Первое — это возраст: 18 лет — для мужчин, 15 лет — для женщин. Вашему жениху есть 18 лет?

Улыбка господина Анно мне не понравилась, и я холодно ответила:

— Морису около сорока.

— Замечательно! Второе — отсутствие близких родственных связей. Здесь, как я понимаю, тоже все в порядке. Третье — отсутствие препятствия «послебрачного» периода.

— А это что такое?

— Для тех, кто разведен, после расторжения брака должно пройти не менее 300 дней.

— Не знаю, когда Морис развелся, но то, что не год назад, это точно.

— Вот видите, как все просто! — обрадовался он.

— Теперь по поводу медицинской справки...

Внутренняя тревога не пропадала. Глядя на оживление нотариуса, я ожидала подвоха. Казалось, вслед за его ласковой улыбкой выскочит обстоятельство, препятствующее моему браку с Морисом.

— Что там должно быть? — спросила я.

— Ничего особенного! Данные анализов, заключение специалистов, подробно

заполненная анкета — только и всего.

— И сколько же времени надо потратить на это обследование?

— Брак — дело серьезное! — ответил господин Анно. — Здесь торопиться нельзя! К тому же, вы можете получить медицинскую справку в России. Для этого вам надо прийти к врачу, аккредитованному при Консульстве Франции, он даст нужные направления и консультации.

— Хорошо! — вздохнула я. — Вижу, что мне придется собрать кучу бумажек, разложить их по папочкам, поставить на них апостиль и...

— Апостиль будете ставить не вы, а вам — на ваши бумаги, — прервал меня господин Анно. — В таких вопросах надо быть точным. Что касается многочисленных бумажек и папочек, вам это — на пользу. Пройдя через подобную процедуру, вы научитесь собирать нужные бумаги, подшивать их в папки и хранить до поры до времени.

— Я постараюсь.

— Уж пожалуйста, дорогая моя! Постарайтесь! Хотите стать женой, учитесь самодисциплине!

«Какой же он зануда! Вот не ожидала!»

— Еще один момент! Поскольку вы завели речь о браке, должен вас поставить в известность, что в распоряжениях, выданных мне Дмитрием Павловичем, есть такой пункт: в случае вашего замужества мне необходимо составить брачный контракт. Этот контракт должен быть передан в мэрию при заключении брака.

Я что-то слышала о брачных контрактах, но как они составляются и зачем, не знала. Считая, что составление контрактов — необходимая формальность, я приготовилась выслушать еще одну лекцию.

Как ни странно, предвкушение от обсуждения этой темы привело почтенного нотариуса в хорошее настроение. Господин Анно улыбнулся и начал:

— Из трех основных видов брачного контракта Дмитрий Павлович выбрал для вас следующий: раздельное владение имуществом.

— Что это значит? Разве у мужа и жены может быть раздельное имущество?

— Как вы наивны! — господин Анно перешел на отеческий тон. — Сразу видно, что у вас — российские представления о браке.

— Неудивительно!

— Конечно! Большая часть ваших сограждан имеют аналогичные представления. И абсолютно согласен, это — неудивительно! Такие контракты подписывают, когда люди, вступающие в брак, владеют солидной собственностью, а в вашей стране крупные собственники только-только начинают появляться.

Я равнодушно пожала плечами. Для меня сбор справок, необходимых для брака, являлся самым большим препятствием. А брачный контракт! Если его положено составлять, пусть господин Анно и составляет. Он знает: как, почему, зачем. В конце концов, можно и не объяснять все эти подробности.

— По данному брачному контракту, — между тем, продолжил господин Анно, — полностью исключается понятие совместного владения имуществом. У каждого из вас на имущество останутся те же права, что и у холостых граждан. Если бы не было прямого распоряжения Дмитрия Павловича, я бы тоже посоветовал этот контракт. Он — безупречен. Во-первых, каждый из супругов сохраняет полные права на собственное имущество, включая и нажитое во время брака. Во-вторых, легко проверить истинные чувства жениха и невесты.

— Как связан контракт и чувства?

— Самым прямым образом! — воскликнул господин Анно. — Если человек по-настоящему влюблен, для него не имеет значения, какое имущество у его половины. Согласны?

— Абсолютно!

— Я рад, что в данном вопросе мы нашли взаимопонимание. Надеюсь, не возражаете, если на эту тему я поговорю с вашим женихом?

— Буду рада! В отличие от меня, Морис — очень практичный человек.

— Не сомневаюсь! — быстро отозвался господин Анно. — Продиктуйте мне номер его телефона, я сам объясню вашему будущему мужу условия брачного контракта.

— Как я вам признательна!

— Пустяки!

Господин Анно встал и любезно проводил до двери.

— Позвоните мне завтра часов в десять утра, мы с вами съездим в банк.

— До встречи, господин Анно!

— Всего вам хорошего!

* * *

Я шла по avenue Noche и улыбалась.

«Я сам объясню вашему будущему мужу...» — вспоминались слова нотариуса.

Будущий муж! Мое сердце заняло от сладкого сочетания — муж Морис.

«А может быть, лучше так: Морис — муж?»

Я остановилась и попыталась мысленно увидеть разницу: «муж Морис, Морис — муж».

«По-моему, одно и то же», — решила я и пошла дальше.

Прохожие, идущие навстречу, с интересом поглядывали на меня. Наверное, на моем лице было написано: «Я счастлива!» Думаю, всегда приятно видеть счастливого человека. Прохожие улыбались, и я улыбалась в ответ.

«До чего хороша жизнь! Как красив Париж, и какие приветливые люди — французы!»

В моей голове бурно пульсировала кровь, а сердце, перегонявшее ее, радостно стучало: «Муж Морис, Морис — муж!»

Я чувствовала, что очень хочу замуж. Не просто замуж, а именно за Мориса. Я представляла, как, просыпаясь, буду видеть его рядом с собой; как, сидя за утренней чашкой кофе, буду смотреть в его бездонные бархатные глаза; как его руки будут обнимать меня; как...

То ли от этой мысли, то ли от солнечных лучей меня окатила такая жаркая волна, что я вынуждена была остановиться. Растерянно посмотрев вокруг, я увидела небольшое кафе и, усевшись за столик, расположенный прямо на тротуаре, заказала бокал вина.

«Как приятно быть замужней женщиной!» — продолжала рассуждать я.

Вино привело меня в норму, и непередаваемое чувство блаженства заполнило каждую клеточку тела. Замужем! Подобный опыт у меня был, но только — отчасти. Разве можно сравнить Олега Александровича с Морисом? И дело тут не в возрасте, не в темпераменте! Олег Александрович был занудой!

Я вспомнила, что совсем недавно одарила таким же определением господина Анно.

Улыбка тронула губы, и, сделав глоток вина, я утвердительно кивнула головой.

«Почтенный нотариус — зануда! Наверное, именно поэтому он ходит в холостяках».

Я улыбнулась шире. Передо мною появился образ господина Анно. Махровый халат туго обхватывал его брюшко, губы плотно тянулись к куску отбивной. Перед ним сидела маленькая женщина и с тоской слушала разглагольствования о брачных контрактах, счетах, наследственных делах.

Юристы и математики в чем-то похожи. В их повседневной работе должна быть точность и аккуратность. То ли дело Морис! Историк, бродяга, просто компанейский человек! Хотя жизнь и заставляет его считать деньги, но они текут сквозь пальцы, не задерживаясь. И честное слово, мне это нравится! Нравится бесшабашность, легкое отношение к повседневным проблемам, юмор и даже его пижонство!

Стоило мне подумать о Морисе, как зазвонил телефон.

— Привет, моя хорошая! Что делаешь?

— Сажу в кафе и пью вино.

— Похвально! А я только что говорил с твоим нотариусом.

— Представляю! Я просидела у него три часа, вот теперь запиваю наш разговор. Так устала от серьезной беседы, что голова кружится.

— Голова у тебя кружится от бессонных ночей! — весело заметил Морис. — Я и сам не в форме. Давай сегодня выспимся, а завтра вечером встретимся и поедем ко мне в усадьбу.

— Как долго ждать! Больше двадцати четырех часов.

— За это время ты успеешь отдохнуть и соскучиться!

— Я обещала господину Анно съездить в банк, а затем пообедать.

— Правильно! Надо совмещать полезное и приятное. Кстати, я тоже договорился с ним встретиться.

— Когда?

— По всей вероятности, сегодня вечером.

— Он тебя утомит.

— Ничего, я привык разговаривать с подобными людьми. Думаю, встреча будет не длинной. К тому же, у меня сегодня экскурсия: везу группу в Мулен-Руж.

— Мулен-Руж? Я там не была.

— С тобой — все впереди! Целую, моя русская звездочка!

— Я люблю тебя, Морис!

Наверное, последнюю фразу Морис не услышал.

«Ничего! У нас еще все впереди!»

Вечером я позвонила Морису. Мне хотелось узнать подробности встречи с нотариусом и услышать родной голос. Телефон не отвечал. Утром — та же история: «Абонент не отвечает, попробуйте позвонить позже».

«Забыл включить», — решила я и поехала на встречу с господином Анно. Выйдя из банка, мы с Жан-Полем отправились в ресторан. Нотариус шутил, рассказывал забавные истории и, несмотря на жару, был весел и бодр.

«Интересная метарфоза! — подумала я. — Как только мы встречаемся вне нотариальной конторы, господин Анно преображается. Вместо крючкотвора-юриста появляется интересный собеседник, демонстрирующий не только остроумие, но и изысканные светские манеры».

Ожидая заказанный обед, я решила позвонить в третий раз. Телефон был включен, но Морис не брал трубку. Тревога, ушедшая от меня в день парижской грозы, появилась вновь и уколола в сердце.

«Куда он делся? — не слыша, о чем говорит господин Анно, думала я. — Может быть, с ним что-то случилось?»

Тревога стала ощутимее и грозила захватить меня всю.

«Только бы был жив и здоров! Только бы не авария!»

У меня уже не было сил сидеть в ресторане и слушать разглагольствования старого нотариуса, и, перебив его складную речь, я спросила:

— Вы встречались с Морисом?

— Да, — ответил господин Анно. — Вчера вечером, между шестью и семью часами.

Он обеспокоенно посмотрел на меня и спросил:

— Что произошло? На вас страшно смотреть!

— Морис не отвечает на мои звонки.

— Ух! Я-то думал, что случилось нечто непредвиденное!

— Вы считаете нормальным, если жених не отвечает на звонки своей невесты?

Благодушное выражение, бывшее на лице Жан-Поля еще минуту назад, сменилось на колюче-сердитое, и он с вызовом ответил:

— Да, я считаю, что в данном случае жених может не отвечать на телефонные звонки невесты!

— Почему вы так говорите?

Меня охватил ужас. Я почувствовала, что за вопросом последует смертельный выпад.

— Потому что я, Маргарита Владимировна, поговорил с вашим женихом.

— Вы отговорили Мориса жениться?

— Упаси Господь! — замахал руками господин Анно. — Как вы могли такое подумать?

Он сделал обиженное лицо и с достоинством сказал:

— Я никогда не вмешиваюсь в чьи-либо личные отношения! Никогда!

— Извините! Я не хотела вас обидеть.

— Оставим извинения.

Официант принес вино и, разлив его по бокалам, удалился.

— Так как вы моя клиентка, естественно, я стою на страже ваших интересов. Вы согласны, что это правильная позиция?

— Не спорю. Однако при чем здесь Морис?

— Не спешите, сейчас объясню.

Господин Анно вдохнул аромат вина и, сделав большой глоток, с грустью посмотрел на меня.

— Я не стал говорить Морису о сумме вашего наследства. Думаю, он и сам догадывается, что наследство — немаленькое. Я рассказал лишь об условии, поставленном покойным Дмитрием Павловичем.

— Ну, и?

— Морису это не понравилось. Он стал настаивать, чтобы мы пренебрегли волей вашего дедушки.

— Это исключено! — воскликнула я. — Дедушка был так добр ко мне! Я ни за что не решусь нарушить его желание!

Помолчав, я добавила:

— Каким бы странным это желание ни казалось.

— Рита, вы — удивительная женщина! — господин Анно привстал и в почтении поклонился. — Теперь мне понятна фраза из письма Дмитрия Павловича: «Рита — сама искренность, пусть наивная, слегка безалаберная, но искренность! Она не имеет того подлого и корыстного начала, которое присутствует во многих известных мне женщинах».

От волнения Жан-Поль даже задышался.

— Спасибо за дедушкины слова. Поверьте, они мне очень дороги!

— Вы их заслужили. Во время разговора с Морисом я даже не догадывался о вашей преданности Дмитрию Павловичу.

Господин Анно увидел мой протестующий жест и поправился:

— Простите, не так выразился. Если сказать точнее, я не думал, что верность прошлому у вас гораздо сильнее верности настоящему.

— Либо я утратила способность понимать французскую речь, либо вы не совсем верно выразились.

— Оставим этот вопрос. По большому счету, он уже не имеет никакого значения. Так вот, Морис выслушал меня и стал горячиться. Он настойчиво предлагал вариант совместного владения имуществом. Я этот вариант категорически отвергал. Морис хотел звонить вам, но почему-то передумал.

— Почему передумал?

— Видимо, решил, что вариант брачного контракта от вас не зависит.

— Правильно решил. Но какое значение имеет брачный контракт?

— Маргарита Владимировна, милая моя! Да очнитесь вы наконец! Какой бы наивной вы ни были, но неужели трудно понять, что Морис хотел жениться не на вас, а на деньгах Дмитрия Павловича!

— Нет, нет! Это не так! — в ужасе сказала я, прикрывая рот, чтобы не закричать. — Морис любит меня.

— Я вам сочувствую. Поверьте, очень сочувствую! — подбородок господина Анно дрогнул, и мне показалось, что он вот-вот заплачет. — Но чувства — это одно, а деньги — совсем другое!

Он заглянул в мои глаза и добавил:

— Хорошо, что вы не поспешили!

Сказанной фразы я не поняла.

— Разве мне грозила какая-то опасность?

Господин Анно налил полный бокал вина и, протянув его мне, сказал:

— Прежде чем встретиться с вашим женихом, я навел о нем справки. Оказывается, Морис — по уши в долгах. И не просто в долгах, за ним тянется кое-какой криминал: то ли наркотики, то ли...

Он замолчал и смущенно заерзал на стуле.

— Какие наркотики! — от возмущения я чуть не задохнулась. — Вы с ума сошли?

— Маргарита Владимировна, только спокойней!

Господин Анно растерянно развел пухлыми руками и заморгал. По-видимому, такой реакции он не ожидал.

— Можно допустить, что Морису нужны деньги, что он в долгах, — продолжала я, — но криминал! Нет! Все, что вы говорите — неправда!

Я вскочила из-за стола и бросилась к выходу.

— Рита! Маргарита Владимировна! Пойдите!

Выскочив из ресторана, я бросилась к дороге.

— Такси, такси! — крикнула я.

Машины неслись мимо и не останавливались.

— Черт побери! Где же такси!

Из правого ряда вынырнула небольшая машина и резко затормозила около тротуара.

— Мне за город! — крикнула я.

— Садитесь, мадам.

Усаживаясь на заднее сиденье, я посмотрела в сторону ресторана. Около окна сидел господин Анно и разделялся с устрицами. Он уже успокоился и, по-видимому, решив, что сделал для меня все возможное, спокойно продолжал обед. Вид толстых губ, лоснящихся от сока устриц, вызвал у меня приступ тошноты, и, выхватив из сумки платок, я прижала его к лицу.

— Мадам? — встревоженно спросил шофер.

— Ничего, ничего! — ответила я. — Пройдет.

— Зуб?

Шофер участливо посмотрел в висящее перед ним зеркальце.

— Да, да, зуб!

Я была благодарна за подсказку, она позволяла мне страдать молча. Сказав адрес, я откинулась на сиденье и закрыла глаза.

«Не надо спешить с выводами, — думала я. — Господину Анно легко судить: для него Морис — охотник за чужими деньгами. А для меня — самый желанный мужчина!»

Я застонала от воспоминаний.

«Надо понять его проблемы, и все встанет на свои места, — внутренний монолог продолжался. — Допустим, у Мориса — долги. Большие долги. Все бывает! Запутался, просчитался, вот и пожалуйста! Но ведь это не страшно! С долгами можно расплатиться. Я постараюсь их выплатить. Конечно, не избежать разговоров с господином Анно, но ради Мориса я все выдержу. Затем мы поженимся и будем жить экономно. Мне — не впервой».

Я открыла глаза. Мы подъезжали к окружной дороге.

«В крайнем случае продам свою московскую квартиру, ею я могу распоряжаться сама. — Эта мысль приободрила, и я отложила платок в сторону. — А почему бы и нет? В конце концов, ближе Мориса у меня никого нет. К тому же, я почти ничего не теряю: в

Москве и Париже у меня останутся дедушкины квартиры».

Мы въехали в пригород.

«Хорошо, что у Мориса я уже была, а то куда бы мне ехать?»

Воспоминания о поездке в усадьбу были такими сладкими, что я блаженно улыбнулась.

Шофер посмотрел в зеркало и быстро отвел взгляд.

«Пусть думает что хочет!»

Я вспомнила встречу в Люксембургском саду. Каким ироничным был Морис! А его глаза! Они походили на водоворот: взгляд их затягивал и подчинял. Появилось ощущение, что я — в плену у неведомой силы. Она бережно схватила мою душу и понесла. Куда? Не знаю. Даже теперь не знаю. Может быть, вверх? Тогда — все будет хорошо. А если вниз?

От этого предположения стало жарко. Я прижалась к стеклу и посмотрела на дорогу. За окном проносились поля. Три недели назад я их уже видела. Это было после встречи в Люксембургском саду, встречи, изменившей мою жизнь. В тот день мы с Морисом отправились в усадьбу. С утра было пасмурно, солнце то выглядывало, то пряталось за облаками. Мы уже подъезжали, когда начался дождь. С неба падали редкие крупные капли, и их освещало солнце.

— Смотри, Морис, грибной дождь! — воскликнула я.

— Да-да.

Вторую половину пути Морис молчал и о чем-то сосредоточенно думая.

— После такого дождя обязательно появятся грибы, — продолжила я. — Ты любишь грибы?

— Грибы? Нет! — Морис затормозил и повернулся ко мне. — Я люблю тебя!

Меня охватила дрожь.

— Ты слышишь? — нетерпеливо спросил он. — Я люблю тебя!

В глазах Мориса появилось что-то новое. Я заглянула в их глубину и увидела ночь. Признаюсь, ее темнота показалась мне такой плотной и угрожающей, что я почувствовала тревогу.

— Испугалась?

Морис поцеловал меня и ласково прошептал:

— Маленькая, целомудренная девочка!

Он включил стартер, и «Пежо» покати́л к серому дому, стоявшему на пригорке. Я смотрела в окно и по мере того, как машина приближалась к дому, в своем воображении уноси́лась от него дальше и дальше. В памяти появился старый двор, каштан у подъезда, знакомое окно. Около окна — я. Мое лицо белело за стеклом, и глаза напряженно всматривались в московские сумерки. Помнится, за исхлестанным ветром стеклом я пыталась увидеть другую жизнь, яркую и многогранную. Пыталась и не могла. По грязным тротуарам неслись почерневшие листья, плелись уставшие от жизни люди. Взгляд беспомощно метался над унылым двором и наконец поднимался вверх. Преодолев толщу туч, он устремлялся на юг. Я видела солнце, море, загорающих людей. Казалось, у них не было проблем: они шутили, плескались, флиртовали. Среди них выделялся мужчина лет сорока. Я хорошо помнила его бархатные глаза. Они кружили голову и затягивали в темноту. Сердце начинало мелко дрожать и, ухнув в бездну, глухо стучало: «SOS, SOS!»

— Вот мы и приехали!

Морис подъехал к дому и остановил машину. Я по-прежнему смотрела в окно и витала в

собственных мыслях.

«Разве так бывает? Увидеть человека, не зная его! Однако я видела! Видела глаза, затягивающие в темноту. Такие бархатные глаза — только у Мориса, других — нет! Может быть, это пророчество? Такое же, как в моих снах? Или как гадание старухи? Ведь она предвидела, что мы встретимся! Уже тогда, четырнадцать лет назад!»

Мне стало страшно.

«Неужели все предопределено? И кто же тогда Морис?»

— Задумалась! — ласково сказал Морис. — Как всегда, копаешься в собственных мыслях!

Он обхватил мою голову и приблизил к окну.

— Посмотри, какая радуга!

Морис придвинулся ко мне и прошептал:

— Это знак свыше! Радуга похожа на дом с круглой крышей.

— Или на мост, — добавила я.

— Мост через что?

— Через прошлое. Один его конец — в настоящем, другой — в будущем.

Похоже, Морису такой образ понравился.

— Разноцветная дорога в будущее, — продолжил он.

— И что это значит?

— Значит, жизнь будет яркой и многогранной.

Я давно не жила яркой и многогранной жизнью. Наверное, с детства. Губы Мориса приблизились, и мне показалось, что мы и впрямь поднимаемся по радуге. Выше и выше! Рука за руку. Мы шли, и нас окружали розовые, оранжевые, фиолетовые блики. Они двигались, как лучи прожектора, и наконец слились вместе. Яркий белый свет хлынул вниз, и, оторвавшись от губ Мориса, я сказала:

— Ты прав, это знак! В наших отношениях все будет чисто и прозрачно!

Радуга задрожала и исчезла. Я вышла из машины и пошла к дому. Морис поспешил за мной. В доме была полная разруха. По углам — старая мебель, на полу — толстый слой пыли, куда ни глянь — пустые бутылки.

— Одним словом, свинарник! — войдя за мной в дом, воскликнул Морис.

— Почему такая запущенность?

— Здесь давно никто не живет.

— А ты?

— Я — не хозяин. Мне всего лишь дали приют.

Морис прошел в дальний угол. Это было единственное относительно чистое место.

— Хочешь, зажгу огонь?

— Хочу.

Я села на диван и стала смотреть в камин. Огненные язычки сначала робко, затем все смелее поднимались по огромным поленьям и наконец превратились в бушующее пламя. Пламя с яростным торжеством заняло все пространство камина и победно загудело.

Морис подошел ко мне и стал целовать сначала шею, плечи, затем...

— Мадам, это тот дом?

Такси остановилось на обочине, и, вынырнув из воспоминаний, я посмотрела в окно. В некотором отдалении от дороги виднелась старая усадьба.

— Да, да! Он самый!

Машина свернула с трассы и подъехала к дому. Я попросила шофера подождать и вышла. Желтый «Пежо» стоял под навесом.

«Все в порядке! — я с облегчением вздохнула. — Сейчас мы с Морисом все обсудим, и...»

Тихонько открыв дверь, я вошла в комнату. Камин ярко пылал, а на диване двигался клубок голых тел. Я услышала частое дыхание, стоны, крики; увидела переплетенные ноги...

Оторопь, стыд, омерзение охватили меня. Казалось, в огненных бликах пляшет нечистый дух. Вот он выскочил из-под извивающихся тел и посмотрел в мою сторону. Черные бархатные глаза, в них — вождление и страсть. Страсть, непроглядная, нечеловеческая, похотливая! Наши взгляды встретились, и меня захлестнула топь. Она была наполнена нечистыми испарениями, тревожными звуками, невидимыми опасными существами. Топь издала хлюпающий звук, и, показалось, еще мгновение, вот-вот и она поглотит меня. Я вскрикнула и выскочила из дома.

Подбежав к машине, я упала на заднее сиденье и крикнула:

— Прочь отсюда! Скорее!!!

Шофер испуганно посмотрел на дом, машина взревела и помчалась в Париж. Закрыв глаза, я лежала на сиденье и чувствовала тошнотворную дурноту. Казалось, на меня навалился большой синий шар. Он смотрел через гигантское пенсне и шевелил толстыми губами.

— Ведь предупреждала! — услышала я.

Шар стал расти. Он становился больше и больше и наконец превратился в старую знакомую — Обиду. Крупные седые букли касались моего лица, резкий старческий запах лез в ноздри, трудно было вздохнуть.

— Истину говорила, помнишь? Хороших мужчин — нет, все они — сволочи!

— Неправда! — воскликнула я, и в памяти пронеслись два образа: один из них — отец, другой — Дмитрий Павлович.

— Утру предшествует ночь! — прошелестели они и растаяли.

Шар приподнялся, стало легче дышать.

— Какое утро? — возмутилась Обида. — Ночь, кругом только ночь!

Я попыталась найти точку опоры и встать. Тщетно! Вокруг была пустота. Абсолютная пустота! Ни кожаного сиденья, ни старухи — ничего! Я вскрикнула и понеслась вниз.

— О-хо-хо! Догорела свечка! — послышалось сверху. — Догорела!

Темный туннель становился все шире, и меня охватила паника.

«Боже, как страшно! — мысли металась в голове и искали выход. — Неужели впереди — смерть?»

Передо мной появился свет. Он летел навстречу и напоминал озеро. Вместе со светом несся ветер. Он сделал крутой вираж и, подхватив меня, повернул назад. Я обернулась и увидела старуху. Огромный рот, вывернутые губы. Старуха что-то кричала, и ее крик походил на вой. Откуда-то сверху послышался нарастающий рокот, и вот уже оглушительный гром сотряс все окружающее пространство. Стены туннеля раскололись, и в появившемся просвете показался орел. Он летел ко мне и раскидывал клочья туннеля в стороны.

— Спасите ребенка! — донесся голос старухи.

Орел схватил меня за шиворот и перекинул на спину. Он взмыл вверх, и в открывшейся синеве меня озарило.

Я — беременна! Как же все просто! Лето, крохотный ребенок — все сходится!

От радости закружилась голова, и, глубоко вздохнув, я уткнулась в белые перья. Морис, клубок голых тел, жаркое дыханье страсти растворились в пространстве и улетели в прошлое. В моем настоящем их больше не было. Сейчас существовали — ребенок, я и белый орел. Хотя нет! С нами летел Тот, без которого не было бы ни меня, ни моего крошечного сына, ни любви. Да, да, любви! Она разливалась в моей душе и заполняла каждую клетку. Я готова была любить всех: Варьку, Нюту, моих маленьких крестников, Ляльку, старуху-гадалку, Мориса, подарившего мне сына.

— Сына, моего сына! — прошептала я.

Орел повернул голову, и в его мудрых глазах я увидела свое счастье. Оно было таким маленьким, таким слабым и хрупким, что мне стало страшно. Вдруг потеряю, упущу его!

Почувствовав мое беспокойство, орел завис и стал медленно снижаться. Он пролетел над Парижем, пригородами, полями и, догнав мчавшееся по дороге такси, опустил меня на кожаное сиденье.

Я открыла глаза.

— Как же вы меня напугали! — воскликнул шофер.

Он с тревогой поглядел на меня в зеркальце и спросил:

— Мадам была в обмороке?

— Думаю, нет! Я летала на белом орле.

Шофер резко повернул руль, и машина чудом не улетела в кювет.

— Осторожно! — испуганно воскликнула я. — Вы можете погубить моего сына!

— Мне надо перекурить.

Шофер нажал на тормоз, и мы остановились. Выйдя из машины, я огляделась. Как хорошо! Мучившая меня тревога осталась около серого дома; Обида скрылась за поворотом, а старуха-гадалка поджидает во дворе.

Я подошла к шоферу и взяла его за руку.

— Мадам?

Все это время он стоял около машины и, наблюдая за мной, нервно курил.

— Вы решили, что я — того?

Повертев пальцем около виска, я улыбнулась.

— Не знаю, что и сказать.

— Хотите раскрою свою тайну?

— ???

Шофер осторожно высвободил руку и отошел на шаг.

— Я — беременна!

— Бог ты мой! Что же вы раньше не сказали!

— Да так...

— Тогда поехали! — весело сказал он.

— Поехали.

Машина тронулась, и, насвистывая какую-то мелодию, водитель уже глядел только на дорогу.

— А почему вы не спросили про орла?

Молчание шофера было непонятно.

— Так что спрашивать? И так ясно!

— Что ясно?

— Вы же сказали, что ждете ребенка! А беременной женщины какой спрос — она и почудить может.

Он вывел машину на кольцевую дорогу и заговорил вновь.

— Когда жена была в вашем положении, она такое вытворяла! То плачет целый день, то обижается, то смеется! Измучился с ней, честное слово! Еле дождался, когда родит.

— А потом?

— После родов, что ли?

Я кивнула.

— Стала опять нормальной!

Шофер подмигнул в зеркальце и добавил:

— И у вас пройдет! Вот родите, и орлы пропадут.

— Почему же?

— Будет не до них! — уверенно сказал он. — Бессонные ночи, пеленки, молоко, — тут только успевай!

Все, что говорил этот мужчина, было интересно. Чувствовалось, у него есть то, чего у меня нет, — опыт ухода и воспитания малыша.

— Вы не переживайте! Родите, вам все расскажут.

Мы уже ехали по Парижу. Я рассеянно смотрела по сторонам и, прислушиваясь к себе, улыбалась.

«Мой маленький! Самый родной!»

— Мне непонятно одно, — шофер затормозил у светофора и смущенно потер переносицу. — Кто вас так напугал?

— Крысы! — ответила я. — В доме было полно крыс.

— О! Какая мерзость! А я-то думал...

Водитель выехал на набережную и опять поглядел в зеркальце.

— Куда же теперь?

— Отвезите к ресторану.

— Где вы меня остановили?

— Да.

Машина развернулась, и, глядя на мутные воды Сены, я подумала:

«Сделала круг и вернулась к исходной точке».

Эта мысль мне не понравилась.

«Почему же к исходной? Два часа назад я принадлежала только Морису, а теперь... Теперь в моей жизни все изменилось. В ней появился по-настоящему родной человек — мой крошечный сын!»

— Вот и ресторан, — сказал шофер и остановил машину.

Посмотрев в окно, я увидела господина Анно. Он сидел за маленьким столиком и, дымя сигарой, читал газету.

— Огромное спасибо!

Я расплатилась и вошла в ресторан.

— Рита, милая! — воскликнул господин Анно. — Рад, что вы вернулись!

— Очень хочу есть, — присаживаясь, сказала я.

— Сейчас мы это организуем!

Жан Поль оживился и, отложив сигару в сторону, позвал официанта.

— Что будем заказывать?

— Луковый суп, фаршированные баклажаны, рыбу по-парижски, — скороговоркой выпалила я, — затем кофе, снежки и бланманже.

— Вот это я понимаю!

Господин Анно широко улыбнулся и посмотрел на меня с явной симпатией.

— Можно добавить бутылку хорошего вина, — сказал он.

— Ее вы выпьете один. С сегодняшнего дня я не пью!

— Что так?

— Завязала! — по-русски ответила я и заговорщицки подмигнула.

Господин Анно вопросительно поднял бровь, однако переспросить не решился. Мои счастливые глаза сбивали его с толку, и, как настоящий гурман, серьезные разговоры он оставил на десерт.

— Утру предшествует ночь! — улыбаясь, сказала я.

— Да, да! Это правильно! После ночи всегда наступает утро.

Он взял потухшую сигару и добавил:

— Иначе — что это за жизнь!

Она жила в маленьком привычном мирке. Но встреча с гадалкой все изменила. Теперь ее жизнь – сплошной водоворот страстей и необыкновенных приключений. Головокружительный роман, неожиданное наследство, поездка в Париж – разве могла мечтать об этом скромная учительница?

Но только что обретенное счастье готово лопнуть как мыльный пузырь, когда она понимает, что ее избранник не тот, за кого себя выдает...

ISBN 978-5-17-053461-6

9785170534616

Она жила в маленьком привычном мирке. Но встреча с гадалкой все изменила. Теперь ее жизнь — сплошной водоворот страстей и необыкновенных приключений. Головокружительный роман, неожиданное наследство, поездка в Париж — разве могла

мечтать об этом скромная учительница?

Но только что обретенное счастье готово лопнуть как мыльный пузырь, когда она понимает, что ее избранник не тот, за кого себя выдает...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.